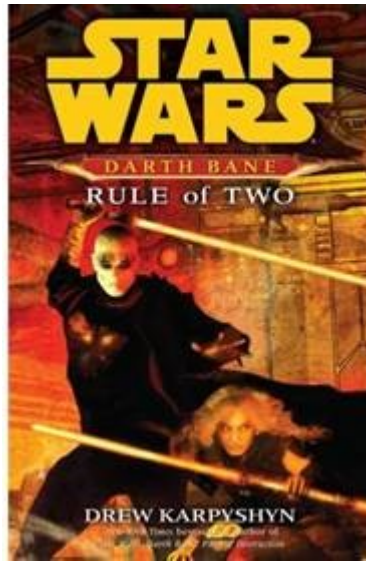


Дрю Карпишин Дарт Бейн 2: Правило двух



Аннотация

Дарт Бейн готов воплотить свое видение мирового порядка в реальность, с помощью, как он думает, ключевого элемента, который приведет его к полному триумфу – ученика обученного тонкостям Темной стороны. Хотя она молода, Занна обладает инстинктивной связью с Темной стороной, которая возможно превосходит учителя. С его помощью, она станет большим подспорьем в уничтожении Джедаев и захвата власти галактики.

Есть тот, кто хочет остановить Дарта Бейна – Джохан Асон, Падаван Мастера Джедая Лорда Хота, погибшего от рук Бейна в последней великой Ситской Войне. И хотя остальные Джедаи насмеются над ним, вера Джохана, что Ситы выжили непоколебима. Пока Джохан продолжает свое упорное преследование того кто убил его Учителя, Занна неожиданно сталкивается со своим прошлым, начиная сомневаться в своем предназначении, а Дарту Бейну снизошло видение в котором он приобретет новые знания и такую мощь – мощь которая, изменит его способности, о которых он даже и не мечтал...

Дрю Карпишин Дарт Бейн 2: Правило двух

Моим родителям, Рону и Вив, и младшей сестренке, Дон.

Эта книга обрела законченный вид всего за шесть месяцев – невероятно короткий срок для того, чтобы преобразить идею в доведенную до конца работу, которая ляжет на прилавки магазинов. Мне хотелось бы поблагодарить всех в «Лукас Лайснзинг Лтд.» и «Дел Рей Букс», кто принимал участие в этом неслыханном свершении, и особые благодарности адресовать моей жене, Дженифер. Не думаю, что без ее помощи и понимания, я смог бы уложиться в те предельные сроки, в рамках которых вынужден был работать. Но более всего, я признателен всем поклонникам, которые купили книгу «Дарт Бейн: Путь разрушения». Без вашей поддержки это продолжение никогда бы не состоялось. Моя вам искренняя и низжайшая благодарность.

– Дрю Карпишин

От переводчика

Перефразируя автора романа, скажу, что перевод обрел законченную форму целых два года. За этот срок случилось многое, как хорошее, так и не очень. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что все случившееся было весьма занятно и не прошло для меня даром.

Итак, действие книги берет свое начало сразу по окончании событий, описанных в первом романе. Как и в «Пути разрушения», сюжет «Правила двух» лишь частично основан на других источниках, затрагивающих те же события и отдельных персонажей.

Как и прежде, что-то взято из комикса «Джедаи против ситов», немного изменено и теперь лишь частично преобладает в сюжете. Полет Бейна на Дксан, поиски им гробницы Фридона Надда и последующее столкновение с орбалисками было описано задолго до Дрю Карпишина Квином Дж. Андерсоном в его рассказе «Бейн из ситов». История Андерсона почти целиком, но с отличимыми различиями, перенесена в данный роман. Остальная часть повествования целиком является плодом трудов Карпишина, с некоторыми заимствованиями из ранее выходивших работ, в том числе из дилогии «Рыцари Старой Республики» и справочников по ролевым карточным играм.

Как я могу лишь надеяться, перевод второй части на голову или даже две превосходит предшественника. В этот раз я попытался зайти чуть дальше, не ударяясь в законченную отсебятину. По ходу чтения вы обнаружите, что каждый персонаж обладает собственной манерой речи, построенной относительно его «легенды». Например, для Занны характерна провинциальная речь, что более заметно в ее юном возрасте и чуть менее в зрелом. Дарт Бейн предпочитает изъясняться сложными, витиеватыми предложениями, в которых изредка проскальзывают нотки говора шахтера и солдата. То же и с другими персонажами. Несколько грубовато я обошелся с ондеронскими звериными всадниками. В оригинале те звучали как типичные жители американского юга; выбор аналога был предельно логичен, не судите строго.

В целом, насколько я могу судить, перевод довольно строен и не цепляет глаз. Что до финальной оценки, то ее я хочу предоставить вам.

Я благодарю тех, кто ждал перевод, несмотря на затянутые сроки и постоянный их перенос (уж извиняйте), поддерживал и пинал меня на всем протяжении работы. Спасибо и тем, кто не брезговал кидаться гнилыми помидорами и показал свое настоящее, совсем не милое лицо... Что ж, вы добавили мне головной боли, но без вас жизнь была бы безмерно скучна. Самое большое «спасибо» адресуется Маре Джек Magnifique, грамотный подход которой помог избежать многих ляпсусов.

Что ж, для меня история о Бейне заканчивается на втором романе. В то время как третья часть уже переведена и вскоре осядет на просторах интернета, ваш покорный слуга не имеет к ней никакого отношения. Будем надеяться, она придется вам по душе. Для меня это путешествие было приятным и во многих отношениях дало полезный опыт.

Приятного чтения, и пусть роман не оставит вас равнодушными.

May the Force be with you. Always.

Пролог

Даровит заплетающимся шагом обходил тела, устилавшие поле брани, не помня себя от горя и ужаса. Многих он узнавал: одни были слугами светлой стороны, соратниками джедаев; другие – последователями темной стороны, приспешниками ситов. И даже в глубоком оцепенении Даровит не мог решить: к какой из сторон принадлежит он сам?

Несколько месяцев назад он еще носил детское прозвище – «Томкэт». Тогда он был худым, темноволосым пареньком тринадцати лет, живущим с двоюродными братом и сестрой на маленькой планете Сомов Рит. До них доходили слухи о затяжной войне джедаев

и ситов, но они даже не думали, что та коснется их спокойной, обыденной жизни... пока разведчик джедаев не явился к Руту, их законному опекуну.

Генерал Хот, лидер Армии Света, отчаянно нуждается в новых джедаях, пояснил разведчик. Судьба всей Галактики висит на волоске. А дети, о которых заботится Рут, способны повелевать Силой.

Поначалу Рут отпирался. Утверждал, что его подопечные слишком малы, чтобы идти на войну. Но разведчик стоял на своем. Наконец, уяснив, что если дети не отправятся к джедаям, то ситы могут прийти и забрать их, Рут сдался. Даровит с кузенами оставили Сомов Рит и направились на Руусан. Тогда дети думали, что это начало большого приключения. Теперь Даровит видел правду.

Слишком много произошло с тех пор, как они прибыли на Руусан. Все переменялось. И юноша – ибо он пережил столько за последние недели, что не мог больше зваться мальчиком – ничего из этого не понимал.

Он летел на Руусан полный надежд и желаний, с мечтами о славе, которая падет на него, едва он поможет генералу Хоту и Армии Света одолеть ситов из Братства Тьмы Каана. Но на Руусане не сыскалось и следа славы; только не для него. И не для его кузенов.

Рейн погибла прежде, чем их корабль коснулся поверхности. Всего через секунду после входа в атмосферу они попали в засаду, устроенную эскадрилей ситских «канюков». Один из выстрелов пришелся на корму. Даровит в ужасе наблюдал, как Рейн сметает взрывной волной, и, вырывая из его рук, бросает в невидимые глубины в сотнях метров под кораблем.

Второй его кузен, Баг, ушел лишь несколько минут назад, погубленный ментальной бомбой. Дух его поглотила ужасающая мощь последнего, самоубийственного оружия повелителя Каана. Теперь он мертв. Как и джедаи с ситами. Ментальная бомба уничтожила всякое живое существо, способное касаться Силы. Но Даровит выжил. И он не знал, почему.

По сути, ничто на Руусане не имело для него смысла. Ничто! По прилету сюда он ожидал застать легендарную Армию Света, о которой был наслышан из рассказов и поэм: героических джедаев, оборонявших Галактику от темной стороны Силы. Но вместо этого увидел мужчин, женщин и инородцев, воюющих и гибнущих как рядовые солдаты, по колено в грязи и крови.

Он ощутил себя обманутым. Преданным. Все, что он слышал о джедаях, оказалось ложью. Они вовсе не герои в сияющих доспехах: их одежда испачкана грязью; их лагерь воняет потом и страхом. И они проигрывают! Джедаи, которых Даровит встретил на Руусане, были разбиты и растоптаны; они устали от нескончаемой череды сражений с ситами Каана, упорно отказывались сдаться даже когда победа, очевидно, ускользала из их рук. И вся мощь Силы не могла вернуть им облик сияющих рыцарей из его наивных фантазий.

На дальнем краю поля почудилось движение. Прищурившись против солнечного света, Даровит разглядел несколько человек, медленно обходящих горы трупов, подбирая тела друзей и врагов. Он не один – взрыв ментальной бомбы пережили и другие!

Он кинулся вперед, но похолодел, едва разобрав черты людей, обремененных тяжелой обязанностью. Волонтеры Армии Света. Не джедаи – обычные мужчины и женщины, присягнувшие на верность лорду Хоту. Ментальная бомба забрала лишь тех, кто мог касаться Силы: эти люди невосприимчивы к ее разрушительному воздействию. Но Даровит не один из них. У него есть дар. Он помнил, как в далеком детстве Силой поднимал игрушки на радость младшей кузине Рейн. Эти люди выжили лишь потому, что были обычными, рядовыми. Они не особенные, как он. Жизнь Даровита казалось загадкой – очередной вещью, которую он не понимал.

Пока Даровит шел, один из людей присел на камень, измотанный работой. Он разменял пятый десяток; лицо его вытянулось и осунулось, словно мрачный труд вкупе с физическими силами истощил и душевные. Даровит помнил мужчину по первым неделям, проведенным в лагере джедаев, хотя так и не потрудился запомнить его имя.

Внезапно осознав всю нелепость своего положения, Даровит остановился на полушаге.

Если он узнал мужчину, то и мужчина может узнать его. Он может вспомнить Даровита. Может вспомнить, что юноша – предатель.

Правда о джедаях внушала Даровиту отвращение. Отталкивала его. Когда иллюзии и мечты рухнули под весом суровой реальности, он повел себя как избалованный ребенок, обернувшись против джедаев. Соблазненный посулами легкой власти темной стороны, он переметнулся к врагу и примкнул к Братству Тьмы. Только теперь он понимал, как сильно ошибался.

Понимание снизошло на него, когда он стал свидетелем смерти Бага – смерти, за которую отчасти отвечал он сам. Слишком поздно Даровит узнал истинную цену темной стороны. И благодаря ментальной бомбе понял, что всех ситов сгубило безумие повелителя Каана.

Он не следовал больше за ситами; не жаждал больше знать секреты темной стороны. Но разве ведомо это старику – преданному соратнику лорда Хота? Если он запомнил Даровита, то запомнил только как врага.

Некоторое время он раздумывал, не попытаться ли сбежать. Просто развернуться и сбежать, и усталый мужчина, еще переводящий дыхание, не сможет его остановить. Прежде он так и поступал. Но теперь все изменилось. То ли из-за чувства вины, то ли из-за скорой зрелости и желания со всем покончить, но Даровит не сделал попытки бежать. Что бы его не ждало, он останется и примет свою судьбу.

Ступая медленно, но решительно, он подошел к камню, где, погрузившись в раздумья, сидел мужчина. Даровит был всего в нескольких метрах, когда тот, наконец, поднял взгляд, чтобы рассмотреть мальчонку.

В глазах его читались пустота, отрешенность.

– Все они, – пробормотал мужчина, обращаясь то ли к Даровиту, то ли говоря с самим собой. – Все джедаи и ситы... все мертвы.

Мужчина повернул голову, вперив отсутствующий взгляд в темный проход близлежащей пещеры. Даровита пробила дрожь, когда он понял, о чем говорит старик. Проход вел вниз, через извивающиеся тоннели в глубину каверны, где Каан и ситы взорвали ментальную бомбу.

Мужчина фыркнул и покачал головой, отгоняя хандру, в которую начинал впадать. Устало вздохнув и поднявшись на ноги, он вновь вернулся к работе. Вяло кивнув Даровиту, старик позабыл про него, продолжив свое мрачное дело: оборачивать тела тканью, чтобы затем с почестями похоронить.

Даровит повернулся к пещере. И вновь ему захотелось сбежать. Но что-то тянуло его в черную утробу тоннеля. Возможно, внутри найдутся ответы. Что-то, что придаст смысл всем смертям и насилию; что-то, что поможет понять причины бесконечной войны и кровопролития. Быть может, он отыщет нечто, что поможет осознать последствия случившегося.

Чем глубже Даровит спускался, тем холоднее был воздух. В глубине живота покалывало: предвкушение сливалось с гадким чувством страха. Он не знал, что именно найдет в пещере в конце тоннеля. Еще больше трупов, возможно. Но он твердо решил не поворачивать назад.

Когда тьма окутала Даровита, он вполголоса обругал себя за то, что не взял светостержня. На поясе у него висел меч; легендарное оружие – один из соблазнов, переманивших его к ситам. Он предал джедаев во многом из-за меча, но не желал больше зажигать его и пользоваться его светом. Когда клинок горел в последний раз, погиб Баг, и воспоминания смазывали впечатление от трофея, ради которого Даровит принес столько жертв.

Он знал, что если повернет назад, то никогда больше не рискнет спуститься, и потому шагал вперед, невзирая на тьму. Он шел не торопясь, раскрыв разум, стараясь призвать Силу, чтобы миновать беспросветный тоннель. То и дело он спотыкался и подворачивал ноги. В итоге, пришлось шарить рукой по скалистой стене, руководствуясь ее поверхностью.

Даровит продвигался вперед медленно, но верно. Пол тоннеля все круче уходил вниз, заставляя почти скатываться в темноту. Через полчаса впереди замерцал тусклый свет, мягкое сияние, идущее с дальнего конца тоннеля. Даровит ускорил шаг... и запнулся за край породы, торчащий из грубой земли. Тревожно вскрикнув, он ухнул вперед, упал и покатился по крутому спуску, пока, наконец, не остановился, побитый и потрепанный, в конце тоннеля.

Тоннель открывался в широкую пещеру с высоким потолком. Тусклый свет, что манил Даровита, отражался от кристалльных песчинок, вкрапленных в камень, и ясно освещал пещеру. С потолка свисало несколько сталактитов; сотни других мириадам осколков покоились на полу, сорвавшись, когда Каан взорвал бомбу.

Сама бомба – или то, что от нее осталось – висела в метре над землей в самом центре каверны – именно она была источником света. Чуть сужавшаяся к концам серебристая сфера достигала в длину четырех метров от основания до верха, и почти трех метров в ширину. Гладкая поверхность отливала светло-серым цветом, отбрасывала тусклое свечение, и поглощала весь свет, отражаемый кристаллами.

Поднявшись на ноги, Даровит поежился. Он удивился, как сильно замерз; сфера высосала все тепло из воздуха. Он подступил на шаг ближе. Хруст пыли и осколков под ногами звучал глухо, словно ментальная бомба поглощала не только тепло пещеры, но и все ее звуки.

Остановившись, Даровит прислушался к неестественной тишине. Он ничего не услышал, но явно что-то ощутил. Слабую вибрацию, проходящую по полу и карабкающуюся по телу – ровный, ритмичный пульс сферы.

Даровит неосознанно задержал дыхание, сделал еще один неуверенный шаг. Не почувствовав опасности, он облегченно выпустил воздух из легких. Собравшись с духом, он осторожно пошел вперед, вытянув руку, не отводя глаз от сферы.

Подойдя ближе, он увидел темные полосы теней, медленно изгибающихся под мерцающей оболочкой – как черный дым, заточенный глубоко внутри. Еще пара шагов и можно коснуться сферы. Рука слегка подрагивала, но он нагнулся и прижал ладонь к гладкой поверхности.

Разум взорвался воплями чистейшей боли; внутри сферы возопила пронзительная какофония голосов – в муках вскричали жертвы ментальной бомбы.

Даровит отдернул руку и, отшатнувшись, упал.

Они все еще живы! Тела джедаев и ситов поглотила ментальная бомба, обратив их в прах и пепел, но души их выжили, угодив в водоворот взрыва, чтобы провести взаперти целую вечность.

Он лишь на пару секунд коснулся сферы, но причитание душ едва не свело его с ума. В плену неприступной оболочки, они были обречены на нескончаемые, невыносимые страдания. Участь столь ужасная, что разум Даровита отказывался ее принять.

Все еще сидя на земле, Даровит беспомощно зажал голову в руках, ощущая полную бесцельность происходящего. Он пришел сюда искать ответов. А вместо них обнаружил нечто, идущее наперекор самим законам природы, нечто, к чему все его естество питало инстинктивный ужас.

– Не понимаю... Не понимаю... Не понимаю...

Он бормотал это снова и снова, сидя на корточках, и медленно раскачиваясь, по-прежнему сжимая голову в руках.

Глава 1

Покой – это ложь. Есть только страсть.

Через страсть я познаю силу.

Через силу я познаю власть.

Через власть я познаю победу.

Через победу мои оковы рвутся.

– Кодекс ситов

Дарт Бейн, единственный повелитель ситов, избежавший взрыва ментальной бомбы Каана, спешно шагал под бледно-желтым солнцем Руусана, упрямо пересекая мрачную, затронутую войной пустошь. Вокруг двухметрового великана витала угроза, которую успешно дополняли безволосая голова, тяжелый лоб и темная глубина глаз. Внушающие трепет черты, вкупе с грозным черным доспехом и крючковатым светомечом, выдавали в нем не просто могучего человека, а истинного адепта темной стороны.

Бейн поджал губы, мирясь с болью, то и дело отдававшейся в затылке. Когда взорвалась ментальная бомба, он был за много километров от эпицентра, но даже на таком расстоянии ощутил пробежавшую по Силе рябь. Последствия ударной волны беспрерывно напоминали о себе, спорадическими вспышками вонзаясь в мозг, миллионами крохотных лезвий прорезая темные альковы разума. Бейн ждал, что скоро вспышки боли ослабнут, но хотя со времени взрыва прошло уже много часов, их частота и интенсивность лишь неуклонно возрастали.

Он мог бы воззвать к Силе, отрешиться от боли, накрыться аурой целительных энергий. Но по этому пути шли джедаи, а Бейн – темный повелитель. Он ступал иными тропами, теми, что предлагали страдать, копить силы путем суровых испытаний. Он направлял боль в гнев и ненависть, распаляя пламя темной стороны, пока физическая его составляющая не разгоралась в едва сдерживаемый пожар.

Жуткий образ Бейна отстоял в резком контрасте с маленькой фигуркой, следовавшей за ситом по пятам, что есть сил стараясь поспеть. Занне было десять: беспризорная девчонка с копной коротких светлых кудряшек на крохотной голове. Ее наряд был так прост и невзрачен, что мог показаться крестьянской одежкой: просторная белая рубаха и полинявший голубой комбинезон, рваные и грязные после многих недель на Руусане. Всякий, кто увидел бы ее, стремглав несущейся за широкоплечей, черной, как ночь, фигурой Бейна, вряд ли смог бы поверить, что она – избранная ученица мастера-сита. Но внешность бывает обманчива.

В ребенке таилась сила. Бейн ясно понял это при первой их встрече – меньше часа назад. От ее руки погибли два безымянных джедая. Бейн не знал всех подробностей, окружавших их смерть; он подросел уже после, обнаружив Занну, ревущую над телом прыгуна – местного животного-телепата, с головы до пят одетого в зеленый мех. У ног девчушки распростерлись еще теплые трупы джедаев, головы которых под нелепым углом повернулись на сломанных шеях.

Как видно, прыгун был другом и спутником ребенка. Бейн предполагал, что джедаи ненароком убили того, и, когда Занна решила поквитаться, встретили ровно ту же участь. Не подозревая о силе девчонки, бедняги даже не поняли, что происходит, когда она – ведомая слепым горем и чистой, презренной жалостью – обрушила на них ярость темной стороны.

Джедаи пали жертвой невезения: оказались не в том месте, и не в то время. Но не следовало считать их смерть напрасной. Бейну, по крайней мере, они помогли разглядеть потенциал малышки. Кому-то подобная череда событий показалась бы заранее предопределенной, словно мрачная участь была уготована незадачливым джедаям свыше и с одной только целью: свести вместе Бейна и Занну. Вне сомнения, нашлись бы и те, кто заявил, что сама судьба и темная сторона Силы условились дать учителю подходящую ученицу. Но Бейн в подобное не верил.

Он верил в величие Силы, но также он верил и в себя: он не просто слуга «пророчества», не пешка темной стороны, разыгрываемая неизбежным, неотвратимым будущим. Сила – лишь оружие, которым (не без помощи власти и коварства) он строит собственную судьбу. Из всех ситов, один Бейн по-настоящему заслуживает титула темного повелителя, и именно поэтому он все еще жив. И если Занна достойна стать его ученицей, ей тоже придется доказать свою ценность.

Бейн обернулся, услышав за спиной недовольное фырканье. Девчонка уселась на землю, не в силах угнаться за скорым шагом мастера. Гневно скривив лицо, она сверлила Бейна глазами.

– Притормози! – процедила она. – Ты слишком быстро топаешь!

Бейн стиснул зубы, борясь с очередным ударом боли, едва не расколовшим череп пополам.

– Я иду обычным шагом, – ответил он, не повышая голоса, но придав ему суровости. – Ты слишком медлительна. Умей поспевать.

Занна нехотя поднялась на ноги и похлопала по протертым коленям комбинезона, чтобы стряхнуть самые заметные пятна грязи.

– У меня ноги не такие длинные, – сердито огрызнулась она. – И как это мне поспевать, интересно?

А девчонка-то с характером. Бейн уяснил это с момента их встречи. Она сразу признала Бейна: сита, заклятого врага джедаев, служителя темной стороны. Но все же не показала страха. Бейн видел в Занне возможного преемника, в котором так нуждался, но и она, похоже, видела в нем нечто, нужное ей самой. И дав ей шанс стать его ученицей, постигать пути Тьмы, он не увидел в ней и тени сомнения.

Бейн по-прежнему не понимал, почему Занна так горячо хотела примкнуть к повелителю ситов. Девчонка могла просто отчаяться: она одинока, некому прийти ей на помощь. Или Занна увидела в силе темной стороны возможность отомстить джедаям, заставить их пожалеть о смерти дружка-прыгуна. Либо просто почуяла силу Бейна и захотела с ним сравниться.

Каковы бы ни были истинные ее мотивы, Занна с охотой присягнула на верность как ситам, так и новому учителю. Однако достойной ученицей ее делали отнюдь не характер и не готовность познавать. Темный повелитель избрал ее по одной-единственной причине.

– Сила в тебе велика, – пояснил он. Его голос по-прежнему не выдавал ни следа эмоций, ни намек на сильнейшую боль. – Ты должна научиться пользоваться ею. Взывать к ее мощи. Подчинять своей воле. Как при убийстве джедаев.

Он заметил, как по лицу девчонки пробежало сомнение.

– Я не знаю, как это сделала, – пробурчала Занна. – Я этого даже не хотела, – продолжила она, уже с некоторым сомнением. – Это просто... случилось.

Бейну привиделось, или она извинялась? Разочаровывает, но не слишком удивляет. Она молода. В замешательстве. Не может полностью осознать то, что сделала. Пока не может.

– Ничто не происходит просто так, – возразил он. – Ты призвала Силу. Вспомни, как именно ты сделала это. Вспомни, как все было.

Занна мгновение помешкала, замотала головой.

– Не хочу, – прошептала она.

Девчонка уже стерпела немало боли и страданий с момента прибытия на Руусан. Она не желала вновь вспоминать пережитой ужас. Бейн понимал; он даже сочувствовал. Он сам немало пострадал в детстве: натерпелся жестоких побоев от рук Харста – бессердечного, грубого на язык отца. Но он научился использовать воспоминания себе в угоду. И если Занне суждено перенять наследие темной стороны, ей придется посмотреть в лицо прошлому. Придется научиться взывать к самым болезненным воспоминаниям. Придется видоизменять и направлять их в нужное русло, укрощая силу темной стороны.

– Ты чувствуешь вину за смерть джедаев, – небрежно обронил Бейн. – Сожалеешь. Раскаиваешься. Может даже, испытываешь жалость. – Спокойствие быстро покидало его голос: он крепчал, становился громче. – Но эти эмоции бесполезны. Они ничто. Тебе нужен гнев!

Он неожиданно шагнул к ней, взмахнув сжатым кулаком, подчеркивая слова. Занна вздрогнула, но не отпрянула.

– Их смерть не случайна! – крикнул Бейн, сделав очередной шаг вперед. – Случившееся – не ошибка!

Третий шаг подвел его так близко к девчонке, что широкая тень сита окутала Занну мраком. Она едва заметно поежилась, но не отвернулась. Бейн застыл, борясь с болью в затылке и сдерживая ярость. Присев перед Занной на корточки, он разжал кулак. Затем медленно протянул руку, и осторожно положил ее девочке на плечо.

– Вспомни, что ты чувствовала, когда использовала против них свою силу, – произнес он; его голос стал мягким, обольстительным шепотом. – Вспомни, что почувствовала, когда джедаи убили твоего друга.

Занна опустила голову, прикрыла глаза. Несколько секунд она не двигалась и не открывала рта, заставляя себя снова пережить былое. Бейн видел эмоции, скользящие по ее лицу: горе, скорбь, утрата. Хрупкое плечико мелко подрагивало под тяжелой ладонью. Затем, понемногу, он стал замечать, как начал расти ее гнев. А вместе с ним сила темной стороны.

Когда девочка снова подняла глаза, ее зрачки расширились; они пылали лютым огнем.

– Они убили Лаа, – процедила Занна. – Они заслужили смерть!

– Чудно. – Бейн убрал руку с плеча девочки и отступил на шаг, довольно улыбаясь. – Ощути гнев. Прими его. Вбери в себя.

– Через страсть я познаю силу, – продолжил он, цитируя Кодекс ситов. – Через силу я познаю мощь.

– Через страсть я познаю силу, – сказала Занна, повторяя слова, отзываясь на них. – Через силу я познаю мощь.

Бейн ощутил, как темная сторона вскипает в девочке, раскаляясь до градуса, когда он без труда мог ощутить ее жар.

– Джедаи погибли из-за собственной слабости, – сказал он, отходя. – Выживает сильнейший, и такой тебя сделает Сила. – Отвернувшись, он добавил: – Используй ее, чтобы успевать за мной. Если снова отстанешь, я оставлю тебя на планете.

– Но ты так и не сказал мне, что делать! – крикнула Занна вслед уходящему ситу.

Бейн не ответил. Он уже дал ей ответ, но она еще не поняла. Если она достойна стать его ученицей – разберется.

Через секунду Бейн ощутил волну энергии, направленную на колено левой ноги: Занна попыталась поставить подножку, чтобы остановить его. Бейн ожидал чего-то подобного, поворачиваясь к девочке спиной. Он прижал ее к стене, и был бы сильно разочарован, опустив руки. Но он ждал грубой, нехитрой атаки – что-то вроде прямого удара темной стороной, который мог повалить его наземь. Точный удар по колену был куда утонченнее. Он подчеркивал ум и хитрость, и, хотя Бейн был готов к нападению, сила ее «ответа» все равно удивила.

Но и с такими способностями и потенциалом, какими обладала Занна, она не могла тягаться с темным повелителем ситов. Почерпнув самую кроху собственных сил, Бейн поглотил энергию атаки, задержал ее и, увеличив, развернул обратно в свою ученицу. Перенаправленный поток ударил Занну в грудь с такой силой, что опрокинул на землю. Фыркнув от удивления, девочка шлепнулась на мягкое место.

Она не пострадала; Бейн совсем не собирался ранить ученицу. Постоянные побои от рук отца помогли Бейну стать тем, кем он являлся, но также они заставили его презирать Харста. Если он возьмется наставлять девочку, та должна уважать и восхищаться им. Бейн не сможет обучать ее секретам темной стороны, если она не захочет – не возжелает всем своим сердцем – учиться под его началом. Единственное, чему побои Харста и научили Бейна, так это тому, как ненавидеть, а Занне это уже известно.

Он повернулся, и вперил ледяной взгляд в девочку, по-прежнему сидящую на твердом, сером клочке земли. Та в ответ злобно покосилась на мастера, униженная и оскорбленная.

– Сит знает, когда дать волю жару темной стороны, – сообщил Бейн, – и когда воздержаться. Терпение в правильных руках – это оружие, а твой гнев будет подпитывать темную сторону, если научишься его контролировать.

Занна по-прежнему кипела от злости, но теперь на ее лице читалось и что-то еще: настороженное любопытство. Уяснив значение его слов, она медленно кивнула, черты лица смягчились. Бейн по-прежнему ощущал внутри нее энергию темной стороны; гнев не исчез, но скрылся глубоко внутри. Она лелеяла его, храня до той поры, когда сможет дать ему волю.

Занна только что выучила свой первый урок о ситах. И теперь она будет опасаться учителя – опасаться, но не бояться. Именно так, как он того и хотел. Теперь она должна бояться подвести его.

Бейн снова отвернулся от девчонки и возобновил шаг, совладав с внезапной дрожью, когда очередная сотня лезвий вспорола ткань его мыслей. Он ощутил, как Занна за его спиной вновь накапливает Силу. На сей раз, однако, девчонка направила ее вовнутрь, использовав для подкрепления и придания сил ослабшим ногам.

Она подскочила с земли и припустила вслед за Бейном, почти без усилий перейдя на бег. Когда ученица поравнялась с ним, Бейн ускорил шаг; теперь, подталкиваемая могучей энергией Силы, Занна с легкостью поспевала за ним.

– Куда мы идем? – спросила она.

– В ситский лагерь, – ответил Бейн. – Для путешествия нам нужны припасы.

– Остальные ситы тоже там? – поинтересовалась она. – Те, с которыми дрались джедаи?

Бейн вдруг понял, что так и не сказал ей, что случилось с Кааном и Братством.

– Других ситов нет. И никогда не будет – только мы. Учитель и ученик; один воплощает могущество, другой жаждет его.

– Что случилось с другими? – не отставала девчонка.

– Я убил их, – ответил он.

Занна на секунду задумалась, затем равнодушно пожала плечами.

– Видать, они были слабыми, – сказала она с осуждением. – И заслужили смерть.

Бейн понял, что правильно подобрал ученицу.

Глава 2

Огромный военный корабль лорда Валентайна Фарфеллы – лидера Армии Света после потери генерала Хоты – неспешно двигался по высокой орбите Руусана. Звездолет, внешне походивший на древнюю мореходную баржу, обладал старомодным изяществом, пышностью, которую кто-то считал признаком тщеславия, не идущего к лицу джедаю.

Джоан Отон, молодой падаван Армии Света, некогда и сам разделял это мнение. Как и многие сторонники Хоты, поначалу он видел в лорде Валентайне гарцующего глупца, которого заботили лишь собственные длинные, золотые кудри, пестрые сорочки из мерцающего шелка да прочие атрибуты последней моды. Но в каждой новой битве с Братством Тьмы, Фарфелла и его последователи доказывали обратное. Медленно, почти неохотно, Джоан и другие бойцы Хоты стали восхищаться, и даже чтить того, над кем некогда насмехались.

Генерал Хот погиб: сгинул вместе с ситами в последней, решающей битве, и в его отсутствии лорд Фарфелла принял командование на себя. Следуя приказам Хоты, Фарфелла организовал массовую эвакуацию с Руусана перед самым взрывом ментальной бомбы. Он спас тысячи джедаев и падаванов от разрушительного воздействия зловещего оружия, приняв их на борт кораблей своего флота.

Просто чудо, что Джоан сумел поместиться на «Попутном ветре» – флагмане Валентайна. Корабль был достаточно велик, чтобы с удобством вмещать экипаж свыше трехсот человек, но сейчас, когда в трюме теснились почти пятьсот эвакуированных, юноша испытывал все что угодно, кроме комфорта. Люди жались друг к другу так плотно, что трудно было пошевелиться; мастера-джедаи, рыцари и падаваны буквально налегали друг другу на плечи.

Остальные корабли были все так же переполнены. Вдобавок к джедаям, с планеты подняли огромное число бойцов, обделенных Силой, но состоящих в рядах армии Хоты. Один из кораблей забили несколькими сотнями заключенных – рядовыми сторонниками Каана. Все они сдались джедаям, когда темный вождь бросил их на произвол судьбы, приступив к исполнению последнего безумного плана. Разумеется, обычным солдатам не грозило реальной опасности; ментальная бомба поражала лишь тех, кто был чувствителен к Силе. Но в спешке эвакуации гораздо проще было забрать всех.

Здесь, на личном галеоне Валентайна, Джоан почти каждого знал в лицо. Многие месяцы он сражался с ними рука об руку, выбираясь из засад, мелких стычек и крупных баталлий. Вместе они столкнулись со смертью и повидали немало крови; вкусили великолепие победы, и стойко перенесли сокрушительное поражение. Множество их врагов – и слишком много друзей – погибло в бесконечной кампании против сил темной стороны.

Теперь, когда все они сгрудились на одном корабле, война, наконец, подошла к концу. Они победили. Но все же, каждый на борту был мрачен и хмур. Погибель ситов далось страшной ценой. Уже не оставалось сомнения, не было надежды, что кто-то из джедаев на поверхности выжил. На высокой орбите над Руусаном им не грозили последствия взрыва. Но сквозь Силу все они слышали мучительные крики товарищей, чьи души растерзало и утянуло в вихрь энергий темной стороны. Многие не скрывали слез. Другие горевали в стойком молчании, размышляя о жертве, принесенной друзьями.

Джоан – как Фарфелла, как все воины Армии Света – вызвался остаться с генералом Хотом. Но генерал отказал. Понимая, что его спутники обречены, он выслал всех, кроме сотни джедаев, за пределы Руусана. Никому из падаванов не позволили остаться. И хотя Джоан всего лишь следовал приказу, в глубине души он считал, что предал генерала, сбежав с планеты.

На другом конце забитого трюма он разглядел Фарфеллу, ярко-красная блуза которого маяком горела среди моря коричневых тел. Тот собирал спасательные экспедиции, что спустятся на поверхность Руусана для разведки последствий взрыва. Джоан намеревался попасть в одну из групп.

Двигаться через толпу джедаев было непросто, но Джоан был невысок ростом и поджарист. Хотя ему исполнилось девятнадцать, он, со своей стройной фигурой, светлой кожей, и спадающими на плечи светлыми волосами (с вплетенной в них тугой косичкой, как то требовалось от молодых учеников-джедаев) выглядел, по меньшей мере, на два года младше. Неприятно, когда тебя принимают за ребенка, но, проталкиваясь сквозь толпу, волей-неволей обрадуешься своей худобе.

– Лорд Валентайн, – окликнул Джоан, подобравшись ближе. Он повысил голос, чтобы перекрыть царящий вокруг гвалт. – Лорд Валентайн!

Фарфелла обернулся, стараясь выделить хозяина голоса из леса тел и лиц, затем кивнул, приметив юношу.

– Падаван Джоан.

– Я хочу в спасательный отряд, – выпалил Джоан. – Пошлите меня на планету.

– Боюсь, что не могу, – ответил мастер-джедай, сочувственно покачав головой.

– Почему? – спросил Джоан. – По-вашему, я слишком молод?

– Дело не в... – начал Фарфелла, но Джоан перебил его.

– Я не ребенок! Мне девятнадцать – всяко больше, чем тем двоим! – возразил он, махнув рукой в сторону ближайшего отряда: группа состояла из мужчины средних лет, носившего короткую бородку, двадцатилетней девушки и двух пареньков лет десяти.

– Остерегайся гнева, – суровым голосом предостерег Фарфелла.

Джоан едва не ответил, но вовремя прикусил язык и просто кивнул. Какой смысл выходить из себя; это не убедит лорда Валентайна.

– Твой возраст не имеет общего с моим решением, – объяснил джедай, убедившись, что Джоан обуздал эмоции. – Почти половина наших воинов моложе тебя.

Джоан знал, что это правда. Огромные потери руусанской кампании вынуждали

Армию Света принимать в свои ряды все более молодых новобранцев. Его возраст не проблема; тут кроется что-то другое... Но вместо того, чтобы узнать причину, Джоан просто молчал. Терпением он добьется от преемника генерала Хота больше, чем непрерывными, необдуманно заданными вопросами.

– Приглядишься получше к тем, кого я посылаю вниз, – приказал Фарфелла. – Это отважные добровольцы, ценные сторонники в борьбе против ситов. Но никто из них не обладает Силой.

Джоан удивленно оглянулся на членов команды высадки, делавших последние приготовления. У девушки была смуглая кожа и короткие черные волосы; джедай понял, что уже встречал ее раньше.

Ее звали Иртанна, она была республиканским солдатом, и вступила в их ряды немногим больше стандартного года назад. Еще мгновение он оглядывал остальных, пока не заметил, как выделяются бородач и два парнишки. Они были родом с Руусана. Мужчина – фермер по имени Бордон – бежал от наступавших сил армии Каана в последней атаке ситов. Оба мальчика его сыновья; Джоан так и не вспомнил их имен.

– Нам неизвестны все последствия взрыва, – продолжал Фарфелла. – Можно ожидать вторичных взрывных волн, опасных для джедаев и падаванов. Потому тебе нельзя лететь.

Джоан кивнул. В словах мастера был смысл; Валентайн просто проявлял осторожность. Но иногда чрезмерная осторожность бывает лишней.

– На поверхности есть и иные угрозы, – заметил Джоан. – Мы не знаем, все ли ситы мертвы. Кто-то мог выжить.

Фарфелла покачал головой.

– Каан наводил какой-то морок на своих соратников, чтобы получить над ними власть. Они преклонялись перед ним. Когда он повел их в пещеру, все с готовностью последовали за ним. Каан убедил их, что они переживут взрыв, если объединят силы... но он ошибся.

– А как же сообщники ситов? – стоял на своем Джоан. Как и среди джедаев, в рядах ситов состояли те, кто был лишен Силы: солдаты и наемники, примкнувшие к Братству Тьмы. – Мы ведь не всех поймали, – заметил падаван. – Многие сбежали. Они еще могут быть на планете.

– Затем и нужна эта штука, – заверила его девушка из отряда, похлопав по бластеру на бедре.

Она хищно улыбнулась; ярко-белые зубы резко выделялись на смуглом лице.

– Иртанна сможет о себе позаботиться, – согласился Фарфелла. – Они повидала больше сражений, чем мы оба.

– Прошу вас, лорд Валентайн, – взмолился Джоан, упав на колени. Напрасный и глупый поступок был продиктован лишь отчаянием. Он знал, что Фарфелла прав, но это его не заботило. Не волновали его ни логика, ни доводы, ни опасности ментальной бомбы. Он просто не мог сидеть, сложа руки! – Пожалуйста! Он был моим учителем!

Фарфелла протянул руку и ласково коснулся лба Джоана.

– Хот предупреждал меня, что ты не смиришься с его решением держать тебя подальше от огня, – сказал он тихо. – Но твой учитель был мудр. Как и я, он знал, что для тебя лучше. Доверься моему суждению в этом вопросе, пусть даже не до конца его разумеешь.

Убрав руку со лба юноши, новый лидер Армии Света помог Джоану встать на ноги.

– Твой учитель принес колоссальную жертву, спасая всех нас, – сказал он. – Если мы поддадимся эмоциям, если причиним себе излишний вред, мы обесчестим все, что он сделал. Понимаешь?

Джоан кивнул: падаван сдался мудрости мастера.

– Хорошо, – сказал Фарфелла, и отвернулся, приковав внимание к другой спасательной партии. – Если хочешь быть полезным, помоги Иртанне погрузить припасы.

Джоан снова кивнул, но Фарфелла не заметил. Он уже ушел, увлеченный должностными обязанностями.

Джоан молча принялся за работу, помогая грузить в челнок последние остатки

провианта: полевые ранцы, забитые едой и капсулами с водой; медпакеты, на случай, если по пути попадутся раненные; электробинокли и сенсоры для осмотра местности; светостержни для ночной разведки. И, конечно же, запасные энергоблоки для бластеров, которые Иртанна и остальные прихватили на случай встречи с выжившими солдатами ситов.

– Благодарю, – сказала Иртанна, когда они закончили.

Джоан, как бы между прочим, быстро огляделся по сторонам. Фарфеллы видно не было.

– Ты поведешь, или я? – спросил он девушку.

Джоан Силой коснулся ее разума. Осторожно, внимательно следя за тем, чтобы не причинить вреда, он заронил в сознании девушки семена внушения.

Взгляд Иртанны на мгновение застыл, а на лице отразилось неподдельное замешательство.

– Эмм... наверное, я поведу. Займешь место второго пилота.

– Летишь с нами? – спросил Бордон.

Судя по голосу, его одолевали сомнения.

– Конечно, – дружелюбно отозвался Джоан. – Вы ведь слышали, как Фарфелла попросил меня помочь вам с припасами, так? Зачем ему просить об этом, если я не с вами?

Как и при разговоре с Иртанной, он чуть надавил на разум бородача, приправляя слова щепоткой Силы. В обычных обстоятельствах ему претила бы сама мысль о манипулировании друзьями или союзниками, но Джоан знал, что разношерстной команде повезет больше, если в ней будет он.

– Ага. Верно, – через секунду согласился Бордон. – Хорошо, что ты с нами.

– Недурная это мысль – взять с собой джедая, – добавила Иртанна. – А то мало ли что.

Джоан давно заметил, что убеждать с помощью Силы всегда проще, когда пытаешься внушить человеку что-то, во что он хочет поверить. И все же, ступив на борт малого десантного челнока, он ощутил легкие угрызения совести.

Ты послушался Фарфеллу, – уверял он себя. – Но ты все делаешь правильно.

– Всем пристегнуться, – крикнула Иртанна за шипением герметично запирающейся переходной камеры.

Сопла двигателей вспыхнули, поднимая челнок с посадочной платформы.

– Возвращаемся на Руусан. Или то, что от него осталось, – хмуро буркнул Бордон, когда они проплыли через створки трюма и нырнули в верхние слои атмосферы планеты.

Глава 3

Дарт Бейн ощутил их задолго до того, как увидел.

Невежды, мало сведущие в природе Силы, видели в ней лишь оружие, инструмент: ею можно поразить противника в битве; можно поднять в воздух предмет, направив его себе в ладонь или швырнув по комнате. Но для того, кто понимает подлинную мощь и весь потенциал Силы, все перечисленное – шалости фокусника.

Сила – часть всего живого, а все живое – часть Силы. Сила струится сквозь всякий живой организм: человек ли то, животное, дерево или растение. Ее пронизывают основополагающие энергии жизни и смерти, порождая рябь на самой глади мироздания.

И хотя Бейна отвлекали мучительные вспышки боли, неизменно пронзавшие череп, он все так же ощущал эту рябь. Она позволяла его внутреннему зору переступать границы пространства и даже времени, даруя возможность мельком глядеть в то и дело меняющиеся вероятности будущего. Именно так, с расстояния двух километров и в нескольких минутах ходьбы до места, где Каан с его армией соорудили лагерь, он понял, что его ждут чужаки.

Их было девять: все люди – шесть мужчин и две женщины. Наемники, заключившие контракт с Братством из жажды наживы и желания отомстить ненавистной Республике. Они пережили финальную битву с войсками Хота – наиболее вероятно, улизнув с поля боя в тот самый момент, когда Каан спустился в недра планеты, чтобы расставить ловушку джедаям.

Этим они наглядно показали всю «верность» купленных соратников. И теперь, словно кровавые жуки, роящиеся в тухлой туше сдохшей банты, они пришли, чтобы прибрать к рукам все ценное, что еще можно было отыскать в покинутом лагере.

– Впереди кто-то есть, – прошептала Занна через минуту.

Девчонке, менее восприимчивой к едва уловимым нюансам Силы, чем ее учителю, потребовалось больше времени, чтобы заметить опасность. Принимая во внимание всю ее неопытность, факт того, что она ощутила хоть что-то, делал честь ее способностям.

– Жди здесь, – приказал Бейн, протянув руку, чтобы остановить Занну.

Показав еще и мудрость, она повиновалась.

Бейн, не оглядываясь, сорвался на бег. Земля растеклась под ногами: он превратился в размытое пятно, для скорости призвав на помощь Силу. Головная боль пропала, вытесненная предвкушением битвы и возбуждением от физической нагрузки.

Еще через минуту лагерь ситов предстал перед его взглядом и на фоне горизонта четко проступили силуэты обреченных наемников. Шестеро грабителей сбились на поляне в центре лагеря, деля между собой добычу. Два других стояли на страже: часовые, обходящие внешний периметр палаток. Впрочем, это было лишь формальностью. Часовых следовало ставить по разные стороны лагеря, чтобы защититься от нападения с обоих направлений. Эти же мужчины стояли друг от друга не далее двадцати метров, желая больше обзавестись компанией, чтобы скоротать время, чем охранять периметр.

Мчась по направлению к наемникам, Бейн презрительно мерил их взглядом; Сила позволила одним быстрым взором оценить ситуацию. Стражники даже не думали его замечать, следя во все глаза за гневной несогласной бранью шести своих поделщиков, дерущихся за наворованное барахло.

Слегка изменив направление, чтобы до последней секунды скрываться за большим продовольственным шатром, Бейн сделал заключительный рывок и разрушительным вихрем опустился на лагерь. Одним плавным движением он выхватил и зажег светомеч. Опередивший его монотонный гул багряного лезвия выдал его положение за несколько драгоценных секунд до его появления. Мимолетного предупреждения хватило ближайшему часовому, чтобы выхватить бластер, но это не спасло его от опасно близкого и смертоносного клинка.

Бейн возник из ниоткуда позади продовольственного шатра и налетел на первую жертву порывом темного ветра, без особых усилий разделив его тело по диагонали от плеча до бедра. На мужчине был боевой доспех из композитных пластин, уложенных на толстую плетеную подкладку, что обеспечивало необходимую гибкость. Жилет, закрывавший его грудь, способен был поглотить несколько высокоразрядных бластерных выстрелов, пущенных с расстояния тридцати метров, но клинок Бейна без труда прошел сквозь защитные слои и на роковые пять сантиметров врезался в плоть и кость под доспехом.

Когда пала первая жертва, Бейн подскочил высоко в воздух и устремился к другому противнику, в один миг преодолев разделявшие их десять метров и одновременно уклонившись от поспешного выстрела часового. Едва не запрыгнув на врага, он рубанул двумя руками по нисходящей – классический удар Джем Со, пятой, самой мощной и агрессивной формы боя на светомечах. Сильнейший удар разделил шлем бедолаги не две равные части и глубоко раскроил ему череп.

Ужасная кончина двух наемников позволила остальным осознать происходящее. Едва Бейн повернулся в их сторону, как те взялись за оружие и с другого конца лагеря открыли по нему плотный бластерный огонь. Плавно переходя от атакующего стиля Формы V к более подходящей для обороны Форме III, Бейн, без труда, и даже немного скучая, отразил близкие разряды энергии двуручным парированием светомеча.

Вращая оружие в правой руке, он помедлил с атакой, наслаждаясь отчаянием и ужасом пяти живых наемников, осознавших неминуемый факт собственной смерти. Сбившись, поначалу, в кучу на поляне промеж палаток, теперь они сделали единственное, что помогло бы им выжить – разделились и помчали прочь.

Они побежали врассыпную: одна из женщин налево, двое мужчин – направо; трое других развернулись и ринулись прямо в противоположную сторону от смертоносного чужака. По-прежнему вращая светомеч, Бейн выпрямил правую руку, раскрыл ладонь и выпустил волну взрывной энергии Силы в женщину, что побежала направо. Волна не оставила после себя камня на камне. Палатки сорвало с земли, их ткань порвало в клочья. Деревянные товарные ящики вспыхнули и взорвались, окатив все вокруг осколками битого содержимого.

Силовая волна ударила женщину в спину, повалила лицом в грязь и прижала в земле, растерев в порошок позвоночник и свернув шею. Ее тело дернулось и замерло в вечном покое.

Сжав левую руку в кулак и воздев ее к небу, Бейн развернулся к двум мужчинам справа. Дюжина разрядов голубых молний, взметнувшихся над его головой, вцепилась в вопящих солдат, заживо сжигая их голубым огнем. Корчась в агонии, они плясали и дергались, как марионетки на электрических ниточках, прежде чем дымящимися телами повалились на землю.

За те секунды, что потребовались на расправу с наемниками, три оставшихся грабителя добрались до границ ситского лагеря. В нескольких метрах от палаток брала начало полоса густых руусанских лесов. Развесистые ветви манили в свое лоно, заставляя гонимых ужасом людей двигаться еще быстрее. Бейн наблюдал за побегом с ленивым равнодушием, смакуя страх наемников.

За несколько шагов до свободы один из мужчин фатально ошибся, посмотрев через плечо, проверяя, не преследует ли их противник. Бейн небрежно метнул в него светомеч. Вращающееся лезвие резануло воздух, за долю секунду обогнув лагерь и устремившись обратно в ладонь хозяина.

Два выживших наемника скрылись в лесу, продравшись через подлесок. Третий – тот, что замешкался и оглянулся – застыл на месте. Через секунду его голова соскользнула с плеч, ударилась о землю и откатилась в сторону, отделенная от прижатого обрубка шеи алым клинком меча. И словно отпавшая голова послужила сигналом, неподвижные конечности обезглавленного трупа обмякли, и тело повалилось на бок.

Бейн погасил светомеч: лезвие, резко прошипев, исчезло. На мгновение он позволил себе насладиться победой, впитать томительные крохи эмоций жертв, вытянуть силу из их страха и страданий. И затем все пропало, сгинув подобно людишкам, избежавшим его гнева. Он мог бы броситься в погоню, но в той же мере, в какой он жаждал вкушать их паники, он понимал и цену их жизни.

– Ты их отпустил.

Он удивленно обернулся и увидел Занну, стоявшую теперь в кольце лагеря. Он так увлекся боем, что не заметил, как та подошла. Либо так, либо юная ученица сумела скрыть от него свое присутствие.

Не стоит ее недооценивать, – напомнил себе Бейн. - *С ее-то силой, она однажды тебя одолеет.*

– Ты дал им уйти, – повторила Занна. В ее голосе не было ни злости, ни разочарования, ни даже радости. Одно недоумение.

– Я же сказал тебе ждать меня, – напомнил Бейн. – Почему ты послушалась?

Она ответила не сразу, тщательно подбирая слова пока не нашла те, которыми учитель будет доволен.

– Я хотела увидеть настоящую силу темной стороны, – заявила она, наконец. – Можешь научить меня...?

Она запнулась, не сумев подыскать определение увиденному, и просто махнула рукой, показывая размер учиненной мастером резни.

– Научишься, – заверил ее Бейн, возвращая на пояс крючковатую рукоять меча.

Девчонка не улыбнулась, но в ее взгляде отчетливо прочиталась жажда знаний, хорошо знакомая учителю. Он видел то же низменное стремление в глазах Гитани, своей бывшей

возлюбленной и обреченного последователя Каана. Он понимал, что если Занна не научится умирять и контролировать амбиции, они поведут ее по пути разрушения, как и Гитани.

– Отважный бой – простейшее проявление темной стороны, – предупредил ее учитель. – Беспощадный и быстрый, он хорошо делает свое дело. Но часто он менее эффективен, чем хитрость и коварство. Жизнь тех наемников, в конечном счете, может оказаться полезнее, чем их смерть.

– Но они слабаки, – запротестовала ученица, подкрепляя свои слова его собственными уроками. – Они заслужили смерть!

– Лишь немногие в Галактике получают то, что по праву заслуживают, – подметил Бейн, осторожно подбирая слова. Темную сторону не так-то просто понять; даже он сам еще пытался разобраться во всех ее хитросплетениях и противоречиях. Нужно проявить осторожность, чтобы не перегрузить знаниями юную ученицу, но особо важно, чтобы она ухватила суть того, что он сделал. – Убивать каждого, кто не достоин жить – не наша задача. Наше назначение в другом. Все, что я сделал на Руусане, и все, чем мы отныне будем заниматься – должно служить нашей подлинной цели: сохранению Ордена и выживанию ситов.

Мгновение поразмыслив над его словами, Занна покачала головой.

– Прости учитель, – уступила она, – но я не пойму, почему ты просто их не убил.

– Нам, слугам темной стороны, приносит наслаждение покорение врага. Мы тянем силу из его страданий, но мы не должны терять из виду прочие возможности. Не стоит забывать, что убийство из садистского удовольствия – убийство без причины, нужды или цели – глупость.

Девчушка даже сморщилась от замешательства.

– Так какой же смысл оставлять в живых такое отродье?

– Джедаи свято верят, что Орден ситов погиб на Руусане, – терпеливо пояснил Бейн. – На многих планетах еще остались последователи темной стороны: мародеры на Хоногре и Гоморре, убийцы-тени на Рилоте и Умбаре. Но обладатели высшей силы – те индивиды, что способны стать подлинными мастерами-ситами – сплотились в Братстве Каана. Все, как один, они пошли за ним на войну, и все, как один, погибли.

Но кто-то может усомниться в полном вымирании ситов. Люди будут шептаться, что ситы выжили, разводить слухи и домыслы, что где-то в Галактике существует темный повелитель. И если джедаи найдут доказательство нашего существования, они не успокоятся, пока не нагонят нас.

Он сделал паузу, чтобы девчонка усвоила значение последних слов, и продолжил:

– Но мы не можем жить в изоляции, вдали от Галактики, сжимаясь от страха. Мы должны наращивать силу; должны взаимодействовать с существами многих рас на многих мирах. В конце концов, кто-то из них неизбежно заметит наше истинное лицо, невзирая на маскировку. И весть о нас достигнет ушей джедаев.

Занна пристально глядела на него, впитывая каждое слово, силясь отыскать просвет в мрачной логике темной стороны.

– И так как мы не можем скрывать факт своего существования, – продолжал Бейн, – следует затенять его вымыслами. Мы станем подстрекать слухи, наплодив их так много, что наши враги ослепнут и не смогут отделить миф от реальности.

Лицо Занны озарилось пониманием.

– От кого пошел слух, такой он и есть!

Бейн удовлетворенно кивнул.

– Выжившие распускают байки, но кто им поверит? Всем известно, что они меркантильные наемники, удравшие с последней битвы и затем явившиеся разграбить лагерь бывших союзников. Их покроют презрением как предателей и воров. Всякий, кто услышит их бредни, ни капли в них не поверит, а правда разойдется слухами.

– А если нашему присутствию на Руусане найдутся другие свидетели, – добавил Бейн, затягивая последний узелок изысканного полотна обмана, – их заявлениям поверят еще

меньше. Слова их породнят с «ложью», слетевшей с языков трусливых грабителей.

– В их смерти не ни смысла, ни цели, – пробормотала Занна, говоря больше с самой собой.

Больше она ничего не сказала, по-видимому, задумавшись над всем, что услышала.

Бейн перевел внимание с ученицы на добро, собранное грабителями в центре лагеря. Он последний из ситов. Если здесь и есть что-либо ценное, то оно принадлежит только ему.

Большая часть награбленного не представляла для Бейна никакого интереса. Кое-кто в Братстве Каана копил предметы непомерной цены, веря, что чужие жадность и зависть вскормят силу темной стороны. Наемники прихватили для себя кучу всяких безделушек (богато украшенных колец и ожерелий, выполненных из драгоценных металлов и инкрустированных сверкающими камнями; церемониальных кинжалов и ножей, чьи рукояти горели самоцветами; изящных резных масок и маленьких статуэток невиданного мастерства, сделанных из редких и тонких материалов) и беспорядочно свалили их в кучу.

Оглядывая бесценные сокровища, совсем не подходившие под его нужды, Бейн ощутил очередной толчок боли в затылке. В то же мгновение краем правого глаза он уловил чью-то фигуру, быстро пропавшую из поля зрения.

Он резко развернулся в направлении чужака, но увидел лишь пустоту. Это точно не Занна; незнакомец был выше. Бейн прибег к помощи Силы, но ощутил в пределах лагеря только себя и свою ученицу.

– В чем дело? – спросила девчонка, заметив его внезапное беспокойство. – Кто-то идет?

– Все нормально, – отозвался Бейн.

Но так ли оно? – задумался он. Или это очередной побочный эффект ментальной бомбы?

Занна подошла к нему, не отводя глаз от солнечных лучей, играющих на драгоценностях.

– Это что? – спросила она и остановилась, вытянув что-то, запрятанное глубоко под кучей добра.

Она поднялась, держа в руках тонкий, обтянутый кожей манускрипт. Сгорая от любопытства, девчонка повертела его в руках, изучая со всех сторон, пока Бейн не протянул руку. Занна подошла и почтительно вручила ему свою находку.

Стиль манускрипта был Бейну знаком. В Академии Братства на Коррибане было несколько похожих томов, но этой работы Бейн прежде не видел. Том был тонкий, всего в пару десятков страниц, а на обложке были начертаны мистические слова, выписанные кроваво-красными чернилами. Бейн узнал язык. Он успел неплохо ознакомиться с манерой письма древних ситов за время учебы в Академии, внимая мудрости давно почивших мастеров, вместо тех дураков, что пытались обучить его позорной «новоситской» философии Братства.

Он открыл том и обнаружил, что теми же кровавыми чернилами исписаны страницы с вычурным текстом и детальными иллюстрациями. Как и слова на обложке, язык книги принадлежал древним ситам. Но поля страниц покрывали рукописные пометки на галактическом Основном. Бейн сразу узнал почерк Кордиса, бывшего главы Академии Коррибана и одного из «темных повелителей», прислуживавших при Каане. Однако, в отличие от остальных членов Братства Тьмы, Кордис погиб не от ментальной бомбы. Вообще говоря, умер бывший учитель за несколько часов до взрыва, когда Бейн задушил его с помощью Силы.

Но зачем Кордис приволок манускрипт на Коррибан? – думал Бейн. Кордиса любил копить материальные блага и штудировать древних текстов. Он носил тончайшие шелка и самые дорогие драгоценности; каждый из его длинных, жутких пальцев украшали кольца неслыханной цены. Даже его палатка на Коррибане была завешана редкими тканями гобеленами и дорогими коврами. Бейн понял: если Кордис привез манускрипт из самой Академии, то тот точно содержит ценные знания.

– Чего там написано? – спросила Занна, но Бейн не ответил.

Он быстро пролистал манускрипт, пробежавшись глазами по оригиналу и по заметкам Кордиса. Похоже, он держал в руках биографию и собрание учений Фридона Надда, великого мастера-сита, жившего три тысячи стандартных лет тому назад. Бейн читал кое-что о Надде, но в этой книге было то, чего не доставало другим: местонахождение его гробницы!

Миновало уже много веков, как гробница Фридона Надда была потеряна, скрыта джедаями, чтобы последователи темной стороны оставили все попытки заполучить знания и могущество захороненных внутри ситских артефактов. Но на одной из последних страниц манускрипта Кордис сделал единственную финальную пометку, подчеркнув ее для выразительности: «Гробницу искать на Дксане».

Как именно Кордис понял это, Бейна мало интересовало; значение имело лишь, как он узнал точное место. Война на Руусане не позволила Кордису предпринять попытку отыскать гробницу Надда. Теперь, когда война окончена, ничто не мешает Бейну отправиться в путь и завладеть наследием древнего сита. Но для начала надо улететь с Руусана.

До боли знакомый удар пронзил череп, и Бейн вновь уловил край чьей-то фигуры. На сей раз, образ продержался в поле зрения почти секунду. Высокий, широкоплечий, одетый в ситскую рясу – этого человека Бейн знал слишком хорошо – повелитель Каан! А затем, как и прежде, фигура пропала.

Неужели, он настоящий? Возможно ли, чтобы лидер Братства Тьмы смог, каким-то неведомым образом, пережить взрыв ментальной бомбы? Или его дух теперь скитался по миру живых?

Бейн прикрыл том и опустил взгляд на Занну. Не похоже, что она увидела или почувствовала что-то необычное. Просто воображение разыгралось, решил Бейн. Это единственное разумное объяснение. Занна ощутила бы появление призрака темной стороны... если только не была занята чем-то другим.

Осознание этого принесло Бейну странную смесь облегчения и беспокойства. Увидев Каана, Бейн на мгновение подумал (только на мгновение), что учиненная им чистка Братства пошла прахом. Но успех его миссии подкрепляла уверенность в том, что ментальная бомба принесла еще больше ущерба, чем он ожидал поначалу. Хорошо бы, чтоб галлюцинации и жуткая головная боль скоро прошли.

Занна все еще глазела на него, едва сдерживая поток вопросов о найденном ею сокровище. Выжидательное любопытство сменилось разочарованием, когда Бейн без всяких объяснений скрыл манускрипт в полах одежды. Со временем, Бейн поделится с ней всеми знаниями, настоящими и будущими. Но пока он сам не обыщет гробницу Надда, он вынужден будет скрывать ее существование ото всех – даже от своей ученицы.

– Ты готова покинуть планету? – спросил он.

– Меня от этого места воротит, – сплюнула девчонка. – Как я сюда попала, так все пошло наперекосяк.

– Твои кузены, – спросил Бейн, вспомнив недавние слова Занны о двух мальчишках, с которыми та прилетела. – Тебе их не хватает?

– Да какая разница? – ответила Занна, подернув плечами. – Томкет и Баг мертвы. Зачем зря время терять, думая о них?

Несмотря на безразличие в голосе, Бейн разглядел в ее бесчувственности защитный механизм. Он ощущал, как кипят в глубине ее души эмоции: смерть братьев злила и возмущала ее; она винит в случившемся джедаев, и никогда не простит их. Гнев навсегда останется с ней, кипя под поверхностью. В ближайшие годы он должен сослужить ей хорошую службу.

– Идем со мной, – сказал Бейн, приняв решение.

Он подвел ее к брошенному свупу, стоящему у одной из палаток. Взобрался на сиденье; Занна села сзади. Тонкие ручки девчонки крепко обхватили Бейна за пояс, двигатель свупа взревел и поднял их в воздух.

– Почему мы берем свуп? – прокричала Занна Бейну на ухо, перекрывая рев двигателя.

– Так быстрее. Время дорого, – бросил Бейн через плечо. – Скоро вернутся джедаи,

чтобы подобрать мертвых и отыскать выживших солдат Каана. Прежде чем мы улетим, ты выучишь еще один урок.

Больше он ничего не сказал; некоторые вещи невозможно объяснить словами, чтобы понять их, надо увидеть их собственными глазами. Зане нужно показать остатки ментальной бомбы. Нужно, чтобы она поняла истинные границы безумия Каана. Нужно, чтобы узнала суть свершенного Бейном действия. А сам Бейн хотел убедить себя, что образ, увиденный им, был только его реакцией на взрыв ментальной бомбы. Он хотел неоспоримого доказательства того, что Каан на самом деле мертв.

Глава 4

Даровит съезжился на холодном каменном полу, купаясь в мрачном свете серебристой сферы в центре подземной пещеры. Он не мог пошевелиться почти два часа, впад в ступор от изумления и ужаса. Казалось, что в эпицентре взрыва бомбы время не играет роли; как будто сам Даровит стоял теперь на перепутье между жизнью и смертью, был загнан в ловушку, точно мечущиеся души последователей Каана и джедаев, рискнувших с ними сразиться.

Но по прошествии времени он начал приходить в себя. Здравомыслие понемногу возвращалось, принося явь физического мира. Воздух в пещере был влажным и холодным; тело Даровита почти бесконтрольно дрожало. Из носа текло, и он трясущейся рукой отер его; отмороженные пальцы едва шевелились.

– Ну же, Томкэт, – пробормотал он. – Подъем. Вперед и с песней.

Неимоверным усилием он заставил себя подняться, и тут же с криком упал, когда ноги подогнулись от спазма. Боль помогла разорвать последние путы окутавших его чар, пробудив его ото сна и вернув разум в настоящий момент.

Даровит принялся исступленно массировать обе ноги, стремясь восстановить кровообращение. Теперь он страстно желал покинуть пещеру, избежать затаившейся злобы беззвучно пульсирующей гробницы. При одном взгляде на сферу по коже бежали мурашки, но, несмотря на всю отвратную суть, та манила и привлекала к себе.

– Не смотри на нее, – прошептал он, еще активнее пытаясь облегчить боль и снять напряжение в ногах.

Еще через минуту Даровит вновь осмелился подняться. Острая боль пронзила ступни, колени чуть подогнулись, но он устоял.

Он поглядел по сторонам, осматривая освещенную сферой пещеру. Наружу вело, по меньшей мере, пять выходов, и Даровит тихо выругался, осознав, что не имеет ни малейшего представления, который из тоннелей ведет на поверхность.

– Нельзя тебе тут оставаться, – буркнул он.

Выбрав тоннель наугад, он медленным, неуверенным шагом побрел к выходу. Ступив внутрь, он ощутил на себе липкие пальцы тьмы; пришлось вытащить меч, подаренный ситами. Пользуясь тусклым сиянием рубинового клинка, он прокладывал путь вдоль шероховатой стены.

Не потребовалось много времени, чтобы понять: путь выбран неверно. Он помнил крутой уклон, с которого кубарем слетел на входе, но камень под ногами был относительно ровным. Можно было просто вернуться и сменить тоннель. Но мысль о пещере – и сфере с запертыми внутри нее духами – не позволяла даже обернуться.

– Этот тоннель должен куда-то вести, – проговорил он. – Просто иди по нему и выйдешь наружу.

План был весьма хорош и предельно прост, но внезапно осложнился, когда Даровит добрался до развилки. Он помедлил, изучая ответвление, уходящее влево, и обратил взор к правому. Ни один из тоннелей не позволял понять, ведет ли он на свободу. Покорно вздохнув и покачав головой, он выбрал левый.

Сорок минут и три развилки спустя Даровит пожалел о принятом решении. Теперь он не мог вернуться в пещеру, даже если бы захотел; он безнадежно заплутал в подземном

лабиринте. В животе заурчало, и в голову понемногу стали закрадываться мысли о том, что он может никогда не увидеть дневного света.

Чем больше росла паника, тем сильнее ускорял он шаг. Теперь он почти бежал, стреляя глазами из стороны в сторону в надежде обнаружить что-то в тусклом свете клинка – что угодно – что укажет дорогу. Он ринулся в очередной боковой тоннель, спешно передвигая заплетающимися ногами, и мчался по нему, пока не запнулся.

Выставив вперед руки, чтобы смягчить падение, Даровит нечаянно выронил светомеч. Тот прочертил отметину вдоль стены и откатился по неровному полу, затем погас, погрузив тоннель в непроглядную тьму.

Даровит изможденно повалился на землю, и так и остался лежать в потемках, сдавшись на милость накотившему беспросветному отчаянию. Дальше идти бессмысленно; выход уже не найти. Лучше умереть здесь, в забытье и одиночестве.

Он перевернулся на спину, невидящим взором уставившись в потолок. И что-то услышал. Звук слабый, но ему не почудилось. Чей-то голос шел издалека, пронзая гнетущую тишину.

Вот теперь тебе голоса мерещатся, Томкэт, – решил он. Но секундой позже снова услышал голос, эхом прокатившийся по тоннелю. Здесь есть кто-то еще!

Он не знал, был ли это джедай, решивший выяснить участь павших товарищей, солдат ситов, сбежавший с последней битвы, или кто-то другой. Он понятия не имел, поприветствуют ли его, возьмут в заложники или прикончат. Ему было все равно. Даже страх возвращения в пещеру к необычной, жуткой сфере уже его не пугал. Всяко лучше, чем умереть от одиночества или голода в темных тоннелях в недрах планеты.

Даровит пополз во мраке, шаря перед собой руками, пока пальцы не нащупали рукоять меча. Он зажег его и триумфально поднял перед собой. Теперь он снова видел.

Узнать, где именно хозяин голоса, не представлялось возможным. Акустика в тоннеле вела себя странно и непривычно. Звуки и эхо неестественно искажались, отражаясь от неровных каменных стен подземного лабиринта. Но Даровит был уверен, что голос шел откуда-то сверху, в направлении его пути.

Сжимая в руке пылающий клинок, он уверенно зашагал вперед. Каждую минуту до ушей доносился очередной обрывок разговора. Теперь он понял, что говорили двое и голоса их сильно разнились: один обладал глубоким басом, другой вторил ему на высоких тонах. Каждый раз, как он слышал голоса, те становились чуточку громче, и он понимал, что идет в правильном направлении.

Даровит заметил, что в тоннеле светлеет; светомеч был уже ни к чему. Но то был не янтарный солнечный свет, бивший в спину при спуске в тоннель, а холодное серебристое свечение. С ужасом он понял, что каким-то образом описал круг и снова шел к пещере с бомбой. Кому бы не принадлежали голоса – друзьям или врагам – он найдет их у сферы.

Пещера была уже близко, так близко, что когда голоса зазвучали вновь, он смог разобрать слова.

– Теперь ситов только двое – учитель и ученик, – донесся бас. – Других не будет.

– А если я подведу тебя? – спросил другой голос.

Похоже на девушку, – подумал Даровит, уделяя внимание выбору нужного направления, и не вникая в отдельные слова. *Нет, не девушка*, – поправился он через секунду. – *Девочка*.

– Меня ты тоже убьешь? – спросила та.

Даровит с изумлением понял, что знает голос! Он не верил, что это возможно, но ни на секунду не усомнился в догадке.

– Рейн! – крикнул он, сорвавшись на бег, чтобы увидеть сестренку. – Рейн, ты жива!

Путь к пещере занял мало времени и не был богат на события. Бейну встретились паратройка контуженых человек, переживших руусанскую битву, которые очумело вытаращились на промчавшийся мимо свуп. Он не стал уделять им внимания. Сомнительно, чтобы кто-то его опознал. А если и так, то байка о целехоньком повелителе ситов, гоняющем по полям с девчонкой на заднем сидении, прозвучала бы столь же нелепо и вычурно, как рассказы наемников из лагеря Каана.

Он остановил свуп у входа в темный и неприветливый тоннель, ведущий в пещеру ментальной бомбы. Спешился; под твердой подошвой тяжелых черных сапог громко хрустнули мелкие камушки. Занна была слишком мала, чтобы просто сойти со свупа, но без малейшего страха прыгнула с сиденья, мягко приземлившись на землю.

Спускаясь по тоннелю, оба молчали, освещая дорогу одним из светостержней, обнаруженных Бейном в лагере ситов. Воздух вокруг понемногу холодел и Занна начала дрожать, хотя не стала жаловаться. Быстрым шагом они двигались вниз по неровному проходу; путешествие по тоннелю, от входа до пещеры, заняло почти двадцать минут. И Дарт Бейн впервые удостоился шанса увидеть то, к чему привели его манипуляции с Братством Тьмы.

Бледная, мерцающая сфера, зависшая в центре пещеры, достигала почти четырех метров в высоту. Сфера переливалась энергией; она заставила шею Бейна покрыться мурашками, подняла волоски на руках. На блестящей, отливавшей металлом поверхности, в медленном, почти гипнотическом ритме, кружились темные прожилки теней. Что-то гротескное, неотразимое было в сфере, нечто пленительное и одновременно отталкивающее.

Спрятавшаяся за Бейном Занна вздохнула, от удивления резко втянув носом воздух и медленно выдохнув. Бейн опустил на девчонку взгляд, но та не ответила – широко распахнутые глаза Занны были прикованы к останкам ментальной бомбы. Вернув внимание сфере, Бейн ступил глубже в пещеру. Занна шагнула следом, но тут же отошла назад.

Подойдя вплотную к бомбе, Бейн снял перчатку и прижал ладонь к гладкой поверхности. Руку обожгло холодным огнем, но он забыл о боли, поработанный чарующим зовом сферы. От его прикосновения темные тени, кружащиеся внутри, сплотились в единую массу. Мысли запертых внутри душ поднялись к поверхности навстречу Бейну: тихий шепот зазвучал в альковах его разума, слышались невнятные, но полные гнева и отчаяния слова.

Повинуясь инстинкту, сознание Бейна попробовало дать отпор. Он поборол порыв отнять руку от сферы, и протянул восприятие глубже, проникая внутрь сферы, окунаясь в бездонные глубины ее черного сердца. Гневный шепот обернулся мучительным криком. Но кричали далеко не разумные создания: он слышал животный вой первобытной, слепой ярости. Все те, кого поглотила ментальная бомба (повелитель Каан, генерал Хот, джедайские и ситские солдаты), были стерты из действительности, разорваны в клочья взрывной волной. Остались лишь обрывки, редкие частицы того, что некогда звалось душой, не способные больше на сознательное мышление, страдающие, вопящие в вечном безумии.

Они кружили над сознанием Бейна, пробивая путь к его цельной личности, словно паразиты, льнувшие к жертве. Голосащие призраки обступили его, цепляясь за мысли и стараясь завлечь в свою темную бездну.

Бейн оторвал их от себя и отшвырнул с почти надменной легкостью, растерзав и так уже хрупкие души, и позволив разуму всплыть на поверхность. Через секунду он был свободен, оставил позади темницу, из которой другим никогда не сбежать.

Он убрал руку с поверхности сферы, и отступил на шаг, удовлетворенный тем, что узнал. Призраки за ним не охотились; Каана больше нет. Ни в одной из известных действительностей. Образ, увиденный в лагере ситов, всего лишь иллюзия, порожденная контуженым разумом.

– Они там заперты? – спросила Занна. Она во все глаза глядела на Бейна с выражением трепета и ужаса одновременно.

– Заперты. Мертвы. Разницы никакой, – ответил Бейн, подернув плечами. – Каан и Братство уже в прошлом. Поделом им.

– Они были слабыми?

Прежде чем ответить, Бейн призадумался. Кем только Каан ни был: амбициозным, харизматичным, упрямым, а под конец – бесконечно глупым, но он точно был не слабак.

– Каан был предателем, – сказал, наконец, Бейн. – Он увел Братство от учений древних ситов. Повернулся спиной к самому естеству темной стороны.

Занна не сказала ни слова, и лишь выжидательно смотрела на учителя. Роль наставника была для Бейна в новинку; он привык действовать, а не болтать. И уж точно не привык делиться мудростью с другими. Но он хорошо понимал, что эти уроки принесут куда больше пользы, если Занна сама разберется в отдельных вопросах.

– Почему ты стала моей ученицей? – спросил он, проверяя ее. – Почему выбрала темную сторону?

– Власть, – быстро отозвалась девчонка.

– Власть – лишь верный способ достижения цели, – напомнил Бейн. – Это не самоцель. Для чего тебе власть?

Девчонка наморщила лоб. Учитель уже знал выражение: она подыскивала ответ.

– Через власть я познаю победу, – наконец сказала Занна, цитируя строки Кодекса ситов, выученного всего несколько часов назад.

Судя по тону, она пыталась руководствоваться ограниченным пониманием темной стороны, чтобы польстить ответом Бейну.

– Через победу мои оковы рвутся..., – продолжила она, мало-помалу находя нужный ответ. Секундой позже она воскликнула: – Свобода! Темная сторона нас освобождает!

Бейн одобрительно кивнул.

– Джедаи сковали себя покорностью: верностью Совету джедаев; своим мастерам; Республике. Идущие по пути Света верят даже в то, что должны подчиняться Силе. Они только инструменты в ее руках, рабы высших сил.

Следующие по тропе Тьмы видят свое рабство. Мы понимаем, что наши оковы не дают нам развиваться. Верим, что сила личности способна их разорвать. Таков путь к величию. Только будучи свободным, можно достичь высот.

– Отдельно взятый человек не должен преклоняться перед кем-либо или чем-либо – это основа темной стороны, – продолжал Бейн. – Но это также величайшая слабость. Взять верх над другими не просто без насилия, и в прошлом ситы часто грызли друг другу глотки.

– А чего тут плохого? – вмешалась Занна. – Сильный выживет, а слабый помрет.

– Слабость – не значит глупость, – отрезал Бейн. – Есть те, у кого меньше силы, но больше коварства. Группа учеников может сбросить сильного учителя, в надежде подняться на ступень выше в иерархии ситов. Затем они обернутся друг против друга, заключая и разрывая союзы, пока не останется только один – новый учитель, но уже более слабый, чем прежний. А затем и этот выживший в свою очередь будет смещен более слабыми ситами, что пойдет в ущерб Ордену.

Каан это понимал. Но его решение было хуже самой проблемы. Каан сделал всех последователей темной стороны – всех членов Ордена ситов – равными в Братстве Тьмы. Поступив так, он предал нас.

– И тебя тоже?

– Равенство – ложь, – сказал Бейн. – Миф, ублажающий массы. Погляди по сторонам, и ты увидишь этот обман! У одних есть власть, сила и качества лидера. Другие способны лишь плестись позади; вести рабское, никчемное существование.

– Равенство – извращение закона природы! – продолжал он, повысив голос. Теперь он делился с ученицей аксиомой, составлявшей саму суть его веры. – Она привязывает сильных к слабым. Как якорь, тянущий исключительность на дно к посредственности.

Равенство – это оковы, как покорность. Как страх, неуверенность, сомнение. Темная сторона сбрасывает оковы. Но Каан не понимал. Он так и не постиг реальной силы темной стороны. Братство Тьмы было искаженным отражением Ордена джедаев, темной сатирой на все то, с чем мы боремся. Под началом Каана ситы обратились в мерзость.

– И потому ты его убил, – протянула Занна, решив, что урок закончен.

– Потому я заставил Каана убить самого себя, – поправил Бейн. – Запомни: одной власти недостаточно. Терпение. Хитрость. Скрытность. Вот орудия, которые нужны нам, чтобы одолеть джедаев. Теперь ситов двое: учитель и ученик. Других не будет.

Занна кивнула, но что-то по-прежнему ее тревожило.

– А если я тебя подведу? – спросила она, бросив взгляд на ментальную бомбу. – Меня ты тоже убьешь?

Ответ Бейна прервал крик из соседнего тоннеля:

– Рейн! Рейн, ты жива!

Из тени пещеры выскочил мальчишка, с виду старше Занны на год или два. Темные волосы и черное обмундирование ситов. Рукоятка светомеча, крепко стиснутая в правой руке. Несмотря на все воинские атрибуты, Бейн сразу понял, что угрозы от ребенка ждать не придется. Сила в нем едва дышала. Пламя, что так ярко пылало в груди Занны, внутри него поднималось лишь серым дымком тлеющих углей.

– Томкэт! – просияла Занна.

Она шагнула к брату, распахнув руки, словно желая обнять. Затем, будто вспомнив о наставнике-сите, одернула себя и скрестила руки на груди.

Мальчишка не сделал и попытки остановиться. Он не обнаружил внезапную перемену в Занне; не заметил двухметровую фигуру, выступавшую из тени позади сестры. От жалостливого, безнадежного одиночества в голосе и глазах парнишки, все внутри у Бейна передернулось.

– Как я рад, Рейн, – на одном дыхании произнес мальчишка, подбежав к Занне, и протянув руки в объятиях. – Так рад, что ты...

Она сделала шаг назад и покачала головой, от чего слова застряли у мальчонки в горле. Счастье на его лице испарилось, сменившись недоумением.

– Я... я не Рейн, – произнесла ученица Бейна, отрекаясь от детства, прошлого, и всего, что с ними связано. – Я Занна.

– Занна? – на лице мальчишки отразилось неподдельное замешательство. – Твое настоящее имя. Но почему?

Не дождавшись ответа, он, наконец, отвел взгляд от девочки и обнаружил позади нее неподвижного Бейна. Недоумение сменилось пониманием и столь же быстро обратилось в праведный гнев.

– Ты! – прорычал он, обвиняющее ткнув в Бейна пальцем. И будто вспомнив о зажатом в руке оружии, зажег светомеч. – Отойди от нее! – крикнул он. – Дерись со мной!

Мальчишка знал о неравных шансах. Он знал, что не сможет одолеть темного повелителя ситов. И все же, решил стоять и сражаться – поступил как полный дурак.

Дарт Бейн наблюдал за обреченным противником с презрительным безразличием. Мальчонка для него пустое место – неуместная соринка, которую можно стряхнуть с плеча. Если малыш желает показной и пустой славы (или «благородной» смерти), Бейн сделает ему такой подарок.

Он небрежно опустил руку к светомечу, но прежде чем зажег его, в дело вступила Занна. Как и при убийстве невезучих джедаев, девчонка выпустила на свободу волну энергии темной стороны. Она поступила согласно инстинкту, не думая, без подготовки и тренировки.

Все произошло так быстро, что Бейн не успел поднять защиту... но сила атаки была направлена не на него. Правую руку мальчишки, которого Занна назвала Томкэтом – ее кузена и друга детства – разорвало на части. Силой мысли она разворотила все, что было выше запястья: плоть, кость и сухожилия растворились в кровавом взрыве, оставив после себя рваный обрубок.

Потеряв опору, рукоять меча парнишки ударилась о землю, клинок погас. Взыв от боли, тот упал на колени, прижав к груди искалеченный обрубок. Тоненькие струйки крови били из раны, брызгали на пол пещеры.

Учитель опустил взгляд на ученицу.

– Зачем? – потребовал он.

– Нет ни смысла, ни цели в его смерти, – ответила та, вторя его же недавнему объяснению.

Бейн не был глуп: он понял, что произошло. Занна пыталась спасти брату жизнь. Он понимал, что направлявшие ее эмоции – сентиментальность, сострадание, жалость – это слабости, от которых ей придется освободиться. Само собой, ученица не могла познать темную сторону всего за один день.

Он взглянул на паренька, скорчившегося на земле. Кровавые струйки из обрубка приостановились; взрыв, лишивший его кисти, частично прижег рану. Пока он катался назад-вперед у ног Занны, кровотечение замедлялось еще больше от пыли и грязи с пола пещеры. Из глаз его хлестали слезы, из носа текла мокрота, забивая нос и глотку и превращая его вопли в еле слышное, утробное хныканье. Занна смотрела на брата холодным и расчетливым взором, притворяясь безразличной к его страданиям.

Бейн решил, что риск оставить жалкое создание в живых ничтожно мал. Как и в случае с наемниками, никто не поверит его рассказам о мастере-сите. Совершенно очевидно, что Занна не хотела убивать мальчишку. Но она не вымаливала его жизнь и не торговалась за нее. Вместо этого она взяла ситуацию в свои руки, применила темную сторону и объяснила свои действия уроками самого Бейна. Она показала не только силу, но интеллект и хитрость. Очень важно вознаграждать такие поступки – чтобы приободрять ее, поощрять способности и талант, которые однажды позволят ей снять с плеч учителя мантию темной стороны. Это гораздо важнее, чем обрывать жизнь убогого, ничтожного существа.

– Оставь его, – сказал Бейн, развернувшись на каблуках. – Он нам не интересен.

Занна немедленно пристроилась сбоку и вместе они вышли из пещеры, начав долгий, медленный подъем по тоннелям на поверхность Руусана. Бейн удовлетворенно отметил, что хотя жалостливые рыдания Томкэта и доносились до них отголосками эхо, его ученица ни разу не обернулась.

Глава 5

– Входим в атмосферу. Приготовьтесь к турбулентности, – предупредила Иртанна с кресла пилота.

Экипаж насчитывал только пять человек, и не было нужды прибегать к интеркому.

Хотя челнок типа «Посол» нес на себе лишь горстку пассажиров, он мог с комфортом перевозить в четыре раза больше. Корабль поступил в распоряжение джедайского флота в последние недели руусанской кампании: его отдал в дар анонимный благодетель с Корусанта, плененный настойчивыми мольбами Фарфеллы о ресурсах для поддержки военных усилий. Судно, окрещенное «Звездным следом», сошло со стапелей «Таллаанских верфей», и являлось, по сути, обыкновенным транспортником, способным как на суборбитальный полет, так и на межзвездные путешествия – спасибо гиперприводу класса двенадцать.

Сам факт того, что в дело пустили подобный такой корабль, явно свидетельствовал об отчаянии Армии Света... Челноки типа «Посол» славились практичностью и доступностью, что делало их излюбленным транспортом независимых торговцев и состоятельных авантюристов. Наиболее характерные черты челнока – простые в использовании навигация и автопилот, позволяли экипажу бороздить гиперпространственные маршруты к сотням известных миров по всей Республике простым нажатием кнопки. К сожалению, кораблю не доставало тяжелой защиты или хоть сколько-нибудь существенного вооружения. Плюс ко всему, челнок не отличался ни скоростью, ни маневренностью.

Джоан предпочел бы что-нибудь более «военное»; он сильно сомневался, что автопилот спасет их, если на горизонте появится ситский «канюк». Хотя понимал, чисто логически, что такое маловероятно. Все «канюки» во флоте Каана слали большой привет: одни были подбиты, другие попали в руки Армии Света, или скрылись из системы под

аккорд финальной битвы. Но полные опасностей полеты через контролируемое врагом воздушное пространство, в месяцы, предшествовавшие окончательной победе джедаев, научили Джоана быть настороже. Судя по тому, как сильно Иртанна сжимала штурвальную колонку, он не был одинок в своих страхах.

Миновав холодный вакуум космоса, и войдя в верхние слои атмосферы Руусана, краем уха он уловил едва различимый глухой удар. Иртанна уверенно управлялась с кораблем, внося легкие коррективы в курс, пока Джоан изучал показания сканеров в поисках признаков жизни. На корабельных мониторах обрисовались еще четыре судна. Как и «Звездный след», каждый из них нес спасательный отряд из четырех-шести человек, посланных Фарфеллой разведать последствия войны.

– Вижу движение на земле, – подал голос Джоан, заметив показания на своем экране. – Передаю координаты.

– Конкретнее, – попросила Иртанна, разворачивая челнок по широкой дуге, чтобы поравняться с людьми на земле.

– Два человека, – сообщил Джоан. – С такой высоты не скажешь, дружелюбны они или нет.

– Я сажусь, – ответила Иртанна.

В основные задачи группы входили поиск и помощь раненым; вторым по важности пунктом была доставка командованию флота разведанных, и где-то вдалеке от первых двух отстоял прием на борт челнока вражеских солдат, добровольно решивших сдаться.

Челнок опустил нос, нырнув к земле, и ускорение вдавило Джоана в сиденье. Иртанна вела судно невысоко и на предельной скорости: военный маневр выжимал из корабля все соки.

– Я их вижу, – доложил Джоан, когда две крохотных, расплывчатых фигурки на земле стали различимы через иллюминатор кокпита.

Бордон приподнялся и облокотился на спинку сиденья Джоана, чтобы лучше видеть растущие на глазах фигуры. Когда «Звездный след» подлетел ближе, силуэты людей стали четче: мужчина и женщина, на каждом легкая броня и оба бегут что есть мочи.

Рев двигателей стремительно снижающегося челнока заставил двоих остановиться и уставиться в небо. Мгновением позже парочка упала лицом в грязь, когда челнок пронесся почти над самыми их головами и окатил их волной громогласного гула.

Бурча под нос проклятия и сражаясь с неповоротливыми рычагами управления, Иртанна круто развернула челнок и посадила его в пятидесяти метрах от преследуемых людей. Сквозь обзорное окно Джоан видел, как пара медленно поднялась, едва пилот заглушил двигатель. Женщина что-то сказала мужчине, и тот согласно кивнул. Они подняли руки и медленно поплелись к судну.

Оба были в обмундировании Братства. Но Джоан не ощутил в них и следа темной стороны.

– Друзья ситов, – сказал он. – Похоже, наемники.

– Это может быть ловушкой, – предостерег Бордон. – У треклятых наемников ни капли чести.

– Я так не думаю, – ответил Джоан. В случае опасности, он бы почувствовал волнение в Силе. – Кажется, они просто хотят сдаться.

– Дерьмососы вонючие, – прошипел Бордон. – Врубай движок и поджарь их!

– Нет! – воскликнул Джоан, увидев, как Иртанна потянулась к кнопке зажигания. – Надо их допросить, – напомнил он. – Узнать, что им известно.

– А потом чего? – хмуро пробурчал Бордон.

– Потом мы доставим их к Фарфелле и посадим под замок к другим пленным.

Бордон хлопнул рукой по стенке кокпита.

– Эти говнюки явились на мою планету – ко мне домой – чтобы гнобить нас ради собственной наживы!

– При удобной возможности они нам глотки перережут, не задумываясь, – согласилась

Иртанна.

– Мы не такие, как они, – сказал Джоан. – Мы не убиваем пленных.

– Моя жена погибла от рук этих сучьих потрохов! – вскричал Бордон. – А теперь ты их щадить вздумал?

– Ненависть ведет на темную сторону, – отозвался Джоан, внимая мудрости джедаев. Но словам, прозвучавшим из уст девятнадцатилетнего падавана, явно не доставало силы. Произнося их, Джоан уже знал, насколько те пусты.

Бордон раздраженно всплеснул руками и сердито опустил на сиденье.

– Так ты тут за этим? – с отвращением буркнул он. – Держать нас на поводке? Не хочешь, чтоб сошли с твоих драгоценных «светлых» путей? Тебя для этого Фарфелла послал?

Не посылал он меня. Я сам по себе, – подумал Джоан. Он развернулся лицом к Бордону, который сосредоточенно разглядывал пол, не желая встречаться с ним взглядом. Двое его сыновей впились в молодого джедая ядовитыми взглядами. Он понимал их гнев. Ситы поселили войну на Руусане, войну, забравшую все, что они знали, и что их заботило: их дом, средства к существованию... и, конечно же, мать.

Бордон с сыновьями не понимали только одного: безымянные солдаты не могут отвечать за все ужасы и трагедии, что раскололи их мир. Каково бы ни было их преступление, эти двое не заслуживают груза ответственности за действия Каана и Братства. Кого действительно следует винить, так это мастеров-ситов, адептов темной стороны. Но стоило Джоану взглянуть в полные ненависти глаза парнишек, он осознал, что им не понять. Только не сейчас, пока все выстраданное до сих пор свежо в их памяти.

Джоан прилетел на Руусан, чтобы поймать тех членов Братства, что пережили взрыв ментальной бомбы. Он хотел продолжить дело генерала Хота – учителя и духовного наставника – и искоренить повелителей ситов, навсегда покончив с угрозой темной стороны. Но теперь в его сознании родилась цель, гораздо более высокая: нужно спасти Бордона и его сыновей от самих себя.

Они честные, порядочные люди. Но, пойдя на поводу у гнева и ненависти, они безжалостно и хладнокровно убьют беззащитных врагов – только если им не помешает Джоан. Когда спадет гнев, воспоминания о кровавой расправе истерзают их разум, – падаван это знал. Вина и самобичевание будут снедать Бордона и его сыновей до тех пор, пока, в конечном счете, не сведут в могилу. Джоан не мог это позволить.

Повернувшись к Иртанне, он вновь увидел гнев. Но взгляд девушки был холодным и осмысленным – таким образцовый солдат награждает врага. Джоан понял, что сама она не убьет пленных, но не помешает сделать это другим. Он уже знал, как поступит.

– Фарфелла не для того тебя посылал, – напомнил он пилоту. – Ты должна помогать выжившим.

Иртанна подозрительно покосилась на падавана, но ничего не ответила. Джоан едва сдержался, чтобы вновь не использовать Силу для подчинения ее разума. На уровне подсознания она может заподозрить его вмешательство, и, вероятно, будет сопротивляться. Важно, чтобы она сама поверила в его слова. Решение подчинить ее своей воле было принято сгоряча; оно, в итоге, могло обесчестить в ее глазах как Джоана, так прочих джедаев.

– Дай мне выйти, и я присмотрю за наемниками, – предложил Джоан выход из положения. – Свяжись с флотом, и они пошлют корабль, чтобы забрать нас троих.

Сказать это было нелегко. Он послушался Фарфеллу, – мастера-джедая, – полетел на планету. Совсем не хотелось покидать Руусан сейчас, так скоро после прибытия. Но он готов был принести эту жертву, только бы не дать Бордону и его отпрыскам пойти на поводу у безрассудных эмоций. Его долг, как джедая, оберечь им жизнь, даже если придется оставить собственный крестовый поход.

– Вы останетесь в челноке и направитесь на юг, – продолжил он. – Поможете раненым. Вы тут за этим.

Мгновение помедлив, Иртанна признательно кивнула. Джоан едва вышел из мальчишеского возраста; длинная тонкая косичка в его волосах явно намекала на то, что он еще падаван, не закончивший обучение. Но он по-прежнему принадлежал к Ордену джедаев. А это имело большой вес среди республиканских войск. Возможно, это поможет донести до девушки мудрость его слов.

Убедившись в том, что Иртанна оградит Бордона и его сыновей от неприятностей, Джоан поднялся с сиденья и направился на корму «Звездного следа». Пока открывался шлюз, он, как мог, старался не обращать внимания на обвиняющие взгляды двоих обозленных парнишек. Когда створки, наконец, распахнулись, падаван спрыгнул на землю, твердо приземлившись на ноги. Быстрым шагом он направился к паре человек, неподвижно стоящих вдалеке, по-прежнему держащих руки высоко над головой. Как только джедай отошел на достаточное расстояние, двигатели корабля ожили, он поднялся в небо и улетел... немало испугав двоих наемников.

— Куда они свалили? — потребовала женщина надрывающимся от паники голосом. — Твою мать! Они не могут нас тут бросить!

Сперва она, а потом и ее товарищ, опустили руки. Джоан опасался, что они потянутся к оружию, но понял, что их настолько смутил побег «Звездного следа», что они и думать забыли о нападении.

— Останови их! — крикнул мужчина, отвернувшись от Джоана и следя взглядом за уходящим из вида кораблем. Через секунду мольбы возобновились: — Заставь их развернуться! Скажи, чтоб вернулись!

В его голосе читалось то же отчаяние, та же настойчивость, что и в голосе его спутницы.

— Не тревожьтесь, — заверил их падаван. — Другой корабль уже в пути.

— Не можем мы тут торчать, — возразила женщина. — Времени нет. Он нас отыщет. Он найдет нас!

— Все в порядке, — сказал Джоан, успокаивающе вытянув руку. — Я не дам вас в обиду. Я джедай.

Женщина вздернула бровь и окинула Джоана скептическим взглядом. Худошавый юноша приосанился, упер руки в бока и выпятил грудь, понадеявшись, что так произведет большее впечатление. Он попробовал воспроизвести тот образ незамутненной уверенности, что часто восхищал его в Хоте и других мастерах.

Мужчина схватил Джоана за руку, и принялся дергать ее как ребенок, вцепившийся в материнский передник.

— Надо рвать с планеты, — шептал он в ужасе. — Живее!

Легким движением Джоан высвободился из хватки. Что-то в этой встрече его сильно тревожило. Судя по тому, как эти двое одеты, они бывалые контрактники. Джоан подозревал, что они дезертировали с недавней битвы — ситские фавориты, унесшие ноги, едва Армия Света пригрозила поражением. Но неудавшийся побег был продиктован скорее беспринципностью, нежели страхом или трусостью. Однако эти люди — боевые ветераны, привычные к смерти и крови — вели себя как перепуганные крестьяне после набега работорговцев.

— Будь ты хоть трижды джедаем, тебе нас не спасти, — пробурчала женщина, качая головой. — От него ты нас не избавишь.

— От кого? — потребовал Джоан. — О ком вы?

Мужчина быстро огляделся, словно боялся, что кто-то может подслушивать.

— Темный повелитель ситов, — прошипел он.

— Из Братства? — спросил Джоан, едва сдерживая пыл. — То есть, мастер-сит пережил взрыв ментальной бомбы?

Мужчина кивнул.

— Он прикончил Леграна и Хенша. Поджарил их молниями из пальцев.

Так я и знал! — мысленно возликовал Джоан. — *Так и знал!*

– У него тоже был меч, – вставила женщина. – Разрубил Пада и Деррина надвое. – Она секунду помолчала, содрогнувшись от неприятных воспоминаний. – Рилу подчистую башку снес.

Джоан уже собирался допытаться подробностей, но внимание привлек звук быстро спускающегося корабля. Он поднял взгляд к небу и увидел заходящий на посадку военный транспортник. Через несколько секунд тот коснулся земли, и наружу высыпали три республиканских солдата с оружием наготове. Джоан узнал старшего офицера: майор Ортен Лидс, один из самых влиятельных не-джедаев во Втором легионе Армии Света.

– Это и есть пленные? – прохрипел майор, ткнув бластерным ружьем в наемников.

Джоан кивнул. Лидс качнул головой, и подчиненные с наручниками в руках направились к вражеским солдатам. Ни один из пленных не пытался оказать сопротивление. Захлопнув наручники на запястьях парочки, их обыскали и лишили оружия, после чего проводили к судну. Вся операция была проведена четко, эффективно и со знанием дела, что всегда отличало бойцов, служащих под командованием майора Лидса.

– Вы приняли послание Иртанны? – спросил Джоан, наблюдая за тем, как уводят пленных.

– Мы были неподалеку, – ответил офицер. – Фарфелла прислал за тобой.

Тон его голоса насторожил падавана.

– Мне влетит?

Офицер подернул плечами.

– Как знать. Вы, джедаи, строго следите за своими эмоциями. Но, бьюсь о заклад, генерал не шибко радовался, когда обнаружил, что ты ослушался прямого приказа и отчалил сюда.

– Не волнуйтесь, – уверенно отозвался Джоан. – Он заговорит по-другому, когда услышит, что скажут пленные.

* * *

Бейн заглушил двигатель свупа и встал на поляне, где ждал «Валцин». Этот корабль, однажды подаренный повелителю Кордису, Бейн «одолжил», когда покидал Академию в поисках тайн древних ситов. Кордис так и не посмел возвратить корабль, и трусость его лишь подкрепила решение Бейна отказаться от учебы и отвернуться от Братства.

Он остановил свуп в двадцати метрах от звездолета. Занна сняла руки с пояса учителя и прыгнула на землю, немедленно приковав внимание к «Валцину».

Бейн не обращал на нее внимания; последние десять минут он едва ли мог сосредоточиться на чем-то ином, кроме боли, разламывающей череп. Он надеялся, что погружение в глубины мерцающей сферы, оставленной ментальной бомбой, хоть как-то облегчит его мигрень. Но после визита в пещеру голова заболела только сильнее.

Радовало одно: Каан все-таки мертв. Зная это, проще было отмахнуться от призрачной фигуры, появившейся из ниоткуда на дальнем краю поляны. Фигура, едва заметная под поздним дневным солнцем, определенно принадлежала человеку, основавшему Братство Тьмы.

Бейн знал, что страдает галлюцинациями, но в образе, все же, имелось правдоподобие. Призрак пересек поляну и остановился в метре от корабля. Повернул голову и, пригвоздив Бейна немигающим взглядом, поманил его рукой.

– Какой красивый, – выдохнула Занна.

Дарт Бейн удивленно дернул головой. Но ученица, как оказалось, имела в виду «Валцин». Когда Бейн вновь посмотрел в сторону Каана, призрак уже пропал.

– Не думала, что улечу с Руусана на таком корабле, – протянула Занна.

– Ты на нем не полетишь, – ответил Бейн, спустив ноги со свупа. Единственное, что можно сделать с галлюцинациями – это притворится, то тех нет.

Девчушка обернулась к нему, сбита с толку.

– Мы не возьмем твой корабль?

– На нем лечу я, – ответил учитель. – А ты выберешься с планеты сама.

На то, чтобы смысл слов дошел до девчонки, ушло несколько секунд. Когда она поняла, на ее лице застыл неподдельный ужас.

– Я... мне с тобой нельзя?

Здоровяк покачал головой. В голове его уже созрел план – спасибо Занне и ее необычной находке. Он полетит на Дксан, самую большую из лун Ондерона, чтобы разыскать потерянную гробницу Фридона Надда. А для своей ученицы он подготовил нечто иное.

– Но... почему? Что я сделала? – всхлипнула девчонка, уже готовая разрыдаться. – Почему ты меня бросаешь?

– Это часть твоего обучения, – пояснил Бейн. – Чтобы понять темную сторону, ты должна пройти через испытания и борьбу.

– Незачем бросать меня, чтоб я страдала, – возразила Занна. – Возьми меня с собой.

– Сила темной стороны неотделима от силы личности, – напомнил Бейн. – Сила исходит изнутри. Ты должна научиться черпать ее. Я не всегда буду рядом, чтобы учить тебя.

– Но ты же говорил, что нас всегда будет двое, – не унималась Занна. – Один воплощает силу, другой ее жаждет!

Она быстро училась, и Бейн с удовлетворением отметил, что она усвоила в памяти большую часть его наставлений. Но простое повторение пустых слов не много будет значить, пока девчонка не поймет стоящую за ними суть.

– Почему ты со мной? – спросил он, самым вопросом пытаясь указать ей верное направление.

Занна думала несколько секунд, тщательно взвешивая все, что уже знала.

– Чтобы развить потенциал, – сказала она, наконец. – Чтобы узнать секреты темной стороны.

Бейн кивнул.

– А когда мне уже нечему будет учить тебя? Что будет тогда?

Занна сосредоточено сморщила лоб, но на сей раз не нашла ответа.

– Не знаю, – в конце концов, призналась она.

– Тогда твоей учебе настанет конец, – сказал Бейн. – Придет миг, когда ты усвоишь все уроки, когда все мое знание темной стороны будет твоим. И тогда ты вызовешь меня на поединок за титул мастера, и только один из нас переживет схватку.

Девчонка широко распахнула глаза. Затем сузила, тщательно обдумывая слова.

– Ты можешь превзойти меня, – продолжил Бейн. – Если разовьешь свой потенциал, я перестану быть для тебя полезен. Тебе потребуется найти новые источники знаний. Придется отыскать нового ученика, которому ты сможешь передать все секреты Ордена ситов.

Когда твоя сила затмит мою, во мне уже не будет нужды. Таково Правило двух: учитель и ученик. Когда будешь готова присвоить себе титул темного повелителя, ты должна будешь убить меня.

– Схватка неизбежна, – подытожил он. – Лишь так ситы способны выжить. Таков путь темной стороны.

Занна промолчала. По выражению ее лица Бейн понял, что она не может взять в толк, почему мастер будет учить ее, зная о том, что она в итоге его предаст. Но ей и не нужно понимать. Не сейчас. Пока ей требуется лишь подчиняться.

– Доберись до Ондерона, – приказал Бейн. – Я встречу тебя через десять стандартных дней. *После того, как отыщу гробницу Надда на Дксане.*

– И как прикажешь мне туда попасть? – вспылила Занна.

– Ты – избранная, законный наследник нашего Ордена. Найдешь способ.

– А если нет?

– Тогда ты покажешь, что недостойна быть моим преемником, и я найду другого.

Больше сказать было нечего. Бейн повернулся к Занне спиной и направился к кораблю. Девчонка смотрела ему вслед, не проронив ни слова. Уходя, он ощущал закипающий в ней гнев, обратившийся в ненависть, когда он зашел в кокпит. Когда Бейн заводил двигатель, жар ее ярости заставил его мрачно улыбнуться.

«Валцин» взмыл в воздух, покидая Занну – крошечную фигурку на поверхности планеты, стоящую неподвижно, словно холодная каменная статуя и глядящую вслед кораблю.

Глава 6

– Это недоразумение, – настаивал из-за решетки мужчина.

– Вы ошибаетесь, – вторила женщина рядом.

Джоан глубоко вдохнул, и длинно, устало выдохнул. С возвращения на «Попутный ветер» с двумя пленными минул уже час. Запрос на срочную встречу с Фарфеллой отклонили, поскольку генерал был слишком занят попытками расчистить Руусан. Так что Джоан спустился с заключенными на нижнюю палубу флагмана и запер их на время в камере. Не располагая более никакими делами, он решил присесть и подождать вместе с ними.

Юный джедай теперь крепко сожалел о своем решении.

– Да не служили мы у Каана в армии, – бросила женщина из-за прутьев камеры. – Мы фермеры.

– Фермеры не носят броню и оружие, – ответил Джоан, ткнув пальцем в угол, где на маленьком столике бесформенной кучей лежало добро, конфискованное у наемников.

– Барахло не наше, – пояснил мужчина. – Мы это... нашли его. Вышли погулять утречком... набрали на брошенный лагерь. Глядим, всюду одежда валяется, и это... ну решили: а весело будет в солдат обрядиться!

Республиканские стражники, вместе с Джоаном приглядывающие за пленными, услышав столь жалкую ложь, разразились смехом. Джоан же просто прикрыл глаза и потер виски. На Руусане пленников прямо-таки распирало от желания покаяться во всех грехах. Тогда они еще не отошли от страха после столкновения с безымянным повелителем ситов. Теперь же, на безопасном расстоянии от поверхности планеты, маячащая перед людьми реальная перспектива провести пять-десять лет на республиканской тюремной планете заставляла их отречься от всех прежних показаний.

– А что с остальными? – спросил Джоан, надеясь поймать их на собственной лжи. – Ваши друзья, погибшие при нападении. Они тоже были фермерами?

– Ага, – ответил мужчина одновременно с женщиной, которая выпалила: – Да мы их вообще едва знали.

– Ну, – дерзко поинтересовался падаван, – так кому из вас мне стоит верить?

Пленники обменялись долгими, безрадостными взглядами, и, наконец, женщина ответила:

– Мы их этим утром встретили. В ситском лагере. Они сказали, что они фермеры, прям как мы, но негодяи, как пить дать, наврали.

– Наврали? Да неужели? – насмешливо спросил Джоан. – Трудно представить, что кто-то стал бы вам врать.

Охранники снова хихикнули.

– Вы двое можете давать концерты, – сказал Джоан. – Ну... если тюрьму переживете.

Мужчина, кажется, хотел огрызнуться, но прикусил язык, когда спутница заехала ему локтем под ребра. В этот самый момент в карцер заглянула одна из помощниц Фарфеллы.

– Генерал готов с тобой встретиться, – сказала она Джоану.

Юноша вскочил со стула и последовал за ней.

– Эй, скажи ему, пусть нас выпустит, – бросил вслед мужчина. – Не забывай о нас!

Размечтались, – подумал Джоан. Стражникам он сказал:

– Приглядывайте за ними. И не верьте ни чему, что они скажут.

Посланница повела его длинным и извилистым путем через весь «Попутный ветер». Карцер располагался на самой нижней палубе огромного корабля; Фарфелла ждал его в командной рубке наверху. По пути они встречали многих знакомых Джоана, товарищей-джедаев и солдат, сражавшихся бок о бок с ним во время войны. Когда они проходили мимо, большинство коротко кивало или быстро махало руками, слишком поглощенные делами, чтобы предаваться пусть даже кратким беседам.

Многих Джоан не знал: руусанских беженцев. Их эвакуировали, свезя на корабль в дикой спешке, чтобы спасти от взрыва ментальной бомбы. Одни готовились вернуться на поверхность, чтобы попытаться начать новую жизнь. Дома или семьи других унесла в цепких объятиях война; для них вернуться назад значило лишь оживить болезненные воспоминания о том, что они потеряли. Для людей, что не желали возвращаться на Руусан, Фарфелла подготовил транспорт в Миры Ядра и в Республику, где те смогут начать все с чистого листа, вдали от руусанских кошмаров.

Так много людей, – подумал Джоан, молчаливо следуя за девушкой. – *Так много страданий. И все они будут напрасны, если хоть одному ситу удалось бежать.*

Когда они добрались до командной рубки, посланница провела его к личным покоям Фарфеллы. Она постучала в закрытую дверь, и по другую сторону ответили:

– Войдите.

Девушка положила руку на консоль и кивнула Джоану, когда дверь скользнула в сторону. Тот шагнул в комнату, дверь за ним закрылась.

Каюта оказалась больше, чем юноша ожидал, и обставлена она была в том расточительном стиле, коим так славился Валентайн Фарфелла. По полу стлались малиновые и золотые ковры яркой расцветки, стены украшали дорогие полотна, которые смотрелись бы актуально даже в лучших галереях Олдераана. На дальнем конце каюты стояла огромная кровать с пологом на четырех столбиках, сделанная из древесины дерева врошир – подарок вождей племени вуки с Кашиика. Одеяла и подушки были сотканы из желтых и красных мерцающих шелков, а каждый из четырех массивных столбиков кровати украшала резьба ручной работы, изображавшая важные события в жизни Фарфеллы: его царственное происхождение, принятие в Орден джедаев, посвящение в ранг мастера и знаменитый триумф над ситами на Кашиике. Генерал сидел за огромным рабочим столом в углу комнаты, просматривая донесения на мониторе, встроенном в лакированную поверхность.

– Ты разочаровал меня, юный падаван, – произнес он, отключив экран и повернувшись к Джоану.

– Простите, что ослушался вас, мастер Валентайн, – ответил тот.

Фарфелла встал и пересек комнату, мягко ступая по роскошному ковру.

– Это меня беспокоит меньше всего, – сказал он, решительно положив руку на плечо юноши.

Под глазами его залегли синяки, а обычно веселое выражение лица скрывалось под маской тревоги и усталости.

– Иртанна, – сказал Джоан, стыдливо свесив голову. Мысли жгло воспоминание о том, как он использовал Силу, обманом заставив пилота взять его в экипаж.

– Джедай не использует свои способности для подчинения друзей. Пусть даже твои мотивы были чисты, это оскорбляет твоё положение и предает доверие тех, кто в нас верит.

– Я знаю, что поступил плохо, – признал Джоан. – И я приму любое наказание, какое вы посчитаете нужным применить. Но я хотел бы обсудить с вами кое-что поважнее.

Фарфелла посмотрел Джоану в глаза и убрал руку с его плеча. Падавану показалось, что он заметил на лице мастера легкое разочарование.

– Да, непременно, – сказал Фарфелла, отвернувшись и вновь подойдя к столу. Он протянул руку и включил монитор. – Допрос пленников, что ты поймал.

– Вы их видели? – удивленно спросил Джоан.

– Я читаю все донесения, – ответил джедай. – Ответственность лидера в том, чтобы знать, чем заняты его подчиненные. И, что более важно, он должен ограждать их от принятия поспешных или неверных решений.

– Вы не верите, что кто-то из ситов пережил взрыв бомбы, – догадался Джоан.

– Твои источники не вызывают у меня большого доверия, – отозвался Валентайн. – Эти наемники, скажем прямо, отбросы Галактики. Откуда тебе знать, что они не сказали то, что ты хотел услышать?

– Зачем им это?

Фарфелла пожал плечами.

– Может они думали, что ты заступишься за них. Обеспечишь лучшее обращение под стражей. Снизил бы обвинения за содеянное. Они оппортунисты. Ищут выгоду везде, где только можно. Ложь для них – обычное дело.

– Не думаю, что они лгали, мастер, – сказал Джоан, качая головой. – Видели бы вы их на планете... они были в ужасе! С ними случилось что-то страшное.

– Такова война. Страх неизбежен.

– А детали их рассказа? – не отставал Джоан. – Светомеч с красным клинком? Молнии Силы? Тут же налицо темная сторона!

– Если они служили в армии Каана, то хорошо осведомлены о том, какое оружие ситы используют против врага. Не так уж сложно добавить эти подробности в любую выдуманную историю.

С досадой стиснув зубы, Джоан решил поступить тактом:

– Вы хотите верить, что ситы навсегда исчезли! Именно поэтому вы отказываетесь посмотреть в глаза правде, что висит перед вашим носом.

– А ты хочешь верить, что ситы еще живы, – парировал Фарфелла; голос его не выдавал и намек на гнев от слов падавана. – Ты жаждешь наказать тех, кто убил твоего учителя. Желание отомстить за него ослепляет твой взгляд на факты. Если бы ход твоих мыслей был яснее, ты бы увидел, что в этой истории есть одна деталь, которая ставит всю ее под вопрос.

Джоан изумленно моргнул.

– У вас есть доказательство их лжи?

– Оно здесь, в твоём отчете, – сообщил Фарфелла. – Наемники утверждают, что темный повелитель ситов с особой жестокостью убил их друзей. Но им самим удалось пережить столкновение. Разве это возможно?

– Они... они скрылись в лесу, – пробормотал Джоан, зная, как глупо это звучит.

– Ты – джедай, – напомнил Фарфелла. – Тебе знакомо могущество Силы. Ты правда веришь, что они могли избежать гнева мастера-сита, попросту скрывшись в подлеске?

Сит нагнал бы их, и прирезал, как зуккских свиней, – мысленно признал Джоан.

– Может, он отпустил их специально? – предположил он, по-прежнему не желая сдаваться.

– С какой целью? – спросил Фарфелла. – Если повелитель ситов выжил при взрыве ментальной бомбы, зачем ему оставлять за собой свидетелей, которые могли бы его раскрыть?

На это у Джоана не нашлось ответа. Никакого смысла. Но каким-то образом он знал, знал, что наемники не лгали.

– Джоан, – сказал генерал, ощутив назревший в юноше конфликт. – Будь с собой предельно честен. Ты действительно полагаешь, что мы можем доверять этим наемникам?

Джоан вызвал в памяти образ пленников и бесконечный поток лжи, льющийся с их языков. Вспомнил о собственном напутствии охранникам, присматривающим за ними: «Не верьте ничему, что они скажут». И Джоан вдруг понял, какой он дурак.

– Нет, мастер Валентайн. Вы правы. Они не заслуживают доверия. – Через мгновение он добавил: – Я... я хочу поговорить с Иртанной и Бордоном, когда они вернутся. Извиниться за то, что сделал.

– Рад слышать это, Джоан, – сказал Фарфелла, чуть улыбнувшись. – Мы, джедаи, не безгрешны. Очень важно не терять способности признавать свои ошибки.

– К сожалению, извиниться лично пока невозможно, – продолжил он. – Меня вызывают на Корусант для встречи с канцлером Валорумом. Как я вижу, ты не способен следовать моим указаниям в мое отсутствие. Будешь сопровождать меня в качестве помощника.

Все сказанное было подано как «наказание», но сердце Джоана подскочило до небес. По сути, мастер Валентайн предлагал взять его к себе на обучение.

– Я... благодарю вас, мастер, – только и смог сказать он. Затем коротко поклонился.

– Этого хотел бы Хот, – тихо произнес Фарфелла. Затем, громче: – Мы отбудем, как только я делегирую полномочия тем, кто примет на себя командование флотом.

– Почему канцлер так срочно хочет вас видеть? – спросил Джоан с проснувшимся любопытством.

– Братство Тьмы повержено и Галактический Сенат желает официально положить конец войне. На рассмотрении важный закон, который может навсегда изменить Республику. Валорум хочет обсудить его со мной прежде, чем Сенат проголосует.

– А этот закон скажется и на джедаях?

– Скажется, – хмуро ответил Фарфелла. – Ты даже не представляешь, насколько.

* * *

У Занны отваливались ноги. Голени ныли. Бедра горели от каждого шага. И все же, каким-то образом, она игнорировала боль и заставляла себя идти вперед.

Она шла, не останавливаясь, с тех самых пор, как корабль Дарта Бейна скрылся за горизонтом, вновь оставив ее одну. Перед Занной стояла четкая цель: попасть на Ондерон. И чтобы сделать это, придется найти корабль, который сможет увести ее с Руусана. Стало быть, нужно найти людей. Правда, Занна не имела и малейшего понятия, где их искать, и потому, выбрав направление наугад, отправилась в дорогу.

Она была слишком мала, чтобы ехать на свупе, оставленном Бейном на поляне. По началу, все было просто: Занна использовала новые способности по подчинению Силы, чтобы не дать себе остановиться. Она бежала так быстро, что мир вокруг проносился мимо размытыми красками и гулким свистом ветра. Но если Сила и была безгранична, то способность Занны черпать ее энергию себя истощала. Талант ее еще развивался, и утомление быстро взяло свое. По мере того, как силы шли на убыль, девочка чувствовала, насколько замедляется ее темп. И хотя она пыталась вновь воззвать к темной стороне, погружаясь в глубокую чашу гнева и ненависти, истощенный разум лишь слабо шептал в ответ.

Она превратилась в обычную девочку, уставшую, тихо бредущую по перекошенным войной равнинам Руусана. Но Занна не желала предаваться отчаянию; все свои силы она направила на то, чтобы просто упрямо переставлять ноги. Нельзя с уверенностью сказать, как долго она продолжала свой вынужденный путь – сколько часов или километров стойко стерпела – прежде чем была вознаграждена желанной картиной: вдалеке проступили контуры челнока.

Надежда придала второе дыхание, уставшие ноги ожили, и Занна, неуклюже прихрамывая, сумела перейти на бег по направлению к кораблю. Она видела людей, снующих около судна: девушка, мужчина средних лет, и два паренька-подростка. Когда она приблизилась, девушка заметила ее и окликнула одного из спутников.

– Бордон! Скажи мальчикам, что мы нашли пострадавшего.

Через несколько минут, когда Занна окончательно пришла в себя, она уже сидела верхом на грузовом контейнере в трюме корабля, и с жадностью уплетала плитки из пищевого пайка, запивая их чашкой обжигающе горячего кава. Один из мальчишек накинул ей на плечи худенькое шерстяное одеяльце, а остальной экипаж окружил ее защитным

кольцом.

– Никогда не видела, чтобы такая кроха столько ела, – усмехнулась девушка.

Похоже, она была не с Руусана. Кожа девушки была смуглой, а волосы – короткими и темными; под курткой она носила объемистый жилет. А увидев закрепленный на бедре незнакомки бластер, Занна ясно поняла, что та солдат.

– А как иначе, Иртанна? – бросил мужчина. В отличие от девушки, он сильно походил на местного. Широкие плечи, загрубевшая кожа и короткая бурая борода. Он напомнил Занне Рута, который растил ее на Сомов Рит. – Глянь на бедняжку: кожа да кости. Ты когда в последний раз нормально питалась, девочка?

Занна покачала головой.

– Не знаю, – пробурчала она с набитым ртом.

Она приняла предложение перекусить лишь из вежливости. С самого прибытия на Руусан, она жила на одних корешках да ягодах, постоянно находясь на грани полного истощения. Подобным образом она питалась так долго, что начала привыкать к постоянной рези в почти пустом животе, едва замечала голод. Но в миг, когда первый кусочек настоящей еды коснулся ее языка, она вспомнила об некогда позабытом аппетите, и тело ее попыталось наверстать прожитые впроголодь недели.

– Где твои родители? – спросила девушка по имени Иртанна.

– Умерли, – сказала Занна, отложив в сторону остатки пайка.

Еда оказалась невероятно вкусной; простое физическое удовольствие от приема пищи все же было ни с чем не сравнимо. Но Занна не могла позволить себе отвлечься. Общась со спасителями, придется тщательно подбирать слова.

Мужчина склонился над ней, посмотрев глаза в глаза. Мягким и полным сочувствия голосом спросил:

– А другие родственники? Братья, сестры? Хоть кто-то?

Занна в ответ покачала головой.

– Сирота, – уныло протянула Иртанна.

– Меня зовут Бордон, – сказал мужчина. – Это Иртанна, а вот мои сынишки – Тэлло и Венд. Тебя как зовут?

Занна замешкалась, не желая открывать настоящего имени.

– Я... Рейн, – сообщила она, наконец, назвав детское прозвище.

– Рейн? Смешное имя. Никогда не слыхал такого, – сказал старший мальчик, Тэлло. На вид ему было около шестнадцати.

– В мире много имен, которых ты не слышал, – резко одернул сына Бордон. Уже помягче, он спросил у Занны: – Ты не ранена, Рейн? Не больна? Если надо, у нас тут аптечка.

– Со мной нормально все. Просто проголодалась.

– Может, возьмем ее с собой? – спросила Иртанна.

Не спуская глаз с Занны, Бордон ответил:

– А может ее сначала спросим? Рейн, хочешь лететь с нами?

– Мне нужно на Ондерон, – не задумываясь, ответила Занна. Едва слова слетели с губ, как она пожалела об этом.

– Ондерон? Да на той каменной глыбе только чудища и звериные всадники, – встрял Тэлло. – Ты верно дура, раз туда захотела.

– Утихни, пацан, – рявкнул Бордон. – Ты ж никогда носа не высывывал с Руусана, так откуда тебе знать?

– Слыхал, что люди говорят, – ответил Тэлло. – В лагерях и там-сям.

– Не верь всякой байке, услышанной ночью у костра, – напомнил ему отец. – Бери брата и ступай наверх.

– Идем, – проворчал Тэлло, схватив под руку братишку.

– Так не честно! – запротестовал Венд, когда его потянули к выходу. – Я ничего не сделал!

– Зачем тебе на Ондерон? – спросила Иртанна, когда мальчики вышли. – Это очень

опасная планета. Не место для маленьких девочек.

– Я не одна буду. Я... у меня родные там, – солгала Занна. – Мне нужно их найти.

Бордон почесал подбородок, подергал за бородку.

– Будет не просто отыскать их в таком месте, как Ондерон, – сказал он. – У тебя есть знакомые, с которыми можно связаться? Может, друг семьи на Руусане?

– Мне нужно на Ондерон, – упрямо повторила Занна.

– Понятно, – буркнул мужчина, затем встал и повернулся к Иртанне. – Нашей маленькой гостье, похоже, очень не терпится унести ноги с планеты.

– Мы не сможем отвезти тебя на Ондерон, – сказала Иртанна, – но можем взять с нами, когда полетим с Руусана.

– И это куда же? – с подозрением спросила Занна.

– У нас целый флот на орбите планеты, Рейн. Там ты будешь в безопасности. Мы отыщем кого-нибудь, кто отмоет тебя и присмотрит за тобой.

– Я сама могу о себе позаботиться, – с вызовом бросила Занна.

– Да, поняли уже, – сказал Бордон. – Но зуб даю: одной будет не просто. – Так и не дождавшись ответа от Занны, он продолжил: – Скажу тебе вот что: снаружи темнеет. Может, полетишь с нами? А уж завтра решим, как быть дальше.

– Если хочешь на Ондерон, мы решим, как тебе помочь. Но если передумаешь, можешь остаться со мной и мальчиками здесь, на Руусане. По крайней мере, пока не найдется твоя семья.

Услышав предложение, Занна удивленно разинула рот.

Бордон протянул руку и нежно потрепал ее по плечу.

– Все в порядке, – сказал он. – Можешь пока не отвечать. Просто подумай об этом.

Выдавив слабый кивок, Занна вернулась к недоеденному пайку, пытаясь побороть творящуюся в голове сумятицу.

– Пойду, подготовлю корабль к взлету, – сказала Иртанна. Она пошла в рубку.

Бордон что-то согласно пробурчал и снова обратился к Занне:

– Я схожу наверх, помогу Иртанне. Ты побудь пока тут и покушай, ладно?

Занна снова кивнула. Бордон говорил с ней по-особенному: голос его утешал. Он позволял ей чувствовать себя в безопасности и ощущать свою важность. Она проследила за тем, как тот исчез в дверях, отделяющих трюм от кокпита.

– Кричи, если что понадобится, – донесся до нее голос Бордона.

Когда минутой позже взревели двигатели, и челнок взмыл в воздух, Занна едва обратила на это внимание. Ее обуревали противоречивые чувства. Где-то на поверхности сознания звучал безмолвный крик, твердящий о том, что она не может сидеть сложа руки – нужно что-то сделать, и быстро! Нельзя позволить им отвезти ее на флот. Там слишком много народу. Слишком много джедаев. Кто-нибудь из них непременно раскроет ее и начнет задавать вопросы. Они выяснят правду о Дарте Бейне, и все, что он обещал – все знания и сила темной стороны – будет потеряно.

В глубине души она желала полететь на флот. Бейн предупреждал, что учеба под его началом будет долгим и непростым испытанием. Она устала бороться. Да и Бейн ее бросил. А Бордон предложил ей жить в его доме; предложил стать частью его семьи. Что плохого в том, чтобы просто принять предложение? Бейн сказал, что она – наследник древних ситов, но этого ли она хочет на самом деле?

Так и не найдя ответа, Занна услышала шум и подняла голову. Венд, младший сын Бордона, спускался из кокпита. Видимо, решил поговорить. На вид мальчику было тринадцать – всего на пару лет старше ее.

– Папа говорит, что у тебя нет семьи, – сказал он вместо приветствия.

Занна не знала что ответить, и просто кивнула.

– Они на войне погибли? – спросил Венд. – Ситы убили?

Девочка пожала плечами, не желая вдаваться в подробности, которые могли выдать ее с головой.

– Моя мать была солдатом, – сказал Венд. – Очень храбрая. Она пошла воевать с ситами, когда те прилетели на Руусан.

– Что с ней стало? – Занна задала вопрос лишь потому, что его ждали, и было бы странно не спросить. Не хотелось привлекать ненужное внимание к собственной персоне.

– Она погибла в Четвертой битве при Руусане. Ситы убили. Папа говорит...

– Венд! – донесся из кокпита голос Бордона. – А ну живо навверх. Дай Рейн немного тишины и покоя.

Мальчик робко улыбнулся, развернулся и вновь оставил Занну наедине с ее мыслями. Во многом благодаря его словам, она приняла решение.

Бордон предложил взять ее к себе. Предложил стать частью семьи. Он соблазнял ее простой, но счастливой жизнью. Но его слова – пустые обещания. Покой – это ложь.

Какой прок от семьи и друзей, если у тебя не хватит сил, чтобы их защитить? Бордон потерял жену, а Тэлло и Венд – мать. Когда явились ситы, они оказались беспомощны и не сумели сберечь любимого человека.

Занна знала, каково быть беспомощной. Она знала, каково обладать чем-то, что ценишь больше всего на свете, и потерять это. И она поклялась никогда больше не допускать подобного.

Бордон и его семья – жертвы. Рабы, скованные цепями собственной слабости. Занна не желала и дальше быть жертвой. Бейн обещал обучить ее секретам темной стороны. Он покажет ей, как раскрыть внутреннюю силу и освободить себя от мирских оков.

Через власть я познаю победу. Через победу мои оковы рвутся!

Осознание того, кто она – принятие своей судьбы – побудило Занну к действию. Она попробовала призвать на помощь Силу, но, измотанная недавним походом, не сумела собраться. Не теряя надежды, Занна принялась обшаривать грузовые контейнеры, надеясь найти что-то, что помешает экипажу челнока отвезти ее на флот.

Она нашла то, что искала, как раз тогда, когда в трюм ворвался Тэлло.

– Папа просил меня поглядеть, нужно ли тебе... Эй! Ты чего это делаешь?

Занна обхватила пальцами рукоять бластера за долю секунды до того, как Тэлло набросился на нее и повалил на пол.

– Мерзкая маленькая воровка! – сплюнул паренек, пытаясь прижать Занну к полу и выбить из руки пистолет.

Тэлло весил килограмм на тринадцать больше Занны, но та отбивалась с таким животным отчаянием, что ему никак не удавалось ее ухватить. Они катались по полу, молотя друг друга руками.

Услышав звуки борьбы, в трюм вломился Бордон.

– Какого хрена тут творится?! – рявкнул он.

И в этот момент бластер выстрелил. Сложно было сказать, чей палец надавил на курок; и Тэлло и Занна, оба сжимали пистолет двумя руками в попытке выхватить оружие. Но, то ли по невезению, то ли по велению судьбы, когда луч вырвался из бластера, ствол его смотрел на Тэлло. Выстрел оставил после себя зияющую рану в центре его груди. Парень умер мгновенно.

Руки Тэлло обмякли и выпустили бластер. Безжизненное тело повалилось на живот, своим весом придавив Занне ноги. Бордон в ужасе расширил глаза. С мучительным криком он бросился к сыну.

Видя, что отец убитого паренька несется прямо на нее, Занна, не раздумывая, выстрелила вновь. Луч бластера пришелся Бордону чуть выше пояса, мгновенно оборвал его вопль и опустил на колени. Он прокричал от боли, схватился за дымящуюся дыру в животе, и протянул окровавленную руку к Занне. Та вскрикнула от ужаса и отвращения и выстрелила снова, лишив Бордона жизни.

– Бордон! – прошипел корабельный интерком голосом Иртанны. – Я слышала выстрелы! Что у вас случилось?

Занна поспешно выползла из-под тела Тэлло и помчалась в кокпит. Прибежав туда, она

увидела, что Венд по-прежнему пристегнут ремнями на пассажирском сиденье, и пытается повернуться. Иртанна как раз поднималась с сиденья, чтобы идти к Бордону. Перед уходом ей пришлось включить автопилот, и задержка дала Занне те несколько драгоценных секунд, которые требовались, чтобы взять ситуацию в свои руки.

– Сядь на место и замри! – крикнула Занна, направив бластер на Иртанну. Ее слова прозвучали тонко и глухо в тесных стенах кокпита – голосом перепуганного ребенка.

Чуть помедлив, Иртанна подчинилась.

– Что случилось? – спросила девушка, старательно избегая эмоций. – Кто-нибудь ранен?

– Задай курс на Ондерон, – приказала Занна, не ответив на вопрос. Она едва разбирала звук собственного голоса за оглушительным биением сердца.

– Хорошо, – медленно проговорила Иртанна, протянув руку, чтобы ввести координаты в контрольную панель корабля. – Я сделаю, как ты хочешь. Только успокойся. – Автопилот пискнул, подтвердив новый пункт назначения, и девушка наполовину развернулась, чтобы посмотреть незваной гостье в глаза. – Рейн, опусти оружие. – В ее словах сквозил холод, на лице читалась уверенность.

– Я не Рейн, – прошипела девочка сквозь плотно стиснутые зубы. – Меня зовут Занна!

– Да кем бы ты ни была, – сказала Иртанна, медленно вставая, – ты сейчас же отдашь мне бластер.

– Стой на месте или я выстрелю! – предупредила Занна, сорвавшись на визг.

Как она может быть такой спокойной? – подумала Занна, безуспешно пытаясь восстановить дыхание. Бластер был все еще у нее в руке, но ей вдруг начало казаться, что она теряет над происходящим всякий контроль.

– Нет, – хладнокровно ответила девушка, сделав шаг к Занне. – Ты в меня не выстрелишь. Ты не убийца.

Перед глазами Занны пронеслись образы двух мертвых джедаев на Руусане, а следом – Бордон и его сын, неподвижно лежащие в трюме.

– Нет, убийца, – прошептала она и нажала на курок.

Иртанна лишь удивленно вздохнула и тут же повалилась на пол – быстрая и безболезненная смерть. Занна подождала пару секунд, убедившись, что девушка действительно мертва, затем повернулась и направила бластер на Венда. Тот наблюдал за происходящим будто парализованный, и не позаботился даже отстегнуть ремни.

– Не убивай меня! – взмолился он, извиваясь на сидении.

Занна почти физически ощущала его страх. Она почувствовала в глубине естества знакомый жар темной стороны, отзывающийся на страдания жертвы, питающийся ужасом. Жар окатил ее волной жидкого огня, сметая вину и неуверенность, укрепляя решимость.

Занна внезапно поняла главное: страх и боль – неотъемлемые части бытия. И гораздо приятнее причинять их другим, чем страдать самой.

– Не стреляй, пожалуйста, – проскулил Венд, умоляя о жизни. – Я еще ребенок. Как ты.

– Я не ребенок, – сказала Занна, спуская курок. – Я – сит.

Глава 7

Когда «Валцин» прорвался сквозь верхние слои атмосферы Дксана, Бейн отчетливо расслышал протестующий визг работавшего на пределе корабельного движка. В обычных условиях, полет от Руусана до крупной луны Ондерона отнял бы у крейсера Т-класса (каким был «Валцин») около четырех-пяти дней. Бейн же покрыл расстояние всего за два.

Через несколько часов после того, как он покинул Руусан – а вместе с ним и Занну – его вновь одолела невыносимая мигрень. А вместе с болью явился неожиданный и совсем нежеланный попутчик. Призрачная тень повелителя Каана висела позади него в тесноте кокпита почти весь первый день пути, одним своим присутствием заявляя о том ущербе, что причинил взрыв ментальной бомбы разуму Бейна. Призрак не проронил ни слова и лишь

мерил его обличающим взором. Бейн спиной чувствовал глаза Кордиса.

Призрачное видение вынудило Бейна пойти на безответственные, и даже опасные меры: как можно скорее покрыть расстояние до луны. Он вывел «Валцин» далеко за пределы рекомендуемых параметров безопасности, словно хотел сбежать от собственного безумия, выжимая из корабля все, что можно. Теперь он отчаянно желал попасть на Дксан, найти там гробницу Фридона Надда и попытаться, наконец, избавиться от мучительных галлюцинаций.

Каан пропал к концу первого дня, но следующий визитер был еще хуже. Теперь рядом парил уже не основатель Братства Тьмы, а Кордис – бывший глава Академии ситов на Коррибане. Бледная, полупрозрачная фигура едва ли не идеально повторяла черты повелителя ситов, которого Бейн убил при их последней встрече. Высокий и сухопарый, Кордис настолько сильно походил на скелет, что, казалось, всегда был призраком, и никогда не примерял на себя оболочку из плоти и крови. Но, в отличие от Каана, Кордис только и делал, что говорил, изливая нескончаемые потоки порицания, осуждая все, чего добился Бейн.

– Ты нас предал, – говорил фантом, тыча в Бейна когтем на длинном, тонком пальце. Бейн, даже не глядя, знал, что палец украшают шикарные драгоценные кольца, какие Кордис никогда не снимал при жизни. – Ты уничтожил Братство, ты дал победить джедаям. А теперь бежишь с места преступления как трусливый вор под покровом ночи.

Я не трус! – думал Бейн. Зачем говорить вслух? Видение только у него в голове. Разговор с фантомом лишь подтвердит, что психика его пострадала. – *Я сделал то, что было необходимо. Идея Братства омерзительна. Их требовалось уничтожить!*

– Братство хранило знания темной стороны. Мудрость, которая из-за тебя утрачена навечно.

Бейну порядком надоели приевшиеся слова. Он прокручивал их в голове с тех пор, как постановил покончить с Кааном и его друзьями, и сейчас, словно в бреду, возвращался к ним вновь и вновь. Не желая допускать ни малейшего сомнения в правоте своего решения. Он поступил так, как следовало.

Братство утратило ориентиры. Члены его сошли с истинного пути темной стороны. Все занятия и все тренировки, которые Кордис проводил для «студентов» Академии, не стоили и ломаного кредита.

– Если это правда, – возразило видение, отзываясь на невысказанные доводы Бейна, – то как ты объяснишь свое путешествие? Ты клялся, что не признаешь моих учений, а ведь именно я нашел потерянную гробницу Фридона Надда.

Ничего ты не нашел. Ты галлюцинация. Настоящий Кордис мог и правда обнаружить информацию, но, видимо, так и не понял, что с ней делать. Истый мастер-сит покинул бы Руусан, чтобы найти гробницу Надда. А Кордис решил остаться и помочь Каану играть в солдатики с джедаями.

– Отговорки и оправдания, – ответил призрак. – Каан был воином. А ты скорее спрячься от врага, чем решишь с ним сразиться.

Бейн скрипнул зубами когда «Валцин» вошел в турбулентный поток, соприкоснувшись с плотной облачной атмосферой Дксана. Корабль все еще летел слишком быстро. Пытаясь удержать судно на верном курсе, Бейн так крепко вцепился в штурвал, что побелели костяшки пальцев. Ревущий от перенапряжения корпус корабля, продиравшегося сквозь облачный слой, раздражался скрипами и стоном.

– Ты нас предал, – вновь гаркнул Кордис.

Бейн тихо выругался, из последних сил пытаясь мириться с вереницей образов, порожденных его же сознанием. Сколько раз за сегодня ему «говорили» эти слова? Пятьдесят? Сто? Словно слышишь заевший голопроектор, повторяющий одни и те же фразы.

– Ты уничтожил Братство, ты дал победить джедаям. А теперь бежишь с места преступления как трусливый вор под покровом ночи.

– Заткнись! – крикнул Дарт Бейн, не сумев унять ярости. – Ты даже не настоящий!

Призвав к себе Силу, он изверг в кокпит волну темной энергии, вознамерившись

разорвать в клочки навязчивое видение. Кордис и правда исчез, но Бейн праздновал недолго. Внутри кабины замигали аварийные огни, вкупе с пронзительным воем сирены предупреждавшие о критическом сбое систем.

Управляющая консоль сгорела – спасибо вспышке гнева. Проклиная, на чем свет стоит, Кордиса и свой безрассудный всплеск эмоций, Бейн в отчаянии попытался хоть как-то вывести корабль на траекторию безопасной посадки. Со всех сторон до него доносился призрачный, издевательский хохот Кордиса.

«Валцин» в свободном падении помчался напрямик к густо поросшей лесами поверхности Дксана. Бейн тянул на себя штурвал со всей силой своего могучего тела, пытаясь хотя бы немного сместить угол падения корабля. Но если не сбавить скорость, это не будет иметь ни малейшего значения.

Он потянулся к рычагам управления, одной рукой пробуя перезапустить двигатели, а другой по-прежнему удерживая штурвал. Не сумев оживить движок, Бейн закрыл глаза и призвал Силу, заглянув глубоко в выжженные цепи и расплавленную проводку корабля.

Его разум мчался по лабиринту электроники, контролирующей системы «Валцина», восстанавливая и перенаправляя контуры в поисках той конфигурации, которая могла вернуть энергию мертвой системе зажигания. Первая попытка повлекла за собой снопы искр, выстреливших из контрольной панели, но попытка номер два вознаградила Бейна ревом проснувшихся двигателей.

Бейн сумел поставить движок на полный реверс всего в нескольких сотнях метров над поверхностью Дксана. Падение корабля замедлилось, но даже близко не подошло к торможению. За секунду до того, как «Валцин» вклинился в лесные кроны, Бейн окутал себя защитным коконом Силы, который, как он мог лишь надеяться, не даст ему погибнуть в неизбежном крушении.

«Валцин» пронзил лесной покров под углом в сорок пять градусов. При столкновении, от корабля с оглушительным ревом оторвало посадочные опоры. По бокам судна зазияли широкие борозды: корпус, свистя, продирался сквозь толстые ветви и сучья, которые раскраивали и напрочь отрывали армированные листы обшивки.

Бейна швыряло из стороны в сторону по всем кокпиту. Пока судно металось меж деревьев, его единственного пассажира крутило, вертело и било обо что ни попадя. Даже Сила не могла целиком и полностью защитить его от разрушительного падения, когда корабль, пропахав километровую грядку теперь уже выжженной и выломанной кущи, плюхнулся в мягкую и грязную болотную жижу.

Несколько секунд Бейн не мог пошевелиться. Корабль превратился в дымящуюся грудку металла, но пассажир его чудом спасся, благодаря окутавшей его энергии темной стороны. Хотя сухим из воды он все же не вышел. Тело сплошь покрывали болезненные ушибы и кровоподтеки, лицо и руки были изрезаны осколками разбитого стекла, пробившего защитный кокон; глубокая пятисантиметровая рана на правом бицепсе сильно кровоточила. Левое плечо вышло из сустава, при падении сломались два ребра, но ни одно из них не проткнуло легкие. Правое колено начало распухать, но, похоже, обошлось без повреждений хрящей и связок. А во рту Бейн ощущал вкус крови, сочащейся из двух щербин, где еще недавно были зубы. К счастью, ни одна из ран не была смертельной.

Бейн медленно поднялся на ноги, стараясь не спровоцировать боль в поврежденном колене. То, что осталось от «Валцина», теперь лежало на боку, отчего все в кокпите повернулось под непривычным углом. Осторожно передвигая ногами, Бейн побрел к шлюзу аварийного выхода; его левая рука бесполезно свисала. Учитывая позицию корабля, аварийный выход был теперь сверху, смотрел в небо.

Как бы он ни был силен, Бейн понимал, что не сможет выбраться наружу только с одной здоровой рукой. Дждедай, возможно, использовал бы Силу, чтобы исцелить свои раны, но Бейн исповедовал темную сторону. Даже если вся его Сила не ушла целиком на то, чтобы пережить аварию, лечить ранения ситы все равно не могли. Правда, в прошлом Бейн служил солдатом, благодаря чему знал основы военно-полевой медицины.

«Валцин» был укомплектован экстренным медпакетом, закрепленным под сиденьем пилота. Внутри него лекарственные стимуляторы, которые можно использовать для обработки самых тяжелых ран. Единственное «но»: когда Бейн вернулся назад и заглянул под кресло, аптечки там не оказалось.

Решив, что медпак, вероятно, вытряхнуло из креплений при падении корабля, Бейн перерыл весь кокпит пока не нашел его. Снаружи аптечка покрылась царапинами и немного помялась, но в остальном казалась неповрежденной. С одной здоровой рукой, Бейну потребовалось целых три попытки, чтобы отпереть замок. Когда аптечка поддалась, он с облегчением увидел, что несколько стимуляторов смогли пережить аварию.

Бейн вскрыл стим и впрыснул его содержимое себе в бедро. Через несколько секунд после укола он ощутил, как собственные защитные механизмы его тела заработали с удвоенной силой. Идущая из порезов кровь начала свертываться. И, что еще важнее, укол помог приглушить боль в опухшем колене и сломанных ребрах, позволив Бейну передвигаться и дышать свободнее.

Вывихнутое плечо, однако, требовало более грубого подхода. Схватив правой рукой запястье поврежденной левой и стиснув зубы в предвкушении предстоящей волны боли, Бейн дернул что есть сил, надеясь, что плечо встанет на место. Во многом благодаря его габаритам и силе, полевые медики не раз и не два просили его вправить вывихнутые конечности товарищей-солдат. Процедура была предельно проста, но для успеха требовала немалого напряжения, и Бейн вскоре обнаружил, что попросту не способен приложить достаточную силу, чтобы вправить руку самостоятельно.

Пыхтя и обливаясь потом, сит понял, что настало время для крайних мер. Присев на пол, он подтянул к себе ноги, надежно зафиксировав запястье вывихнутой руки промеж щиколоток. Глубоко вдохнув, он толчком распрямил ноги, одновременно откинувшись назад.

Бейн вскрикнул: плечо с хорошо различимым хрустом вернулось в суставную полость. Внезапный взрыв боли едва не свел его с ума; потребовалось призвать на помощь каждую оставшуюся частицу силы, чтобы не потерять сознание. Когда боль прошла, Бейн, поблестав, опустился на спину, мелко подрагивая после тяжелого испытания. Спустя несколько секунд его усилия были вознаграждены: пальцы левой руки защипало от быстро восстанавливающейся чувствительности.

Еще через несколько минут и после очередной инъекции, Бейн смог использовать обе руки, чтобы подтянуться к спасательному шлюзу, выбраться наружу и спуститься по борту покореженного «Валцина». Он победно ступил на поверхность Дксана, потрепанный, но не поверженный.

И, конечно, не удивился, увидев рядом призрак Кордиса.

– Ты в ловушке, Бейн, – усмехнулся фантом. – Твой корабль разбит, его не починишь. Другого ты здесь не найдешь – на Дксане нет разумных и цивилизованных существ. Спасателей тебе не видать. Никто не знает, что ты здесь. Даже твоя ученица.

Бейн не стал отвечать, а лишь в последний раз проверил снаряжение. Он забрал с корабля все самое необходимое, поместив в ранец за спиной. Внутри лежали пищевые пайки, светостержни, несколько мед-стимуляторов, и простецкий охотничий нож, который, в итоге, Бейн затолкал в сапог. Ранец и все его содержимое, плюс светомеч на поясе, было тем немногим, что удалось спасти из груды корабельных обломков.

– Джунгли Дксана полны опасных хищников, – продолжал призрак. – Они будут преследовать тебя днем и ночью, и когда ты потеряешь бдительность, они нападут. А если переживешь ужасы джунглей, то как улетишь с луны?

– Выхода нет, – усмехнулся призрачный Кордис. – Здесь ты и умрешь, Бейн.

– Я Дарт Бейн, – сказал великан, мрачно улыбнувшись. – И я еще жив. В отличие от тебя.

Похоже, слова принесли удовлетворение той части его подсознания, что породила видение, потому как Кордис внезапно исчез.

Теперь, когда ничто не отвлекало его от более важных дел, Бейн смог детально изучить местность. Лесной полог высоко над головой заслонял собой большую часть света; сейчас был только полдень, но Бейну казалось, что вокруг уже сумерки. Хотя, для продвижения вперед, глаза ему были не нужны.

Прибегнув к Силе, Бейн осмотрелся внимательнее. Он стоял в самой гуще леса; в каждую сторону на сотни километров тянулись деревья. А когда он обследовал окружающую кущу на предмет признаков жизни, то понял, что видение было право в одном: леса Дксана кишели сонмом смертоносных и прожорливых тварей. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем один из обитателей джунглей решит выяснить, каково место чужака в здешней пищевой цепочке?

Но он и не помышлял о страхе. Древние ситы собирались на Дксане задолго до того, как здесь была сокрыта гробница Надда. Джедаи заклеили луну источником зла, но Бейн знал – это мир, полный темной стороны. Здесь он чувствовал себя сильным, бодрым... но старался не забывать: создания, рыскающие по дикой местности, тоже чувствуют Силу.

И вдруг ментальный взор Бейна наткнулся на то, что он искал. Во многих километрах вдаль он ощутил сосредоточение силы. Источник энергии Тьмы, что пронизывала лес, излучая мощь словно маяк, подающий приводной сигнал.

Это была, без сомнения, гробница Надда, и теперь Дарт Бейн ощущал ее зов. Оставив позади обломки «Валцина», Бейн отправился к источнику энергии. Он шел напрямик, выбирая самый краткий маршрут к цели и используя светомеч, чтобы прорубать дорогу в густом подлеске.

Частично следя за тем, чтобы не сойти с пути к гробнице Надда, остальное внимание Бейн уделил окружающему пространству. Как и в большинстве лесных экосистем, создания, обитавшие на Дксане, были мастерами маскировки. Некоторые из них довольно хорошо умели скрываться: они сливались не только с деревьями и ветвями, но и с вездесущим гулом темной стороны, которая неизменно витала над лесом.

Даже будучи настороже, Бейн едва не пропустил момент атаки. Огромное существо из рода кошачьих явилось откуда-то сверху, обнаружив себя еле слышным свистом передней лапы, расклевывая воздух в том самом месте, где секунду назад было горло добычи.

Бейн ощутил приближение зверя в последний краткий миг, и, благодаря Силе, предсказавшей угрозу, сумел увернуться от смертоносных когтей. И, тем не менее, массивное тело зверя с размаху наскочило на сита, заставив того кубарем отлететь назад.

И лишь странная неудача, смутившая на миг атаковавшую тварь, позволила темному повелителю остаться в живых. Замешательство хищника дало Бейну ровно столько времени, чтобы откатиться на безопасное расстояние и встать в боевую стойку.

Теперь, когда хищника не скрывали джунгли Дксана, Бейн смог по-хорошему рассмотреть едва не убившую его тварь. Та изучала сита горящими зелеными глазами, одинаковыми для представителей рода кошачьих, чего нельзя было сказать о «мехе», представлявшем собой серый металлический покров из крохотных бронзовых пластинок, поблескивающих при движении мускулов. В холке зверь достигал почти полутора метров и весил никак не меньше трехсот килограмм. Не шли из головы и две пары поджарых, мускулистых лап, оканчивающихся острыми, как лезвия, втяжными когтями.

Но внимание Бейна привлекло другое: извивающийся раздвоенный хвост, каждый из концов которого венчал шип, сочащийся люминесцентным зеленым ядом.

Бейн медленно попятился назад, пока спина не уперлась в сучковатый ствол высокого дерева. Безымянное чудовище продолжило наступление, затем, с низким рыком, от которого по коже у сита прокатились мурашки, вновь сигануло в воздух, яростно вращая хвостом. Бейн увернулся в сторону, стараясь разобраться в тактике зверя до того, как вступать с ним в бой. Он успел разглядеть, как когти на передних лапах твари рассекли внезапно опустевшее пространство, а двойной хвост взметнулся за серой спиной, пронзая то место, где Бейн стоял лишь секунду назад. Шипы вклинились в дерево, служившее Бейну опорой, с такой силой, что в щепу раскололи ствол, попутно впрыснув в древесину яд и оставив после себя две

дымящиеся черные отметины.

Создание приземлилось одновременно на все четыре лапы и резко развернулось, чтобы наскочить на Бейна, прежде чем тот улучит возможность зайти с фланга. Атака вновь началась с неспешного наступления. Однако на сей раз, когда тварь подпрыгнула, Бейн был готов.

Действиями существа руководили инстинкты: созданию не доставало мозгов, а потому приходилось полагаться на силу и скорость для расправы с врагом. Методы нападения зверя складывались не одно поколение, прежде чем стали его второй натурой, и тот определенно применит ту же последовательность действий при вторичном заходе на жертву.

Тварь подскочила в воздух, выставив впереди себя когтистые лапы, как Бейн и ожидал. Что сделало бы большинство существ, выпави им на долю стать добычей переросшей кошки? Разумеется, они увернулись бы от смертоносных когтей, отступив назад. Однако это могло лишь спровоцировать хищника ударить по жертве смертоносным хвостом. Бейн поднырнул под когтистые лапы и встретил атаку твари с высоко поднятым над головой мечом.

Лезвие вспороло хищнику брюхо, шинкуя плоть и разрезая кость. Бейн провернул клинок, вскрывающий существо от головы до пят, направив его чуть по диагонали, чтобы тот прошелся по большинству жизненно-важных органов. Атака была нехитрой, быстрой и смертельной.

Хищник, перелетев по инерции над Бейном, рухнул на землю за спиной сита. Глубокая рана на теле твари протянулась от середины груди до двойного хвоста, продолжавшего биться о землю. Тело дрогнуло в последний раз, хвост обмяк, а горящие огнем глаза затянула молочно-белая пленка.

Сердце Бейна яростно колотилось после жаркого боя. Он отступил от трупа поверженного врага, еще чувствуя бурлящий в крови адреналин.

Разразившись победным хохотом, он вскинул голову и прокричал:

– И это все, на что ты способен, Кордис? Это лучшее, что ты смог?

Он огляделся по сторонам, отчасти надеясь застать призрак бывшего учителя. Но на сей раз его встречал не Кордис.

– Снова ты, – пробурчал Бейн образу Каана. – Чего тебе?

Каан, как и обычно, не проронил ни слова. Призрак его развернулся и зашагал в лесные дебри, без особого труда проходя сквозь ветви и подлесок. У Бейна ушла секунда на то, чтобы понять: Каан шел к гробнице Надда.

– Твоя взяла, – бросил он, светомечом прорубая путь вслед за Кааном.

Иллюзорный проводник пребывал с ним на всем протяжении пути, оставаясь на достаточном расстоянии от Бейна, чтобы тот мог поспеть. Почти четыре часа Бейн упорно продирался через джунгли, пока не добрался до прогалины в лесу, где не росла ни одна травинка. В самом ее центре, вытянувшись к небу на целых двадцать метров, высилась пирамида из гладкого, серого металла.

Бейн остановился возле кромки джунглей. Земля за лесом состояла сплошь из грязи да глины; ни один живой организм не мог выжить в тени склепа Надда. Даже растения и деревья, огибавшие поляну, зачахли и обезобразились под тлетворным влиянием темной энергии, которая, даже после смерти мастера-сита, цеплялась за его останки. Да и сама гробница смущала очертаниями; стены пирамиды располагались под странными и крутыми углами, словно сама структура склепа за прошедшие века исказилась и поменяла форму.

Внутрь здания вел лишь один вход – дверь, некогда намертво запечатанная, но раскуроченная столетия назад кем-то, кто искал место последнего упокоения Надда. Призрачный образ Каана застыл около входа, прежде чем скрыться внутри, предварительно поманив за собою Бейна.

Темный повелитель пошел на зов, – медленно, наострив чувства и готовый ко всем возможным ловушкам, что все еще могли поджидать неосторожных ищущих. Ему вспомнились древние гробницы в Долине ситов на Коррибане. Как раз перед тем, как

покинуть Академию, он рискнул ступить в те темные и опасные склепы в поисках высшего знания. Из прочитанных книг он знал, что духи ситов появляются в своих усыпальницах, чтобы разделить секреты темной стороны с алчущими их учениками. Но на Коррибане Бейн нашел лишь пыль и кости.

Он скинул с плеч рюкзак, чтобы тот не стеснял движений. Вынув из него полдюжины светостержней, он затолкал их за пояс, оставив рюкзак на земле, рядом с входом в гробницу.

Потолок внутри пирамиды был слишком низок, и Бейну пришлось пригнуться. Он зажег светостержень и обнаружил, что стоит в небольшой предкамере, в трех разных направлениях из которой расходятся коридоры. Выбрав тот, что слева, Бейн взялся за поиски. Он обыскивал пирамиду помещение за помещением, не находя ничего ценного. Несколько камер оставили свидетельства того, что там уже побывали, и на ум Бейну пришли упоминания об Экзаре Куне, темном джедае из давно забытых времен, которому причисляли обнаружение могилы Надда. Согласно легенде, Кун вышел из гробницы с такой силой в руках, что ему и не снилась. И все же, пока Бейн продолжал бесплодные поиски, его понемногу начинали одолевать сомнения. Неужели этот склеп – как те, что он обшаривал на Коррибане – пустая, ни на что не годная могила?

Разочарование его росло, а он все продолжал искать, извилистыми путями минув многочисленные коридоры, пока не набрел на невзрачную на вид камеру, похороненную под толщей склепа. Тут его ждали Каан и Кордис.

Они стояли в метре друг от друга, по обе стороны от маленького входа, вырезанного в стене. Отверстие, ведущее в камеру, достигало метра в высоту, и было заслонено плотно подогнанным блоком из черного камня, что вселяло в Бейна надежду. Кажется, камень остался нетронут теми, кто был здесь прежде. Вполне возможно, что никто еще не наткнулся на помещение, сокрытое в самом конце извивающегося лабиринта коридоров. Или кто-то все же нашел его, но не смог сдвинуть каменную плиту. Возможно также, что маленький вход был некогда мастерски скрыт древней ситской магией, и чары, прятавшие его, за многие века рассеялись, только сейчас явив тайник.

Окинув беглым взглядом однообразные письма по обе стороны от входа, Бейн присел на корточки, чтобы изучить блок. Поверхность его была гладкой и выступала из дверного проема всего на несколько сантиметров. Подцепить вряд ли удастся. Разумеется, другого способа сдвинуть его нет и в помине.

Собрав в кулак всю свою волю, Бейн обратился к Силе и попытался подтянуть плиту к себе. Та едва шевельнулась. Камень был тяжелым, но на месте его держала не только масса. Что-то еще противостояло силе Бейна, противилось ей. Сит глубоко вдохнул и покрутил головой, разминая шею и готовясь к очередной попытке.

Теперь уже он прибег к более действенным методам, окунувшись в поток энергии, что бурлил в самой глубине его естества. Он обратился к прошлому, возвращая к жизни воспоминания, запятанные глубоко в подсознании: воспоминания о Харсте – его отце – и о тех жутких побоях, о той ненависти, которую он испытывал к человеку, что его растил. И сделав это, он ощутил прилив свежих сил.

Как обычно, все началось с одной лишь искры. Искра моментально разгорелась в пламя, а пламя разожгло пылающий ад. Тело Бейна затряслось от напряжения в попытке сдерживать нарастающую силу, пока та достигала точки накала. Он заставил себя терпеть невыносимый жар столько, сколько смог, затем выбросил перед собой плотно сжатый кулак, направляя все, что сидело внутри него, в камень, вставший на пути его судьбы.

Тяжелый блок пролетел по камере и с громким грохотом ударился о заднюю стену. В той мигот образовался длинный вертикальный разлом, хотя плита из черного камня осталась неповрежденной. Бейн упал на колени, сбив дыхание от приложенных усилий. Встряхнув головой, он подполз к открывшемуся входу и заглянул внутрь.

В камере было темно, и он вытащил из-за пояса светостержень, перебросив его через порог. Тот приземлился на пол, осветив помещение. Судя по тому, что Бейн сумел разглядеть, камера имела округлую форму и потолок, в высоту достигавший около пяти

метров. В самом центре помещения стоял каменный пьедестал. На вершине его лежала маленькая хрустальная пирамидка, в которой Бейн сразу узнал голокрон ситов.

Древние мастера темной стороны использовали голокроны для хранения всей мудрости, знаний и тайн. Голокрон мог содержать давно забытые ритуалы для высвобождения разрушительной мощи Силы, или ключи к раскрытию магических способностей древних ситских колдунов, а то и аватара, что имитировал личность создателя голокрона. Информация внутри хрустальной пирамидки была столь ценна, что многие века голокроны были единственной ценностью, передаваемой по наследству от великих повелителей ситов к будущим поколениям.

К несчастью, искусство создания ситских голокронов было утрачено несколько тысячелетий назад. И все прошедшие с того времени годы джедаи колесили по Галактике в поисках известных голокронов ситов, пряча их в своем Архиве на Корусанте, дабы никто не обратился к их запретным учениям. Обнаружить голокрон, внутри которого могли храниться знания самого Фридона Надда, казалось невероятной удачей. Подобное Бейн не видел даже в самых невероятных мечтах.

Согнувшись в три погибели, он с трудом протиснул широкие плечи сквозь узкий дверной проем. Не удивительно, что Каан и Кордис уже ждали внутри. Бейн смерил их взглядом и поднял глаза к высокому потолку. В свете светостержня он сумел различить движение, словно по поверхности потолка стлался ковер из живых существ.

Он замер на месте, прислушиваясь к хлюпающим звукам. Как только глаза привыкли к тусклому свету, Бейн разглядел выводок необычных созданий, цепляющихся к потолку. Те были почти плоскими и по форме напоминали овал – круглая раковина, заостренная с обоих концов. Существа разнились по размерам: от маленьких, немногим больше кулака, до широких, размером с обеденную тарелку. В цветовой гамме также преобладало разнообразие: цвета варьировались от бронзового до красновато-золотого. Создания хлюпали, волоочась по потолку, заползая один на другого и оставляя за собой следы блестящей слизи.

Пока Бейн изучал существ, одно из них отлепилось от потолка и упало к нему. Бейн презрительно отбил незваного гостя рукой, заставив прочную раковину прыгать по полу.

Секундой позже отделилось и рухнуло вниз еще одно существо. Бейн зажег светомеч и ударил по мерзкой твари. Удар отбросил создание, раскрутив его и послав в дальний угол камеры. Бейн удивленно распахнул глаза: меч должен был разделить раковину на две половинки. Но оружие не оставило и царапины на ее плотной, блестящей поверхности.

Внезапно осознав, что ему грозит большая опасность, Бейн быстро подскочил к голокрону. Едва рука его сомкнулась на пирамидке, как выводок тварей всей массой отделился от потолка и обрушился на сита хитиновым дождем. Одной рукой сжимая голокрон, другой он орудовал светомечом, сбрасывая существ и одновременно защищаясь от них с помощью Силы. Но тварей было слишком много, чтобы держать всех на расстоянии; все равно, что в ливень закрываться от капель дождя.

Одно из существ вцепилось Бейну в плечо и осталось там, в одно мгновение разжев доспех и одежду кислотной секрецией и намертво пристав к коже. Вслед за жгучей болью от опалившей кожу кислоты, Бейн ощутил, как тысяча крохотных зубов вгрызлась в толщу плоти на спине.

Он вскрикнул и налетел спиной на стену, надеясь сбросить создание, но то держалось крепко. Пока Бейн отчаянно пытался снять одного паразита, второй вцепился прямо в грудь. Он снова вскрикнул, когда жгучая кислота и крохотные зубки прошли сквозь одежду, кожу и плотные грудные мышцы, закрепившись на груди.

Бейн согнулся под напором боли, но все же сумел ударить Силой. Всех прочих существ отшвырнуло, словно листья, подхваченные ураганным ветром; с треском и грохотом те ударились о стены камеры. Мимолетная передышка позволила Бейну упасть на колени и протиснуться сквозь тесный проход в узкий коридор, из которого он пришел.

Игнорируя сильнейшую боль, причиняемую парой созданий, по-прежнему сидящих на

нем, Бейн призвал Силу и поднял каменный блок с дальнего конца помещения. Способности его немало увеличила боль и упрямство, и плита, на сей раз поддавшаяся легко, пролетела по камере и заслонила вход прежде, чем еще хотя бы одно создание смогло пробраться наружу.

Несколько секунд Бейн лежал неподвижно, часто и тяжело дыша, сжимая в руке голокрон и пытаясь игнорировать боль, причиняемую двумя паразитами. Он слышал звуки выводка по другую сторону стены; хлюпанье цепких ротовых отверстий перемежалось с резким клацаньем панцирей, которые аккомпанировали возвращавшимся на насиженные места тварям.

Бейну почудился и другой звук: отвратительный, глумливый хохот Кордиса и Каана, эхом отдававшийся от стен гробницы Фридона Надда.

Глава 8

– Канцлер Валорум готов принять вас, – сообщила помощница-тви’лека, подняв взгляд от стола.

Увидев, что Фарфелла встает, Джоан последовал его примеру, неуклюже поправив непривычное церемониальное облачение, на котором для этой встречи настоял новый учитель. Джоан возразил было, что его гардероб не имеет общего с тем, кто он есть и зачем они прилетели, но Фарфелла только ответил: «На Корусанте внешний вид имеет значение».

Джоан никогда прежде не был на Корусанте – или, раз уж на то пошло, ни в одном из Миров Ядра. Он родился и вырос на Сермерии, земледельческой планете в Регионе Экспансии, что находился меж Внешнего и Среднего колец Галактики. Его семья трудилась на ферме в нескольких километрах от Аддолиса: мелкой сошки в огромном сермерианском агропромышленном комплексе, в изобилии растившей овощи и продававшей их более развитым мирам, которым недоставало пахотных земель для пропитания своего народа.

Он покинул Сермерию в десятилетнем возрасте, чтобы обучаться джедайским навыкам. Все следующие десять лет он сопровождал генерала Хота на доброй дюжине планет, однако, бывший учитель предпочитал оставаться во Внешнем Кольце, вдалеке от политиков и урбанизированного общества республиканской столицы. Планеты, что они посещали, чаще всего оказывались слаборазвитыми сельскохозяйственными мирками, мало чем отличавшимися от Сермерии. Как результат, Джоан никогда в жизни не видел ничего, хотя бы отдаленно похожего на планетарный мегаполис, каковым являлся Галактический Город.

Еще при полете к планете, Фарфелла попытался показать ему наиболее важные здания, такие как сенатская Большая Ротонда и Храм джедаев. Но в провинциальном взгляде Джоана вся картина сливалась в один безбрежный океан пермакрита, дюрастила и пестрых, сверкающих огней.

После посадки они спустились по трапу и сели в аэроспидер, который помчал их на предстоящую встречу с канцлером Валорумом. Джоан просто сидел и глазел на проносящуюся за окном грандиозную панораму, пока их спидер огибал небоскребы, столь высокие, что под ними пропадала даже земля. Время от времени они ныряли вниз или поднимались вверх, то лицезря, то теряя из виду пешеходные дорожки, парящие билборды и прочий транспорт.

Ближе к концу пути, Джоаново и так уже помутившееся восприятие подчистую вывели из равновесия нескончаемые потоки трафика и неподдающееся уму количество народа, непонятно почему решившего жить и работать на Корусанте. В общем и целом, его впечатление от поездки свелось к ярким воспоминаниям о тошнотворно-размытой полосе движения на фоне оглушительной какофонии звуков... что, пожалуй, было перебором для простого сельского паренька.

Фарфелла же, с другой стороны, чувствовал себя как рыба в воде. Джоан заметил, что новый наставник вернулся к жизни в тот самый момент, как корабль коснулся платформы; Фарфелла, казалось, обрел связь с неведомым источником энергии, что питал огромный мегаполис. Местный безумный ритм и голосащие толпы оживили обычно хмурого

Валентайна; городская суэта не оставила на нем и следа утомления, вызванного длительной военной кампанией на мрачном пограничном мирке. Фарфелла даже выглядел по-другому; принимая во внимание пестрый, космополитичный пейзаж столицы, наряды мастера, казавшиеся столь показными и кричащими на Руусане, теперь могли считаться едва ли не верхом высокой моды.

Даже в центре кулуаров власти Фарфелла вел себя легко и непринужденно. В знак признательности он грациозно кивнул помощнице канцлера, получив от девушки игривую улыбку, затем, уверенным и целеустремленным шагом, переступил порог офиса Валорума. Джоан тоже поспешил кивнуть, скованно и неуклюже, и постарался не отставать от учителя.

Офис канцлера был в меру скромнен и более функционален, чем Джоан ожидал. Стены, ковер и мебель – все было исполнено в темно-коричневой гамме, от чего обстановка в помещении приобретала строгие черты. В одной из стен зияло огромное окно; к величайшему облегчению молодого джедая, сейчас его занавешивали шторы. В центре комнаты стояли с полдюжины комфортных на вид кресел, установленных за круглым столом для совещаний; вдоль стен выстраивались в ряд мониторы, перемигиваясь последними известиями новостных программ ГолоНета.

Тарсус Валорум, восседавший за огромным столом прямо напротив двери, встал, приветствуя гостей. Канцлер был высоким мужчиной, едва справившим свое пятидесятилетие, но, не смотря на это, выглядевшим лет на десять моложе. Волосы его были темны; глаза яркие и проницательные; нос прямой, слегка заостренный; почти идеально квадратный подбородок – черты лица, которые многие бы назвали «честными и решительными». Именно эти особенности, вкупе с образцовым прошлым, отданным на служение народу, помогли Валоруму стать первым за четыре столетия канцлером не-джедаем.

До ушей Джоана доходили слухи, что сам Фарфелла был в числе главных кандидатов на пост канцлера, но отклонил предложение, чтобы примкнуть к Армии Света на Руусане. Юноша страсть как хотел узнать, одобряет ли учитель человека, выбранного вместо него.

– Мастер Валентайн, – произнес Валорум, сжимая руку Фарфеллы в крепком, отработанном приветствии. – Спасибо, что отозвались на столь лаконичное послание.

– Вы не оставили мне особого выбора, Ваше превосходительство, – заметил Валентайн.

– Прошу меня извинить, – ответил канцлер, поворачиваясь, и протягивая руку Джоану.

– А это, должно быть, ваш ученик, – произнес он, заметив длинную косичку, которая с головой выдавала юношу.

– Я – падаван Джоан Отон, Ваше превосходительство.

Рукопожатие Валорума было твердым, но не более того – отточенное, как у всех политиков. Он дважды встряхнул руку Джоана, затем отпустил ее и указал на кресла у стола для совещаний.

– Прошу вас, благородные джедаи. Устраивайтесь поудобнее.

Фарфелла занял крайнее кресло за передним краем стола. Джоан сел прямо напротив, оставив канцлеру место в голове стола, между двумя джедаями. Как только все уселись, Фарфелла, не теряя времени, завел разговор. Он чуть повернулся в кресле, чтобы лучше видеть Валорума.

– Отправленное вами послание было крайне неожиданным, Ваше превосходительство. И время не столь подходящее. Мы все еще разбираемся с последствиями детонации ментальной бомбы на Руусане.

– Я понимаю, каково вам, мастер Валентайн. Но и вы поймите меня. Новости о поражении Братства достигли ГолоНета. Народ верит, что в разрушительной войне поставлена точка. И Сенат стремится разрешить все недоразумения.

– Как и джедаи, – отозвался Фарелла. – Но ваше предложение, так называемая «Руусанская реформация», отнюдь не требует столь крайних мер.

– Именно поэтому я пригласил вас сюда, чтобы обсудить детали прежде, чем мы проголосуем, – ответил Валорум. – Я хочу помочь вам понять, какие цели преследует новый

закон.

Джоану не ведомы были детали полученного Фарфеллой послания, да и сам учитель не распространялся о нем во время путешествия на Корусант. В итоге, он с трудом мог вникнуть в суть многозначительной политиканской беседы. К счастью, Фарфелла решил не размениваться на дипломатические нюансы и выложил все, как есть, уже в следующей тираде:

– Вы хоть представляете себе последствия того, о чем просите, Тарсус? Вы предлагаете джедаям отказаться от военных званий и целиком и полностью расформировать всю нашу армию, флот, и уволить со службы пилотов-истребителей. Вы просите нас уничтожить Армию Света!

– Армия Света была создана как ответ Братству Тьмы, – парировал Валорум. – Теперь, когда Братства больше нет, она ни к чему.

Джоан не верил собственным ушам.

– Она нужна для защиты Республики! – вскинулся он, не сумев сдержать эмоций.

– Защиты от кого? – потребовал канцлер, повернув к нему голову. – Ситов больше нет.

– Ситы никогда не умрут, – мрачно пробормотал Джоан.

– В этом-то и проблема, – ответил Валорум. – Вот уже четыре столетия мы видим, как джедаи снова и снова объявляют войну пособникам темной стороны. Эта борьба не имеет конца. И с каждым конфликтом, все больше обычных жителей затягивает в смертельные сети. Невинные погибают, в то время как армии бьются за превосходство. Миры, лояльные Республике, отделяются, дробя на части некогда единую Галактику. Настало время прервать этот нескончаемый круговорот безумия.

Фарфелла поднял руку, остановив Джоана прежде, чем юноша смог сказать что-то еще. Он подождал, пока Валорум отвлечется от падавана, затем спросил:

– Тарсус, вы правда верите, что предлагаемые вами изменения на это способны?

– О да, мастер Валентайн. – В голосе канцлера сквозила уверенность. – На свете есть много хороших людей, которые боятся джедаев и того, что они умеют. Они видят в джедаях лишь разжигателей войн. Вы заверяете, что ваши действия направляемы Силой, но среди тех, кто не чувствует ее присутствия, принято полагать, что ваш Орден не держит ответ ни перед кем и ни перед чем.

– Так вы хотите, чтобы джедаи отчитывались перед вами, – со вздохом произнес Фарфелла. – Перед канцлером и Сенатом.

– Я хочу, чтобы вы отвечали перед избранной властью, представляющей интересы граждан Республики, – провозгласил Валорум. Затем добавил: – Это не попытка взять власть в свои руки. Совет джедаев по-прежнему будет руководить вашим Орденом. Но они будут делать это под надзором судебной власти Сената. Это единственная возможность залечить шрамы, оставленные войнами с ситами.

– Республика распадается, – продолжал он. – Всю последнюю сотню лет она тихо разлагалась и гнивала. Ее перерождение – единственная возможность обратить вспять процесс.

Многие меры, вносимые «Руусанской реформацией», чисто символичны, но и в символизме кроется сила. Для Республики настанет новая эра. Она встретит век процветания и мира.

Позвольте джедаям показать желание наступления мира. Отбросьте в сторону знамена войны и займите место, принадлежащее вам по праву – место советников и послов. Вместо разжигания бесконечной вражды против темной стороны, вам следует вести нас по пути к Свету.

Валорум закончил речь и выжидающе посмотрел на Фарфеллу. Джоан затаил дыхание, не зная, чего ждать от учителя: вспышки гнева или справедливого негодования. Очень хотелось посмотреть, как Валентайн со знанием дела и красноречием опровергнет аргументы канцлера. Джоан уже предвкушал пылкую защиту всего того, за что стояли и во что верили джедаи, ждал оправдания генерала Хота.

– Я поговорю с Советом джедаев и попробую убедить Орден уступить вашим требованиям, Ваше превосходительство, – сказал Фарфелла упавшим голосом.

– А я издам приказ, призванный положить начало ликвидации Армии Света в тот самый момент, как Сенат одобрит ваше предложение.

Джоан удивленно разинул рот, но был слишком ошеломлен, чтобы сказать хоть слово.

– Я премного ценю ваше содействие, мастер Валентайн, – отозвался Валорум, поднимаясь с кресла. – А теперь, если позволите, я должен созвать заседание Сената.

Кажется, сперва он намеревался проводить их до двери. Но затем, бросив мимолетный взгляд на Джоана, явно ощутил нежелание того оставлять вопрос недосказанным. Канцлер помедлил, дав юноше возможность высказаться.

Джоан, однако, сохранял упорное молчание. Валорум обменялся быстрым взглядом с Фарфеллой, после чего уважительно кивнул мастеру-джедаю.

– Вы можете уйти, когда пожелаете, – сказал канцлер, радушно кивнул обоим джедаям и оставил их наедине.

– Да как вы могли? – со злостью выпалил Джоан, перегнувшись через стол к Фарфелле.

Мастер лишь вздохнул и откинулся на спинку кресла, сплетя пальцы рук и уперев в них подбородок.

– Я знаю, тебе непросто это понять, Джоан. Но канцлер прав. Все, им сказанное – правда.

– Генерал Хот никогда бы не согласился! – огрызнулся Джоан.

– Ты прав, – признал Фарфелла. – Он никогда не понимал ценность компромисса. В этом была его слабость.

– А у вас какие слабости? – выкрикнул Джоан, стукнув кулаком по столу и так резко вскочив с кресла, что опрокинул его. – Предаете память друзей?

– Попридержи свой гнев, – мягко осек его Фарфелла.

Джоан застыл как вкопанный, ощутив, что его лицо заливается краской от стыда и смущения. Он сделал несколько глубоких, очищающих вдохов – джедайский способ успокоиться и сфокусировать разум. Взяв под контроль эмоции, падаван повернулся, поставил на место кресло и сел.

– Простите, мастер Валентайн, – сказал он, из всех сил стараясь не повышать голос. – Но мне кажется, что так мы обесчестим мастера Хота.

– Твой учитель был человеком необычайной силы и твердых убеждений, – заверил Фарфелла, подпирая руками подбородок. – Никто другой не смог бы провести нас через минувший кризис. Но Галактика жива не единым состоянием бессрочного кризиса.

– Джедаи – покорные слуги Республики, – продолжал он. – Мы стоим на ее защите во время войны, но когда война окончена, стоит отложить оружие и стать послами мира.

Юноша покачал головой.

– Я все равно не могу это принять.

– С самых первых дней твоего учебы, ты не знал ничего, кроме войны, – напомнил Фарфелла. – Тебе сложно вспомнить, что насилие применимо лишь тогда, когда все другие методы исчерпаны.

Всегда держи в уме, что джедаи ценят мудрость и просвещение превыше всего. Великая истина, которую мы ищем, не всегда обретается легко, и подчас проще найти врага, с которым можно побороться... особенно, когда велико желание мстить за павших друзей. Это одна из причин, по которым даже хорошие люди могут свернуть на темную сторону.

– Прошу прощения, мастер, – прошептал Джоан. Казалось, слова комом застряли в горле, хотя извинение было искренним.

– Ты еще падаван. Никто не ждет, что тебе присуща мудрость мастера, – утешил его Фарфелла. – Именно за этим я взял тебя с собой: чтобы ты научился.

– Я буду стараться, – поклялся Джоан.

– Это все, о чем я могу просить, – ответил мастер.

* * *

Благодаря голокрону, обнаруженному в гробнице Надда, Бейн узнал, что странные существа, прицепившиеся к его телу, зовутся орбалисками. Кроме того он понял, путем собственных проб и ошибок, что снять их уже не удастся.

Спустя несколько минут после бегства из логова орбилисков, он попытался оторвать паразита на груди охотничьим ножом, вынутым из ботинка, но все усилия оказались тщетны. Потом попробовал избавиться от твари, вырезав ее вместе с кожей. Он сделал длинный, прямой надрез вдоль груди, ощутив адскую боль, когда лезвие ножа прорезало кожу и мышцы под ней. И с удивлением увидел, что рана почти мгновенно затянулась – паразит каким-то образом заставил ткань регенерировать.

После очередной неудачной попытки Бейн прибегнул к Силе, погрузившись глубоко внутрь себя, чтобы лучше понять свое положение. Тогда он увидел, что существа питаются его энергией, жадно поглощая потоки темной стороны, текущие сквозь клетки организма. Но, даже будучи паразитами, они давали кое-что в ответ. Питаясь, орбалиски впрыскивали в тело Бейна неиссякаемый поток химикалий. Чужеродные флюиды, поглощаемые кровеносной системой, жгли, точно кислота; казалось, кипит каждая капля крови... но выгода от паразитов была слишком велика, чтобы ее игнорировать. Помимо невероятной способности к исцелению, он ощущал силу, какой не знал никогда прежде. Все чувства обострились, рефлексы ускорились. А на груди и спине, там, где к телу цеплялись два орбалиска, прочные раковины могли послужить щитками брони, способными противостоять даже прямому удару светомеча.

Его связь с существами, как он впоследствии понял, была симбиотической – но только пока он терпел неотступную жгучую боль инородных флюидов, абсорбируемых кровеносной системой и текущих по венам. Не такая уж большая цена, постановил Бейн, прежде чем взяться за голокрон. Он, скрестив ноги, сел на каменный пол предкамеры гробницы Надда, и осторожно распростер объятия темной стороны, коснувшись рукой маленькой, хрустальной пирамидки. В ответ на касание, голокрон засветился.

На все следующие четыре дня и ночи он с головой погрузился в секреты древнего артефакта. Как Бейн и подозревал, голокрон был создан Фридоном Наддом. Темный повелитель исследовал тайны голокрона с помощью «хранителя»: миниатюрной голопроекции давно почившего мастера-сита, ответственного за его создание. Хранитель надзирал за его исследованиями и руководил ими, повинаясь изначально заложенной цели: служить виртуальным наставником тому, кто будет искать утраченные секреты внутри зловещей пирамиды.

Хотя Надд и был человеком, его аватар рисовал образ мужчины, павшего жертвой «проказы», временами поражавшей тех, кто слишком глубоко погружался в воды темной стороны. Кожа его была мертвенно-бледной, плоть – сморщенной и дряблой, а на месте глаз горели два оранжевых уголька, начисто лишенных радужки и зрачков. Но, не смотря на это, в старике проглядывал грозный воин: широкоплечий, облаченный в тяжелую боевую броню и шлем, ставший также и его короной, когда Надд провозгласил себя королем соседней планеты Ондерон.

С помощью хранителя, Бейн узнал об опытах темного мастера с орбалисками, и о том, что Надду лишь частично удалось подчинить себе их способности. Он открыл для себя не только название тварей, но также все подробности их жизнедеятельности. Частично информация лишь подтверждала то, что он уже знал: единожды закрепившись на носителе, орбалиски не могли быть удалены. Но, кроме того, он понял, что паразиты не только преумножают физические способности носителя, но и дают возможность во много крат увеличить контроль над Силой.

Однако в ходе собственных исследований Надд наткнулся на опасные побочные эффекты инвазии, не ограничивающиеся постоянной болью.

В случае смерти одного из организмов, его тело пускает в кровь носителя стойкий поток токсинов, всего за несколько дней убивающих жертву. Что еще важнее, орбалиски со временем подрастут, понемногу размножаясь, пока не покроют все его тело с головы и до пят. К огромному своему облегчению, после тревожного открытия Бейн обнаружил чертежи особого шлема с защитной маской, созданного специально для того, чтобы не дать паразитам во время сна обрести его глаза, нос и рот.

Но записи об орбалисках были только началом. Фридон Надд был джедаем, перешедшим на темную сторону при попустительстве Нейги Садоу, бывшего правителя древней империи ситов. Способности Садоу были столь велики, что позволили ему прожить целых шесть столетий на одной лишь энергии темой стороны. Будучи его подмастерьем, Надд впитал все знания и уроки учителя, создав на их основе свой голокрон. После чего убил Садоу и занял его место.

Не удивительно, что большая часть информации внутри голокрона была надежно спрятана от чужих глаз, похоронена в глубинах кристаллической структуры, получить доступ к которым можно было лишь посредством времени, медитации и прилежной учебы. Пройдет много месяцев, а может и лет, прежде чем Бейн сможет раскрыть самые главные секреты. А сейчас перед ним стоят задачи поважнее.

Надежно спрятав голокрон, он вышел из склепа с намерением отыскать путь бегства с Дксана. Призраки Каана и Кордиса уже ждали снаружи.

– Ты в ловушке, – сказал Кордис, с ходу затянув избитую песнь. – Какая нужда в голокроне, если ты не можешь покинуть луну?

Бейн ушел в себя, вызывая к темной стороне, черпая ее не столько из собственных недр, сколько из орбалисков, закрепившихся на груди и спине. Ощувив неслыханную волну энергии, по размерам превосходящую все то, что ему удавалось прежде, он высвободил ее в потоке энергии.

Галлюцинации, досаждавшие его нездоровому разуму с самого взрыва ментальной бомбы, исчезли, подчистую сметенные вновь обретенной силой. Теперь Бейн был сильнее, чем когда-либо прежде, и знал, что видения мертвецов-ситов больше никогда его не потревожат.

Избавившись от мучителей, Бейн вновь подумал о том, как выбраться с Дксана. Он поднял глаза к небу и увидел над головой огромный полный диск Ондерона – планета была так близко к своей луне, что атмосферы их за минувшие столетия не раз соприкасались. Когда подобное случалось, на планету мигрировали огромные летучие твари Дксана, часть которых легендарные ондеронские кланы звериных всадников приручали и превращали в грозных гончих.

Не спуская глаз с планеты, казавшейся такой близкой, что до нее можно было дотронуться пальцем, Бейн ощутил близость Занны. Вскоре она ступит на поверхность смертельно опасного мира, и если учителя не будет рядом, девчонка вряд ли сможет сохранить свою жизнь.

Краем глаза Бейн заметил большую крылатую тварь, кружащую высоко в небесах в поисках пищи. В тот же миг хищник почувал сита. Плотно прижав к бокам широкие кожистые крылья, тварь нырнула к земле, пикируя на Бейна.

Тот окинул создание холодным, оценивающим взглядом. Благодаря голокрону он знал, что монстр зовется дрекслем, и принадлежит к множеству хищных рептилий, наводнявших небо Дксана. С виду создание походило на крылатого ящера: чешуйчатая, фиолетовая шкура; длинная, тощая шея; невероятно мускулистые тело и сильные лапы. Притупленная, непомерно большая голова твари покоилась на вытянутой, жилистой шее. Хищник сверкал в ночи крохотными, птичьими глазками; морда существа была плоской и приплюснутой, а пасть широкой и полной острых, желтых зубов. На глаз Бейна, в длину дрексл доходил до десяти метров и достигал в размахе крыльев почти все двадцать – взрослый самец достаточно больших размеров, чтобы послужить его нуждам.

За мгновение до того, как дрексл метнулся вниз, собираясь подцепить добычу острыми,

как бритвы когтями, Бейн призвал Силу и коснулся разума зверя, пытаясь подчинить себе его грубое сознание. Он уже делал это прежде, с ранкором на гибнущей планете под названием Леон. Но разум дрексла оказался гораздо сильнее, чем Бейн ожидал, и тварь, с чудовищным криком вырвавшись из мысленной хватки, набросилась на сита.

Одна из лап дрексла подалась вперед, пытаясь проткнуть Бейна огромными когтями, но без вреда отскочила от неуязвимой орбалисковой раковины на груди сита. Не попавшись на острый коготь, Бейн отлетел назад, повинувшись инерции захода хищника. Он ударился о землю, пару раз перекатился, и вновь вскочил на ноги, не получив и царапины благодаря вновь обретенной физической силе. Увидев, что дрексл снова взмывает к небу, готовясь к новому заходу на добычу, Бейн еще раз попробовал коснуться разума твари, войдя в его сознание с силой отбойного молотка, каким долбил тоннели на Апатросе.

Тело дрексла содрогнулось под напором ментальной атаки, и хищник издал пронзительный, протестующий крик, взорвавший тишину небес и отразившийся от крон деревьев. На сей раз, однако, Бейн преуспел.

Сделав пару кругов, дрексл сел на землю у ног сита. Подчиняясь беззвучному приказу нового повелителя, он пригнулся и позволил Бейну взобраться на его спину. Через мгновение хищник расправил крылья и взмыл в воздух, поднимаясь все выше и выше.

Бейн подгонял зверя, направляя его в верхние слои пригодной для дыхания атмосферы. Висевшая над головой планета Ондерон продолжала расти в размерах до тех пор, пока не заполнила собой все вокруг. Всего несколько сотен километров отделили Дксан от его соседа – ничтожно-малое расстояние в масштабе планет и солнечных систем. Бейн уже чувствовал слабое притяжение Ондерона, пытавшегося заключить их в свои объятия – масса большей планеты боролась за доминирование с малым спутником. Ведомый несокрушимой волей Бейна, дрексл яростно работал крыльями, с каждым махом все больше набирая скорость и высоту.

Бейн стал собирать Силу, накапливая ее до самого последнего момента. Затем, собрав темную сторону вокруг себя и зверя подобием защитного пузыря, он подтолкнул дрексла вперед, и секундой спустя они вырвались из атмосферы Дксана и погрузились в холодный вакуум космоса, отделявший Бейна от Ондерона и полной свободы.

Глава 9

Писк автопилота «Звездного следа», обновившего данные, вырвал Занну из объятий беспокойной дремы. Она свернулась калачиком на пилотском сидении, и ее шея онемела от сна в неудобной позе. В трюме, что находился позади кокпита, было достаточно места, чтобы с комфортом прилечь и вытянуть ноги, но там Занна спать не могла. Только не в компании трупов.

Венда и Иртанну она вытащила из кокпита спустя всего пару минут после их смерти. Венда оказалось не так-то просто стянуть с сиденья, но адреналин, еще бурлящий в крови после перепалки с Иртанной, позволил Занне протащить тело вниз по коридору и уложить в трюме, где уже покоились отец и брат паренька.

Перенести Иртанну было гораздо труднее. По телосложению та не уступала солдату, была худой и мускулистой, и весила едва ли ни вдвое больше Занны. Сперва девочке не удавалось даже сдвинуть с места тело пилота. Когда она догадалась применить Силу, момент был уже упущен. Накал страстей спал, и Занна обнаружила, что призвать темную сторону не так-то просто; каждый раз, пытаясь воззвать к внутреннему гневу, она ощущала сопротивление собственного сознания. И вместо знакомого жара энергии приходили лишь вина и сомнения. Образы Бордона и его сыновей, бок о бок лежащих на полу грузового отсека, затуманивали ход ее мыслей, ни на миг не давая сосредоточиться.

Занна пыталась отгородиться от образов и позволить войти в себя темной стороне, но лишь отчасти добилась успеха. В итоге, пришлось все же положиться на собственные руки. Пыхтя от усилий, она сумела оттащить Иртанну на полметра, после чего остановилась и

перевела дыхание. Она делала это снова и снова, мало-помалу проталкивая тело вдоль по корабельному коридору, пока не уложила девушку вместе с остальными.

Крови почти не было; не считая дыры в животе у Бордона, все прочие раны прижгло жаром бластерных выстрелов. Отсутствие крови, правда, ничуть не умаляло жуткий вид трупов. Смотрящие в пустоту безжизненные глаза мертвецов заставили Занну наклониться и прикрыть им веки; рука ее вздрагивала от прикосновения к холодной и влажной коже. По-прежнему недовольная видом тел, она принялась обшаривать трюм, и, найдя пару широких покрывал, набросила их поверх трупов. Но даже под покрывалами, очертания жертв Занны все еще можно было разобрать невооруженным глазом, и ничего поделать с этим она уже не могла. После, девочка заходила в трюм лишь один раз, набрав охапку пищевых пайков, и унеся их в кокпит, при этом стараясь не смотреть на прикрытые трупы.

Следующие семь дней она молила об окончании путешествия и в тоже время страшно боялась как встречи с учителем, так и начала обучения на сита. Из кокпита Занна выходила только затем, чтобы воспользоваться корабельным галюном. Как она ни старалась отдохнуть, но выкроить немногим больше толики беспокойных сновидений, полных кошмаров, в которых она снова и снова переживала убийства, не представлялось возможным.

Каждый раз, просыпаясь, Занна вскрывала пищевой паек и набрасывалась на еду; ее тело мало-помалу восполняло все то, что она потеряла за много недель на Руусане. Но пайки были рассчитаны на взрослого, и девочка никогда не съедала их целиком. Поев, она просто выбрасывала начатую порцию вместе с упаковкой в коридор, поближе к трюму. Через несколько дней запах дюжины вскрытых пайков перешел в тошнотворно-приторную вонь, тонкой завесой витавшей в воздухе. Сказать по правде, Занна даже радовалась пресыщенному духу протухшей еды; он перебивал жуткую вонь разлагавшихся на корме тел.

Борясь со скукой, Занна пыталась представить свое будущее в качестве ученицы Бейна. Она вспоминала все, что он обещал: способность призывать Силу и командовать ею при помощи мысли; таинственные секреты темной стороны; возможность раскрыть свой потенциал и воплотить судьбу. Но мысли, все же, продолжали возвращаться к мертвому экипажу «Звездного следа». И каждый раз при этом она задавалась вопросом: что бы о такой слабости подумал учитель?

Автопилот снова пискнул. Занна бросила взгляд на показания экрана: «Вход корабля в атмосферу через пять минут». Ей предлагали ввести координаты посадки.

Занна выпрямилась на пилотском сидении, и, наморщив лоб, принялась изучать дисплей. Она надеялась, что автоматика, доставившая судно с Руусана на Ондерон, запрограммирована и на посадку. Но, как ни печально, ей придется все сделать самой... и она не имела ни малейшего понятия, как благополучно посадить корабль.

Занна нажала кнопку на дисплее, озаглавленную «Посадочные зоны». На экран мигом вылез длинный список неизвестных ей локаций и координат. Она не имела представления, что означают ряды цифр, и уж тем более – как выбрать из них какую-то одну.

Глядя на показания – корабль тем временем входил в атмосферу – Занна ощутила знакомый турбулентный толчок. Попав в ловушку между отчаянием и паникой, девочка протянула руку и принялась тыкать кнопки наугад. Остановилась она лишь тогда, когда автопилот дважды пропищал: «Координаты приняты».

С облегчением вздохнув, Занна откинулась на спинку сиденья и пристегнулась, готовясь к посадке. Она попыталась было выглянуть за приборную панель в передний иллюминатор кокпита, но из-за маленького роста увидела немного. Разглядеть удалось лишь многие километры густой, зеленой листвы, тянувшейся во всех направлениях. По-видимому, выбранное место посадки находилось в не слишком цивилизованной части планеты.

Внезапно ее осенила отрезвляюще-ясная мысль. *А знает ли вообще автопилот, как сесть в центре леса? Или он размажет меня о деревья?*

Словно читая мысли девочки, автопилот сердито пискнул. Занна прочитала текст на экране: «Выбранная посадочная зона не соответствует требуемым параметрам. Идет поиск

ближайшего доступного альтернативного участка».

Она ощутила, как корабль слегка накренился, развернулся и полетел прочесывать лес в поисках достаточно большой для посадки поляны.

«Альтернативная посадочная зона найдена», через пару мгновений известил Занну экран, и девочка почувствовала, как кренится нос корабля, начинающего последний заход на снижение.

До ее ушей донеслись громкие удары и тяжелая, раскатистая дробь ветвей, бьющих о днище «Звездного следа», который рассекал тонкий слой растительности на пути к посадке. Секундой позже корабль круто завалился на бок, обходя стороной толстые стволы деревьев. После череды сильных, глухих ударов корабль заскользил по земле, подсакивая на ухабах, и, наконец, остановился.

Отделавшись лишь парой синяков, Занна расстегнула ремни безопасности и отворила входной шлюз. Она спустилась по выкидному трапу и обнаружила, что стоит на краю широкой прогалины, специально вырубленной в лесу, и образовывавшей круг почти двести метров в диаметре. К огромному ее удивлению, в центре круга кто-то стоял, помахивая ей рукой.

– Кто б твой кораблик не вел, он в Галактике самый паршивый пилот, – сказал незнакомый мужчина, оглядев Занну с головы до пят, когда та подошла к нему и остановилась в нескольких метрах.

На вид мужчине было под тридцать, сказать точнее было сложно из-за его худобы и потрепанности. Его длинные, медные волосы и рыжая борода, торчавшая на угрюмом лице, спутались, образовав колтуны. Одет незнакомец был в широкие штаны и рваную рубашу, некогда, возможно, белую, но давно потерявшую цвет под слоем грязи и прочих сомнительных пятен. Поверх рубашки парень носил короткий кожаный жилет, затертый с боков, а на ноги нацепил тяжелые стоптанные сапоги. Помимо прочего, от незнакомца тянуло душком.

– Че такое, малая? – спросил он. – Ты че, в Основном не шаришь? Я грю, кто б твой кораблик не вел, он самый паршивый из тех пилотов, че я видал.

– Его никто не вел, – осторожно ответила Занна, бросив быстрый взгляд на корабль, стоявший в добрых тридцати метрах за ее спиной. – Он на автопилоте.

– Ну тада все ясно, – кивнув, сообщил незнакомец. – С теми автоматами тока на пермакритовое шоссе и иди. Тута и банты дерьма не стоят.

Мужчина шагнул к ней, и Занна непроизвольно отступила. Как-то подозрительно было обнаружить человека, поджидавшего ее в самом центре поляны посреди густого леса. Но ее ничуть не беспокоила странность самой ситуации. Мысли ее носились в беспорядочном хороводе, пытаясь найти способ не дать парню обнаружить тела в трюме «Звездного следа».

– Нахрена тебе тут автопилоты, малая? У тя че, пилота нету на том корабле?

Занна покачала головой.

– Нет. Внутри пусто. Я одна.

– Одна ты? – переспросил парень, вздернув бровь. – Че, правда что ль?

– Я украла корабль, – вызывающе ответила Занна. Может, если удастся убедить его, что она единственный пассажир, он не пойдет внутрь и не наткнется на трупы.

Парень зашелся хриплым смехом.

– Украла, гришь? – затем, чуть громче он прикрикнул: – Походу, у нас тута воришка завелся!

С дюжину других мужчин и женщин выступили из густой тени деревьев по краям широкой поляны, где приземлился «Звездный след». Все люди, и большинство из них, кажется, по возрасту не уступают рыжему, с которым говорила Занна. Как и вожак, остальные щеголяли пестрой палитрой грязной, драной одежды. Несколько вновь прибывших появились из-за спины рыжего, но большинство вышли с другой стороны поляны, отрезав Занне путь к кораблю. И, в отличие от ее собеседника, все новички были вооружены вибролезвиями и бластерными винтовками.

– Каким... как вы меня нашли? – потребовала Занна, вращая головой из стороны в сторону, и уже поняв, что ее окружили.

– Разведчики углядели твою корабулю над нашей землей, – ответил рыжий. – Доперли, что если буш садица, то тута на нашем посадочном поле и сядешь.

– Посадочном поле? – удивленно переспросила Занна, на мгновение забыв о близкой опасности. – Так вы сделали это место, чтобы тут могли садиться корабли?

– Я че, сказал че-нить о кораблях? – хитро ухмыльнувшись, обронил парень. Он поднес два пальца к губам и свистнул так пронзительно и громко, что Занна вздрогнула.

Воздух над ее головой зашелся яростным ревом ветра, и темная тень заслонила солнце. Занна изумленно уставилась на четырех огромных крылатых рептилии, молниеносно опустившихся с небес и севших на дальнем краю поляны. Создания опоясывали уздечки и поводья, на спине каждый нес широкое седло, на вид казавшееся достаточно большим, чтобы уместить сразу трех человек.

– Вы звериные всадники, – выдохнула Занна, вспомнив предостережение Тэлло, когда она впервые упомянула Ондерон.

– Клан Скельда, – сказал парень. – И я те грил уже, что ты на нашей земле.

– Я... я извиняюсь, – сказала Занна. – Я не знала.

Парень пожал плечами.

– Да какая ваще разница – знала, не знала. Раз так охота было влететь на поле клана Скельда, ты терь нам должна за то уплатить.

Краем глаза Занна заметила, как его товарищи медленно сжимают вокруг нее кольцо.

– У меня нет денег, – пробормотала она, отступая на полшага назад.

– Да ниче, – равнодушно отозвался парень. – Мы твой кораблик утянем.

Занна сорвалась с места и попыталась убежать в лес. Парень бросился следом. Он заранее ожидал побега и действовал быстро. Рыжий нагнал Занну в несколько шагов, схватил ее, повалил на землю, и всем своим весом прижал к твердой земле. И в следующую же секунду отлетел назад.

Шумно выпустив из легких воздух, парень боком ударился о землю в пяти метрах от Занны, подняв клубы пыли. Девочка медленно встала на ноги. Остальные члены клана, подавшиеся было вперед, теперь быстро отступили, подняв оружие высоко над головой. Они уставились на нее широко распахнутыми глазами на лицах полных страха и недоверия.

Занна обернулась к вожаку компании, услышав, как тот захохотал. Рыжий поднялся с земли и подмигнул ей.

– Походу, у нас тута джедайка на обучении завелся, – сказал он, достаточно громко, чтобы слышали его товарищи. – Че ты принесло на Ондерон, джедайка? Решила спилить от своего учителя?

– Я не джедай, – ледяным тоном прошептала Занна.

– Точняк, – согласился парень. – Ты ж без понятия, как силой своей править, ага? Тока тада выходит, када бесишься или ссышься? Так че, верно?

Занна стиснула зубы и сузила глаза, но не проронила ни слова.

– Слухай, джедайка, – сказал парень, вынув из сапога короткое лезвие и медленно подходя к ней. – Наших тута двенадцать, а ты тока одна. Че, типа думаешь, всех нас тута уложишь?

– Может быть, – сказала Занна, выпятив подбородок.

– А им че сделаешь? – спросил рыжий, кивая в сторону крылатых созданий и все так же осторожно приближаясь к Занне. – Одна наша команда и дрекслы сорвут твою симпотную светлую головку с твоего тельца. Че, думаешь, хватит у ты сил их стопорнуть?

– Нет, – признала Занна. В глубине своего разума она уловила необычный «щелчок», словно кто-то звал ее по имени.

– Пора те сдатьсь, малая, – сказал рыжий, жутко ухмыльнувшись. Теперь он был от нее всего в нескольких шагах, выставив перед собой лезвие. – Ты ж одна тута.

Занна улыбнулась в ответ.

– Нет, не одна.

Едва слова слетели с ее губ, как их двоих накрыла темная тень. Парень едва успел поднять глаза, прежде чем его оторвало от земли рывком когтей дрексла, по размерам намного превосходившего тех, что сидели на поляне. Чудовище испустило крик, и, встряхнув землю под ногами Занны, взметнулось обратно к небу. На шее огромного зверя восседала знакомая фигура Дарта Бейна.

Дрексл поднялся на высоту тридцати метров и разжал смертельную хватку. Обмякшее тело парня упало вниз и глухо ударилось о землю с громким хрустом костей.

Увидев, как покалеченный труп вожака свалился с неба, прочие клановцы ринулись в бой. Голосисто вопля и пронзительно свистя, они вскочили на своих животных, чтобы сразиться с противником в воздухе, при этом и думать забыв о маленькой девочке.

Первый дрексл, вспорхнувший с земли, нес на себе только двух всадников. Женщина впереди держала поводья, все внимание и силы уделив непростым задачам полета и контроля зверя. Сидящий позади мужчина служил ее глазами и отвечал за стратегическую часть, выкрикивая указания, которым женщина беспрекословно следовала – когда набрать высоту, когда спикировать, когда заложить вираж и когда начать атаку. Пустое седло за ними, без сомнения, занимал бы рыжий парень, будь он все еще жив.

Остальные дрекслы имели при себе полный набор из трех всадников – один сжимал поводья, другой отдавал приказы, а третий держал наготове большую бластерную винтовку. Выстрел из нее навряд ли мог серьезно повредить толстой шкуре дрексла, но, хорошо прицелившись, можно было с дальнего расстояния уложить всадника. Правда, видимое преимущество третьего всадника преуменьшал его дополнительный вес, что замедляло зверя и делало его куда менее подвижным.

Первый дрексл, с двумя наездниками, смог быстро обогнать остальных. Он поднялся в ясно-голубое небо, где вызывающе кружил Бейн на своем новом питомце, готовясь принять неизбежный бой.

Едва первый противник подлетел ближе, зверь темного повелителя издал боевой клич и взял курс на перехват. Занна на земле наблюдала, как две рептилии схлестнулись в бою, налетев друг на друга в воздушном пространстве. Плотно сцепившись и несясь по направлению к земле, дрекслы сошлись в короткой, но свирепой схватке. Два огромных тела извивались и корчились, хлеща крыльями и клацая блестящими на солнце зубами. Дрекслы били хвостами, стараясь ослепить один другого и сбросить всадника. Несоразмерные головы летучих тварей извивались на змеевидных шеях, то и дело обнажая клыкастые челюсти.

Звериные всадники руководствовались собственными навыками и опытом в воздушном бою, с которыми хотели одержать победу над одиноким ездоком, в одиночку управлявшимся с дрекслом. Они и не подозревали, какой абсолютный и полный контроль над зверем давала Бейну Сила. Но даже не будь ее у Бейна, поражение всадников все равно казалось неминуемым. Животное темного повелителя было больше и сильнее, несло на себе вес одного человека и движения его не сковывали никакие уздечки, поводья или седла.

Меньше чем в двадцати метрах над землей, дрексл Бейна извернулся, резко изогнул голову и перекусил врагу глотку. В десяти метрах от земли он освободился от противника, вырвался из грозящего гибелью свободного падения и победоносно взмыл вверх. Другой дрексл, получивший смертельную рану, повстречался с землей, расшибив и себя и своих ездоков.

Все действие заняло меньше десяти секунд, и этого хватило остальным летным группам клана Скельда, чтобы подняться высоко над землей, получив тактическое преимущество. В несколько взмахов могучих крыльев, зверь Бейна вернулся на позицию. Противники ответили плотной стеной бластерного огня, нацеленного на таинственного одиночку, и стали свидетелями тому, как мастер-сит зажег светомеч и отразил подходящие выстрелы.

Один из дрекслов противника ринулся по направлению к Бейну, намереваясь отвлечь внимание сита от двух других летунов. Зверь пролетел на несколько метров дальше, чем требовалось для схватки, и заложил крутой вираж, повинаясь действиям всадника. Пока

противники летели мимо, Бейн потянулся к зверю Силой и разорвал подпругу, крепившую седло к спине дрексла. Седло оторвалось, и с дикими воплями трое перепуганных на смерть людей отправились в свободный полет на добрую сотню метров. Их зверь, подчиняясь приказу, продолжал кружить, готовясь к очередному пику.

У Бейна не было времени насладиться страхом врагов. Еще до того, как те упали, сит перевел внимание на очередного противника, разрядив в зверя и всадников ураган голубых молний, испепеливших людей и превративших дрексла в бесформенную, горелую плоть, полетевшую навстречу земле.

Почти не задумываясь, Бейн направил собственного зверя на единственную оставшуюся летную команду... что оказалось ошибкой. Второй дрексл, несмотря на гибель своих всадников, был еще жив. Руководствуясь примитивными инстинктами, он изменил направление, чтобы атаковать чужака, посягнувшего на его территорию.

Свободный от экипажа дрексл налетел на зверя Бейна в тот самый момент, когда тот вступил в бой с последней командой. Все три монстра сплелись вместе, образовав единую, голосащую массу плоти, когтей и клыков, со свистом мчащуюся к земле. Брызги горячей, пенящейся крови заливали лицо Бейна, в то время как звери раздирали друг друга на части. На краткий миг, сквозь хлопающие крылья и молотящие лапы, он разглядел одного из всадников: женщина оцепенела; она поняла, что всех их ждет ужасная и неминуемая смерть.

Бейн отпустил разум собственного дрексла и сосредоточил все внимание на ужасе и страхе, исходящих от троих всадников. Он впитывал их эмоции, наращивая собственные силы. Сфокусировав всю энергию и направив ее в орбалисков, он позволил им вкусить темной стороны. словно в благодарность, в кровь его хлынул поток адреналина и гормонов, насыщавший организм энергией. Бейн повторял процесс снова и снова, вплоть до самого падения.

Занна видела, как три летучих создания сцепились в плотный клубок. Она наблюдала за тем, как те падали вниз, закручиваясь по спирали и набирая скорость, и ожидала, что один из зверей освободится и вновь воспарит в небеса. Живым не вышел никто.

Девочка в ужасе вскрикнула, когда все три дрексла столкнулись с землей. Грохот падения был сродни взрыву; волна горячего воздуха сбила Занну с ног и подняла огромное облако пыли и обломков. Все это быстро окутало землю и забрало в свои объятия девочку.

Ученица сита попыталась встать, но зашлась в приступе кашля, когда ее дождем окатили мелкие комки грязи и камней. Через завесу пыли она изумленно воззрилась на воронку в земле, растянувшуюся метров на двадцать и ушедшую в глубину метра на два. В самом центре ямы высилась кровавая куча растертой в кашу плоти: тела всадников и их ездовых зверей смешались в единую подрагивающую массу. И из этого месива по направлению к девочке шагала пропитанная кровью фигура учителя.

Бейн прихрамывал и пригибался к земле, одна его рука была прижата к боку. Но Занна узнала его даже в сером тумане. Она не двигалась с места и недоверчиво глядела на наставника, походка которого становилась все увереннее и тверже с каждым шагом. Мало-помалу Бейн восстанавливал былую осанку, и когда он убрал руку с бока, сердце девочки возбужденно забилося.

Дарт Бейн жив! И сила, позволившая ему пережить невероятный поединок – сила темной стороны – однажды будет доступна и ей! Не сумев совладать с эмоциями, Занна шагнула вперед, чтобы обнять учителя... и тут же отскочила, увидев чужеродную опухоль, разросшуюся на его груди.

– Это орбалиски, – сказал Бейн, опустив приветствие. – Создания, питающиеся темной стороной. Без них я бы не пережил того, чему ты стала свидетелем.

Говоря, Бейн короткими глотками ловил воздух, но была ли тому причиной боль или недавнее напряжение от использования Силы (а, может, и то, и другое?), Занна не знала.

Он остановился перед ней, и девочка осторожно прикоснулась к холодной, плотной раковине. Она быстро отдернула руку, ощутив, как создание дернулось под ее пальцами.

– Они чувствуют в тебе темную сторону, – сказал Бейн с гордостью отца.

– Как ты их снимешь? – спросила Занна, сгорая от любопытства и испытывая отвращение.

– Никак, – ответил Бейн. – Эта защита на мне навсегда.

– Мне тоже придется их носить? – тихо спросила Занна.

Бейн задумался, прежде чем ответить.

– Орбалиски дают мне огромную силу, но цена огромна. Физические последствия могут быть... тяжелыми. Тебе, в твоём возрасте, будет не под силу выдержать такое. Возможно, никогда не будет под силу.

Успокоившись, Занна кивнула. Учитель, похоже, уже полностью залечил свои раны, хотя лицо и доспехи его по-прежнему покрывала кровь.

Занна заметила, что Бейн смотрит мимо нее, на «Звездный след», стоявший на краю поляны.

– Я стащила корабль, – сказала девочка. – Я... мне пришлось убить команду.

– Ты сделала то, что требовалось для достижения цели, – сказал Бейн. – Ты продемонстрировала силу и стойкость, убрав тех, кто стоял у тебя на пути. Найдя то, что тебе было нужно, ты забрала это, не взирая на цену. Ты повела себя, как сит.

Занна ощутила внезапный прилив гордости.

– И что теперь, учитель?

– Теперь начнется настоящая учеба, – сказал Бейн, зашагав к «Звездному следу».

Занна быстро нагнала его. Сомнения и страхи, преследовавшие ее во время полета, ушли – и все благодаря словам учителя и показанной им грубой силе. Занна больше не боялась собственного будущего и не сомневалась в нем; и, наконец, приняла то, кто же она на самом деле. Она – избранный ученик Дарта Бейна. Она – наследница учений темной стороны. И, помимо всего прочего, она – будущий темный повелитель ситов.

* * *

– Вы звали меня, мастер Валентайн? – спросил Джоан, войдя в личные покои Фарфеллы.

Прошло уже три дня с того момента, как Сенат провел закон о «Руусанской реформации», но два джедая по-прежнему оставались на Корусанте. Джоан изнемогал от желания поскорее покинуть город-планету, но после позорной вспышки гнева в офисе канцлера Валорума, решил во что бы то ни стало показать, что способен сдерживать эмоции и что доверяет мудрости наставника. Пока Фарфелла не скажет обратного, он будет торчать на Корусанте и беспрекословно подчиняться любому приказу.

– Присядь, Джоан, – мягко предложил мастер-джедай, указав на соседнее кресло. Судя по тону, новости были плохими.

Джоан сел, с беспокойством ожидая, что скажет учитель.

– Мы обнаружили «Звездный след».

На долю секунды сердце Джоана подскочило от радости. Спустя некоторое время после того, как он оставил Иртанну и ее экипаж, корабль пропал без вести. Поисковые отряды, отправленные вдогонку, вернулись с пустыми руками. Теперь, почти через две недели, корабль внезапно нашелся!

Но восторг Джоана сразу испарился, когда он понял, что учитель упомянул лишь о корабле; он не сказал ни слова об экипаже.

– Что случилось? – спросил Джоан, так испугавшись, что едва связал два слова.

– Мы полагаем, что виновны наемники, – пояснил Фарфелла. – Брошенное судно дрейфовало в секторе Джаприл. Все ценное вынесли. Всех, кто был на борту, убили – застрелили из бластера с близкого расстояния.

– Всех? Иртанну? Бордона? Даже его сыновей?

Фарфелла лишь мрачно кивнул.

Нет эмоций , – думал Джоан, вспоминая кодекс джедаев в попытке подчинить внезапный приступ гнева. – *Есть лишь покой* .

– Я знаю, тебе сложно это принять, – сказал Фарфелла, присев напротив Джоана и взглянув ему в глаза. – Но мы уже бессильны им помочь. И что бы ни случилось, не стоит принимать все на свой счет и жаждать отмщения.

– Я понимаю, мастер, – сказал Джоан, смахнув слезы. – Но я не могу не скорбеть об их потере.

– Ты и должен скорбеть, мой юный падаван, – сказал Фарфелла, в утешение похлопав Джоана по колену, прежде чем встать. – Печаль, что ты ощущаешь – нормальна для такой ситуации. Одна лишь скорбь не таит в себе угрозы.

Фарфелла отошел на другой конец комнаты и взялся за изучение настенного полотна, дав юноше немного уединения и позволяя ему собраться. Когда, несколько минут спустя, Джоан поднялся с кресла, учитель вновь встретился с ним взглядом.

– От этих новостей мне тяжело на сердце, мастер Валентайн, – признался юноша. – Но я понимаю, что не мне искать убийц. И спасибо вам, что позвали меня и сообщили об этом.

– Это не единственная причина, почему ты здесь, – заявил Фарфелла. – У меня для тебя задание.

– Я слушаю, учитель. Я готов служить. – Джоан подумал, что никогда прежде не говорил большей правды. Он отчаянно нуждался хоть в чем-то, в чем угодно, что поможет отвлечься от мыслей об Иртанне и ее экипаже.

– Сенат принял закон о «Руусанской реформации». Ты уже знаешь, каковы последствия для нашего Ордена, но закон содержит и много других нюансов. Как сказал канцлер Валорум, Республика должна переродиться.

Джоан понимающе кивнул.

– В Галактике найдется немало тех, кто примет в штыки новый закон, – продолжал Фарфелла. – Многие увидят в усилиях Валорума объединить Республику попытку заново установить контроль Сената над мирами, провозгласившими свою независимость... или теми мирами, что вот-вот ее провозгласят.

– Вы боитесь за жизнь канцлера, – предположил Джоан.

– Абсолютно верно. Также я считаю, что джедаям важно показать поддержку канцлера и «Руусанской реформации». Мы должны занять лидирующую позицию в защите канцлера от тех, кто может причинить ему вред.

Джоан старался сдерживать эмоции. Фарфела сказал, что приготовил для него специальное задание. Быть может, он отправит его на территории Внешнего Кольца, чтобы положить конец радикальному сепаратистскому движению, или командировать его на передовую войны против одной из повстанческих клик!

– Ты будешь официальным представителем джедаев в личной охране канцлера Валорума, – подытожил Фарфелла, и Джоан задохнулся, точно от удара.

Последнее, чего он хотел – это остаться на Корусанте, а теперь его приговорили торчать здесь до окончания срока канцлера. А может и еще четыре с лишним года, если канцлера выберут на второй срок.

– Похоже, ты огорчен, Джоан.

– Не огорчен, мастер, – осторожно ответил юноша. – Разочарован. Я надеялся совсем на другое.

– Наш Орден избрал путь служения. Подчас нам приходится приносить в жертву то, что мы ценим превыше всего, ради блага других. Это и значить быть джедаем.

Джоан не горел желанием спорить. Как обычно, учитель был прав. Если уж таков его долг, если такова роль, ему уготованная, то он не только примет ее, но и будет ею гордиться.

– Мастер Валентайн, я смиренно принимаю оказанную мне великую честь. Я клянусь служить канцлеру Валоруму всем своим сердцем и духом, отдавать службе все лучшее, на что я способен.

– Я весьма рад слышать, с какой готовностью ты принимаешь свою судьбу, Джоан, – с

озорной улыбкой отозвался Фарфелла. – Но нам нужно обсудить еще один вопрос.

Мне придется покинуть Корусант через несколько дней, чтобы проследить за другими делами. Как ты сам видишь, сейчас непростое время для нашего Ордена.

– Разумеется, мастер.

– Но ты должен понимать, что я не могу оставить падавана на Корусанте без надзора.

Ясное дело. Всем падаванам полагалось постоянная опека и бдительный надзор мастеров-джедаев, пока те не закончат учебу.

– Боюсь, что не совсем понимаю. Если вы улетаете, то кто будет меня обучать?

– Думаю, время твоего обучения подошло к концу, мой юный джедай.

Несколько секунд Джоан не мог прийти в себя, пытаясь уложить в голове то, что только что слышал. Только когда он понял, что Фарфелла использовал почетный титул «джедай» вместо падавана, все прояснилось.

– Вы хотите сказать... меня посвятят в рыцари?

– Именно это я и сказал, – подтвердил Фарфелла. – Я встречался с Советом, и они согласились, что ты готов.

Рука Джоана невольно опустилась на рукоять светомеча. Он собрал его на Руусане по настоянию Хота всего за пару недель до гибели своего первого наставника. Он понял, что генерал, должно быть, уже тогда готовил его к настоящему моменту. Но создание меча было только первым шагом на пути к званию рыцаря-джедая.

– А как же испытания? – спросил Джоан, стараясь держать себя в руках. – Мне все еще нужно пройти финальную проверку Совета.

– Я говорил с ними об этом, и они решили, что ты уже не раз показал свою доблесть за время службы на Руусане. Назначив тебя в охрану Валорума, я провел последнее испытание. Приняв должность, ты, без сомнений, доказал, что готов пожертвовать собственными нуждами и желаниями во имя высшей цели.

– Я... я даже не знаю, что сказать, мастер, – пробормотал юноша.

– Ты заслужил это, Джоан, – заверил Фарелла. – Генерал Хот мог бы гордиться тобой.

Светомеч в руке мастера с легким гулом выпустил из рукояти сверкающий клинок. Джоан склонил голову и слегка наклонил ее набок. Фарфелла опустил меч, отсекая ученическую косичку. Когда та упала на пол, вместе с ней юноша ощутил упавший с плеч груз, и со слезами на глазах поднял голову.

Слова застряли в горле, в голове все так же беспорядочно кружили мысли: его посвящение в ранг рыцаря-джедая; назначение в охрану Валорума; трагические новости об Иртанне и экипаже «Звездного следа».

– Всю жизнь ты будешь оглядываться на этот день, как на день великой радости и день великой скорби, – сказал Фарфелла, давая Джоану последний совет, как наставник. – Так ты не забудешь, что в жизни эти два понятия подчас тесно связаны.

– Я буду помнить, мастер, – поклялся Джоан, внезапно осознав, что впервые он обещает что-то не как падаван, а как истинный рыцарь-джедай.

* * *

Даровит медленным, но уверенным шагом ступал по растрескавшейся земле высохшего на солнце поля. Левой рукой он сжимал трость, обрубок потерянной правой кисти был туго обмотан бинтами. За юношей, с обеих сторон, неотступно летели два прыгуна; округлые тела необычных созданий подсакивали в воздухе, словно пара пушистых зеленых шаров, привязанных к плечам Даровита. Кроме двух широких, открытых глаз, прыгуны не обладали иными видимыми чертами лица. Длинные и плоские хвосты созданий развевались позади словно ленточки, волнующиеся на легком ветру.

В первый раз прыгуны навели Даровита в пещере, где тот пролежал несколько дней в состоянии, сходном с кататонией. Свернувшись в клубок и сжимая покалеченную руку, он

почти уже сдался на произвол судьбы. Когда прыгуны нашли его, Даровит хотел лишь умереть.

Жалостливые существа-телепаты кружили над ним, общаясь напрямую с его разумом, шепча слова утешения, придавая уверенность. Они уняли его мятежный дух, и хотя не смогли излечить раны, но облегчили физическую боль.

Прыгуны вывели его из подземных тоннелей на яркий солнечный свет и свежий воздух. Они провели его к роще, где он нашел холодную воду, чтобы утолить жажду, и сладкие ягоды, чтобы унять жуткий голод. Они даже показали, где найти тайник со спрятанными медикаментами, и юноша смог позаботиться об обрубке, предотвратив сепсис.

Несколько дней Даровит прятался в роще прыгунов, собирая силы и оправляясь от ужасного ранения. Так опасался, что его примут за сита, что боялся искать других людей; был так пристыжен своими поступками и своей изуродованной рукой, что не хотел ни кого видеть. Но и страх, и позор перевешивала ярость – Рейн лишила его руки! Его собственная сестра предала и покалечила его! Мысли о мести и воздаянии поглотили саму его суть; в беспокойных снах он видел лишь, как находит и убивает кузину.

Но едва тело его начало поправляться, гнев понемногу стал утихать. Устав цепляться за ненависть, Даровит стал снова и снова прокручивать в голове столкновение с Рейн... и увидел очевидную правду. Рейн пыталась его спасти!

Окруженный добрыми прыгунами и укрытый их утешением, Даровит наконец-то понял, что сделала сестра. Сит, сопровождавший кузину, мог бы запросто его убить. Покалечив брата, Рейн спасла ему жизнь; финальный акт милосердия, прежде чем девочка попала под влияние своего нового темного наставника.

Вместе с пониманием пришло и принятие того, что случилось. Даровит лишился руки. Он лишился Рейн. Утратил желание вступить в ряды джедаев – или ситов, без разницы. У него остались лишь прыгуны.

Даровит был благодарен им за доброту, но не понимал, почему они ему помогают. Быть может, потому, что никого другого не осталось: ситы погибли, их приспешники покинули планету или попали в плен. От джедаев и республиканских солдат, служивших в Армии Света, тоже не осталось и следа. Двумя ночами ранее, он видел в звездном небе сигнальные огни кораблей, прыгающих в гиперпространство: республиканский флот покидал орбиту. Даже те, кто жил на Руусане, вернулись на фермы и в деревни, оставив поле великой брани между Светом и Тьмой. Вот уже несколько дней Даровит не видел вокруг ни единого живого существа, кроме спасших его прыгунов.

Он понимал, что те дали ему второй шанс. Он мог забыть о прошлом и начать все сначала. Но чего ради? С какой целью? Прыгуны часто говорили о будущем, как будто обладали возможностью видеть обрывки грядущих событий. Однако, как и большинство прорицателей, они пользовались расплывчатыми пояснениями и неоднозначными словами, не дававшими и малейшего представления о судьбе Даровита.

Даровит грустит, – мысленно передало ему одно из созданий; скорее утверждение, чем вопрос.

– Я уже не знаю, что мне делать, – ответил он вслух.

Хотя прыгуны могли передавать слова без голоса и ощущать весь спектр чужих эмоций, они не могли читать мысли. Общаться с ними приходилось вслух.

– Какое будущее меня ждет? – продолжал Даровит, озвучивая проблему, с которой внутренне боролся. – Я был плохим джедаем. Плохим ситом. Кем мне быть теперь?

Человеком?

Ответ заставил юношу остановиться.

– Человеком? – повторил он.

Не ситом, и не джедаем. Не наемником, и не солдатом. Ни кем иным, как простым, обычным человеком. Он кивнул и продолжил путь по пустому, открытому всем ветрам полю, чувствуя, как с плеч его опустилась огромная ноша.

– Простым человеком. Почему бы и нет?

Глава 10

Десять лет спустя

Планета Серенно, что находилась во Внешнем Кольце, была одним из самых процветающих миров Республики. Нельзя не сказать и о том, что в то же время она являлась рассадником антиреспубликанских настроений и радикальных сепаратистских движений, часто тайком финансируемых из глубоких карманов многочисленных сереннианских благородных семей, страсть как желавших сбросить с себя политический хомут Галактического Сената.

И все же, несмотря на рискованные революционные идеи местного общества, а, может, как раз из-за них, огромный палаточный рынок столицы планеты, Караннии, был широко известным центром внимания межзвездной торговли. Покупатели нескольких дюжин разных рас вольно бродили между палатками и толпились под навесами прилавков доброй тысячи торговцев. От рассвета до заката крики лавочников, продающих добро, свезенное с различных уголков Галактики, соревновались с громким гамом торгующихся покупателей. И даже богатеи и почтенные лица не гнушались посещать переполненный рынок, охотно опускаясь до уровня непокорной толпы, и толкаясь меж прилавков в поисках редких и ценных сокровищ, добыть которые можно было только в Караннии. Занна неподвижно стояла в укромном местечке на рыночной площади, стараясь избегать чужого внимания. Ей непросто было слиться с толпой; несмотря на средний рост, девушка была весьма привлекательна. Часто приходилось быть настороже, чтобы не навлекать на себя голодные взгляды мужчин и завистливые взоры женщин. Именно поэтому сейчас на Занне был надет просторный черный плащ, скрывавший ее с головы до пят, и прятавший стройную, спортивную фигуру. На голову девушка опустила капюшон, прикрыв копну длинных, светлых кудрей; тень, которую капюшон бросал на лицо, успешно скрывала ее светлые, горящие огнем глаза.

Не довольствуясь малым, Занна окружила себя легким ореолом незаметности, иллюзией темной стороны, позволявшей избегать прямых взглядов на публике. Это не укроет ее от посторонних глаз, но пока она не привлечет к себе внимания, никто из пестрой толчи простаков не заметит и не запомнит ее.

Но, не смотря на все предосторожности, Занна то и дело замечала, как кто-нибудь бросает на нее несмелый взгляд. Что-то неуловимое в ее движениях, и даже в том, как она стояла, выделяло ее из толпы. Хотя ей маскировка давалась не в пример проще, чем ее учителю. За прошедшие десять лет орбалиски, приставшие к торсу Бейна, размножились и покрыли почти все его тело. Только ступни, кисти рук и лицо не пострадали от паразитов, да и то лишь потому, что он принимал особые меры: не снимал с себя специальных перчаток и сапог, а когда спал, надевал шлем, по виду напоминавший клетку, и не дававший паразитам разрастись по его лицу.

Плащи и плотные одежды едва ли могли скрыть то, во что Бейн превратился. Случись кому хоть мельком углядеть блеск раковин у Бейна под одеждой, впечатлений хватило бы на целую жизнь. Как результат, Бейн редко покидал лагерь на Амбрии. Он доверил ученице быть его глазами и ушами во внешнем мире. Он поручил ей представлять его, пока сам координировал ее действия и надзирал за замысловатыми планами, которые вынашивал за кулисами.

Поэтому сейчас Занна стояла на рынке, ожидая молодого тви'лека, известного ей под именем Келад'ден. Хотя, навряд ли имя было настоящим. Ведь ее имени тви'лек не знал и подавно... не смотря на то, что они стали любовниками.

Кел был революционером – самозванным борцом за свободу, ведущим бой с тиранией на правах влиятельного члена мелкой экстремистской группировки, чьей главной целью было свержение Республики. Занна потратила несколько месяцев только на то, чтобы

заслужить доверие Кела, пока тот, наконец, не поддался. Прошлой ночью, когда они лежали, сплетясь телами, на грубых простынях в снимаемой Занной квартире, тви'лек пообещал встретить ее в полдень на рыночной площади, чтобы провести на одну из тайных встреч своей организации.

И судя по высоте солнца в дневном небе, Келад'ден, очевидно, задерживался. Но Занна упорно продолжала ждать. Она давно уже поняла ценность терпения...

– Скрытность. Коварство. Терпение. Вот оружие ситов, – говорил ей учитель.

Они покинули Ондерон восемь дней назад, бросив «Звездный след» на произвол судьбы и приобретя у неймодианского торговца другой корабль, на котором добрались до Амбрии. Именно на той отдаленной планете Бейн начал ее обучение.

– Действуя под влиянием гнева, даешь фору противнику, – объяснял Бейн. – Иной раз правильное, но гораздо сложнее, не принимать никаких действий вообще. Даже величайшие из воинов подчас теряют терпение в ожидании нужного момента для атаки. Этой ошибки мы допустить не можем.

Занна кивала, внимая словам и сохраняя их в памяти. Но слова были только частью ее обучения. Учитель поручил ей задание – испытание, которое докажет, что она действительно усвоила урок.

В одной из пещер у берега озера Натт, в нескольких километрах от лагеря, проживал маленький выводок ников: мелких амбрианских травоядных рептилий. Не достигая ростом и метра, ники передвигались на задних лапках, в качестве опоры и равновесия используя крохотный хвост. Их передние лапы были короткими и недоразвитыми, и годились разве только для того, чтобы откапывать корешки да таскать в гнездо орехи. Ники были длинношеими, с крохотными головами и маленькими, беззубыми ртами, больше всего походившими на клювы.

В день, когда они с Дартом Бейном сели на планете, Занна заметила, как ники снуют и мечутся по горячему прибрежному песку. В качестве первого задания, Бейн поручил ей привести к нему одного из них, живого и покорного.

Задача оказалась гораздо сложнее, чем выглядела поначалу. Ники, служившие источником пищи для крупных плотоядных, обивавших берега озера Натт, по натуре были очень пугливы. Зверьки уплетали прочь при одном только виде Занны, тотчас шныряя в мелкие щели и трещины в камнях, окружавших пещеры и служивших их жилищем.

Занна не могла поставить ловушку, чтобы поймать зверька; требования Бейна четко указывали, что тот должен явиться к нему по собственной воле. Сперва Занна пыталась заманить ников в лагерь, оставляя за собой дорожку из еды, но те оказались слишком недоверчивы и проигнорировали подачку. Далее, она попробовала взять под контроль разум зверька, как делал Бейн в случае с дрекслом. Но неизвестный ей древний джедай некогда запер в озере Натт темные силы своих врагов. Энергия, что веками источалась из глубин отравленных вод, изменила ников, сделав их невосприимчивыми к ее неуклюжим попыткам силового контроля.

В итоге она поняла, что придется приручить одного из зверьков, заставив его к ней привыкнуть. И, руководствуясь этой задумкой, каждый день с утра пораньше Занна шла к входу в пещеру, где сидела, скрестив ноги, и упражнялась в задачках на медитацию, что подкидывал ей Бейн.

Она не двигалась по несколько часов кряду, затем спокойно вставала и возвращалась в лагерь под самый вечер, только чтобы повторить то же самое на следующее утро. Первые три дня никто не нарушал ее покой, но на четвертый день показались ники. Сперва настороженно, они выпрыгивали из-за камней и стремглав проносились мимо, вдалеке от Занны. Но к середине второй недели зверьки, ставшие привыкать к девочке, уже сидели на задних лапках в нескольких метрах и без опаски ее разглядывали. Время от времени один из ников тявкал или утробно щебетал. К третьей неделе один невероятно любопытный детеныш, ростом не достававший даже Занне до коленки, подошел достаточно близко, чтобы она смогла протянуть руку и коснуться его.

После этого Занна стала приносить с собой еду, каждый раз кладя маленький кусочек в протянутую руку. Все тот же храбрый маленький ник опасливо подскакивал к ней, искушаемый соблазнительным запахом орешков на раскрытой ладони девочки. Занна осторожно подзывала зверька, и совсем скоро малыш собрал всю свою храбрость, подпрыгнул к ладони и стащил с нее кусочек, сразу же скрывшись в своей пещерке, возбужденно пища.

Занна стала выбирать для медитации места подальше от пещеры. Каждый день ник выбегал на ее поиски, при этом выходя за знакомые границы своей территории. Мало-помалу Занна подводила зверька все ближе и ближе к лагерю, пока, в один прекрасный день, ник ни последовал за ней, когда она закончила свои упражнения.

Девочка старалась идти спокойным, неторопливым шагом, чтобы не всполошить зверька. Она передвигалась короткими шажками, и, чтобы не потерять равновесие, осторожно переносила вес с одной ноги на другую, ведя крохотное создание к учителю.

Когда она пришла, на горизонте уже сгустились сумерки; темп ее шага превратил обычно короткий путь от озера до лагеря в долгое четырехчасовое путешествие. В кольце лагеря располагалось несколько палаток: в двух спали Занна с Бейном, одна служила для хранения еды, в другой лежали одежда и обмундирование, а остальные были отданы под склады оружия и топлива для звездолета и вездехода. Палатки стояли не замкнутым кругом, выходя на костровую яму.

Бейн сидел у огня, ожидая ученицу и помешивая ароматно пахнущее варево в бурлящем котле. Он снял рубаху, взмокнув от жара летней ночи. В трепещущем свете языков пламени было заметно, что орбалиски начали разрастаться. Тот, что поселился на лопатке Бейна, уже добрался до бицепса и подбирался напрямую к локтю мускулистой руки, тогда как паразит на груди теперь обтягивал половину брюшных мышц и начал тянуться к горлу. Каждую из раковин по вертикали разделяли несколько узких полосок темно-розовой кожи, и девочка поняла, что в довершение к росту, паразиты делились и размножались.

Подавляя дрожь, Занна тихо окликнула темного повелителя:

– Я закончила с первым уроком, учитель.

Бейн опустил глаза на крохотного ника, забредшего в лагерь вслед за девочкой – прямое доказательство, что ученица верно выполнила задание. Занна проследила за его взглядом, и повернулась к зверьку. Тот глянул на нее и выжидающе пискнул. Девочка нагнулась, чтобы дать нику еды, и Бейн Силой свернул длинную, тонкую шейку зверька.

– Ты хорошо потрудилась, – чуть слышно произнес он, когда девочка в ужасе уставилась на крохотное тельце, подергивающееся возле ее ноги. – Теперь брось его в котел.

Занне потребовалось какое-то мгновение, чтобы взять себя в руки и отрешиться от горя, грозившего поглотить все прочие эмоции. Она поняла, что Бейн, поручая ей задание, уже знал, что она привяжется к нику. Будь она поумнее, предвидела бы это, и сочла бы зверька лишь инструментом, – чем можно воспользоваться и затем выбросить за ненадобностью – не позволяя себе лишних эмоций. Боль, которую она чувствовала после смерти ника, была предупреждением – напоминанием о том, что она должна быть верна только учителю.

Занна подняла тельце зверька и поднесла к кипящему котлу. Бросая его в воду, она краем глаза следила за Бейном.

– Похоже, вы решили преподать мне сразу два урока, учитель.

Ответом Бейна была лишь мрачная улыбка...

– Рейна, – услышала она чей-то голос, перекрывающий рыночный гвалт. Ее звали по имени, которое она использовала на всех своих заданиях.

Через мгновение Занна разглядела в толпе Келад'дена, рукой подзывавшего ее на другой конец площади.

Хотя цветовая гамма кожного покрова тви'леков была довольно широка, Кел принадлежал к редкой когорте краснокожих литанов. Как и большинство литанов, он был неоспоримо красив. Кел был высок, широк в плечах, с плоским, упругим животом и

идеально пропорциональными руками и ногами. Одет он был в обтягивающие черные брюки и просторную желтовато-коричневую блузу, наполовину расстегнутую и обнажавшую бугорки мускулов на груди и животе. Черты лица тви'лека были чувственны и идеально симметричны: нежные, полные губы и темные, горящие огнем глаза, в глубине которых можно было утонуть. Его плотные, красивые лекку обвивались вокруг шеи и плеч, соблазнительно спускаясь по блузе на обнаженную грудь.

– Рейна! – крикнул Кел во второй раз, заставив сразу нескольких людей остановиться и с любопытством взглянуть на него.

Занна тихонько выругалась и быстро двинулась сквозь толпу в направлении тви'лека.

– Можно потише? – прошипела она, подойдя ближе. – На нас все смотрят!

– Пускай смотрят, – вызывающе бросил Кел, но все же сбавил голос. – Они простолюдины. Их мнение – ничто для меня.

Кела взрастили общественное положение и привилегии. Помимо принадлежности к литанам, он происходил из семьи, что считалась знатью в касте воинов-тви'леков. Всю его жизнь его окружение напоминало ему о его исключительности; само собой, вырос он с осознанием того, что все остальные просто ничтожество.

Временами Занна восхищалась его врожденным высокомерием. Это был признак силы: Кел знал, что он лучше других, и не боялся это показать. Но в том же заключалась его величайшая слабость. Занна уже давно обнаружила, что Келом легко манипулировать как с помощью лести, так и взывая к его гордости и эго, и она ничуть не гнушалась пользоваться этим знанием во благо собственного задания.

– Ты опоздал, – сказала она. – Не люблю, когда меня заставляют ждать.

– Я вообще не должен был приходить, – огрызнулся Кел.

– Прости, – сказала Занна, прижавшись к нему и обвив руками его шею и плечи. – Я уж было подумала, что ты нашел мне замену, – промурлыкала она. – Если когда-нибудь увижу тебя с другой, вырву ей сердце.

Кел еще сильнее прижал ее к себе.

– Ты – лучшая награда для любого мужчины, – прошептал он Занне на ухо, от чего по коже у той пробежали мурашки.

Она чмокнула Кела в губы и вырвалась из его объятий.

– Не будем терять времени, – возразила она. – Твои друзья уже ждут.

Облизав губы, словно смакуя вкус поцелуя, Кел кивнул и схватил ее за руку.

– Идем, – сказал он и потянул ее через толпу торговцев.

* * *

Когда сумерки поглотили лагерь на Амбрии, Дарт Бейн потянулся к крохотной хрустальной пирамидке, которую осторожно разместил на небольшом пьедестале в центре пустой палатки. Не спеша, он прикоснулся к ее холодной, безжизненной поверхности, и тут же отдернул руку, увидев вздрогнувшую кисть. Через секунду пальцы свело судорогой – острая боль пронзила руку от локтя до кулака. Проронив беззвучное проклятие, Бейн скрипнул зубами и закрыл глаза, пытаясь обуздать приступ.

Из-за орбалисков, полностью покрывших тело, он привык жить в состоянии бесконечной боли. Боль всегда была рядом, напоминая о себе глухим биением, ощущаемым где-то на уровне подсознания. Как правило, он мог заглушить ее, без видимых признаков снося муки инвазии. Но если он не проявлял осторожности – если пытался прыгнуть выше своей головы – физические аспекты брали верх. Дрожь в руке была предупреждением, первым признаком того, что он выходил за рамки болевого порога.

Уже три раза он пробовал создать свой голокрон, и каждое начинание оборачивалось неудачей. На сей раз, он был намерен победить. Бейн понимал, что одно неверное движение на данном этапе работы, и весь его труд, все годы подготовки, пойдут прахом. Также он

понимал, что у него не остается другого выбора, кроме как найти способ разобраться с болью и продолжить работу.

Первую попытку он предпринял пять лет назад. Используя в качестве шаблона голокрон Фридона Надда, он воссоздал замысловатую матрицу кристаллических решеток и узлов, позволяющих хранить почти неисчерпаемое количество знаний в базе данных, настолько миниатюрной, что та умещалась на раскрытой ладони. Много месяцев ушло на то, чтобы собрать и вплести редкие кристаллы в волокна сложно построенной сети, и еще несколько недель на ювелирную и кропотливую подгонку деталей. Матрица, не соответствующая она чрезвычайно строгим параметрам, могла обрушиться, и Бейн провел сотни часов за тысячами тщательных, субатомных регулировок при помощи Силы, чтобы удостовериться в том, что каждая кристаллическая нить находится строго на своем месте.

Когда матрица внутри голокрона была готова, он с особым тщанием нанес на поверхность пирамиды древние ситские символы. Маркировка голокрона была частью могущественного ритуала, необходимого для поддержания стабильности матрицы после возбуждения ее энергией темной стороны. Незнакомый с точным назначением и смыслом мистических иероглифов, Дарт Бейн и здесь использовал голокрон Надда в качестве образца, изучая узоры, высеченные на его поверхности, и затем старательно копируя их на собственное творение.

Но когда он попытался активировать голокрон, направив в него свою силу, матрица взорвалась, коллапсировав внутрь себя и в белой вспышке превратив артефакт в горстку блестящей пыли.

Через несколько месяцев он предпринял вторую попытку, и результат оказался таким же. Отказываясь признавать, что секрет сборки голокрона был все еще для него недоступен, Бейн стал разыскивать все, что имело отношение к могущественным ситским талисманам. С помощью Занны, он накопил обширный багаж знаний по искомой тематике.

Бейн с жадностью поглощал все инфокарты, исторические документы и персональные записи, проливавшие хоть малейший свет на те шаги, что требовалось предпринять для создания невероятно сложной пирамидки. Он обнаружил тысячи скрытых упоминаний и сотни теоретических домыслов об искусстве сотворения голокрона. Но Бейн так и не смог отыскать единого источника, который бы четко и ясно описывал необходимые заклинания и ритуалы, а потому тайны голокрона по-прежнему от него ускользали.

Но Бейн не опускал рук. Он продолжал поиск, гоняясь за редкими томами, тайными текстами и запрещенными научными работами. На все про все ушло три года, но он понял смысл и назначение иероглифов... и получил ответ, почему все прежние его попытки оказались неудачны. Он обнаружил, что каждый голокрон расписывали символами, уникальными для повелителя ситов, ответственного за сборку артефакта. Миниатюрные пирамидки были совсем не обычными собраниями «сырой» информации. Передача данных производилась под мудрым руководством «хранителя» – высокотехнологичной имитации личности создателя. Правильная комбинация символов, вкупе со специфическими колдовскими обрядами и заклинаниями древних ситов, позволила бы Бейну скопировать свою внешность, знания и когнитивные функции. Внутри голокрона те трансформируются в трехмерную голограмму, которая будет руководить процессом получения знаний и направлять тех, кто воспользуется артефактом. Когнитивная сеть, питающая хранителя, также стабилизировала волокна кристаллической решетки и узлы матрицы, предохраняя ее от разрушения, как то случалось при ранних попытках Бейна.

Вооруженный новыми знаниями, Бейн, два года назад, предпринял третью попытку создать голокрон. Он подошел к делу с особым тщанием; ритуалы, необходимые для заклинаний и нанесения правильных символов на поверхность пирамиды выматывали как физически, так и умственно. Едва начав подозревать ошибку, он откладывал процесс на долгих две недели. Как ни смешно, осторожность сыграла с ним злую шутку. Взявшись за регулировку внутренних структур кристаллической матрицы на последнем этапе сборки, он ощутил, что сила символов заметно упала. Когнитивная сеть хранителя деградировала

настолько, что утратила способность поддерживать и стабилизировать матрицу.

Отчаявшись, он попытался хоть как-то восстановить структуру, но только осознал, что все усилия тщетны. Разъяренный очередной неудачной попыткой, он растер бесполезную пирамидку в пыль голыми руками.

Прежде чем приступить к четвертой и самой последней попытке, Бейн поклялся себе, что на сей раз не ошибется. Время играло решающую роль. Надо было закончить регулировку матрицы и подпитать ее энергией темной стороны всего за несколько дней, прежде чем когнитивные функции хранителя начнут деградировать. Сейчас, после нескольких месяцев, проведенных за сбором редких компонентов, недели медитации для фокусировки силы, и трех дней и ночей интенсивной концентрации, он, наконец, был близок к концу. Оставалось внести еще с пару дюжин мелких поправок, но Бейн тщательно следил за проходящим временем.

Три дня нескончаемого единения с Силой без еды, воды и передышки истощили его тело, разум и дух. В таком состоянии он был чрезвычайно уязвим для орбалисков. Обычно, те впитывали потоки темной стороны, которые все время циркулировали в теле Бейна, но процесс создания голокрона требовал направить все имевшуюся у него силу в работу. Орбалиски медленно дошли с голоду, в ответ выпуская в кровоток темного повелителя химикалии и гормоны. Паразиты пытались довести его до слепой ярости, что позволило бы им вкушать плоды темной стороны, когда сит предается гневу.

Судорожно подергивающиеся мышцы руки и пальцев Бейна были прямым результатом их усилий, и он мог лишь ждать, когда минует дрожь. На окончание работы оставалось всего несколько часов, но Бейн не мог позволить себе ошибиться и повредить чувствительные сплетения кристаллических волокон внутренней структуры голокрона.

Мало-помалу он смог восстановить контроль над дрожащей рукой, жалея о каждой драгоценной секунде, утекающей в пустоту. Когда рука, наконец, успокоилась, он медленно, глубоко вздохнул, собирая свой разум, и вновь призвал Силу, чтобы коснуться матрицы.

Мириады электрических лезвий вонзились в мышцы и нервы его позвоночника, заставив резко распрямить спину и вскричать от невыносимой боли. Боль мигом нарушила концентрацию, и неконтролируемый порыв энергии темной стороны вырвался из тела Бейна и угодил прямоком в голокрон. Через секунду тот взорвался, осыпав Бейна хрустальной пылью и мириадам осколков.

Несколько мгновений он просто глядел на пустой пьедестал, ощущая пульсирующий голод орбалисков и собственный нарастающий гнев. Глаза его застелила кровавая пелена, и Дарт Бейн целиком и полностью вручил себя в объятия ярости.

Глава 11

– Это еще кто? – справился мужчина у двери, с подозрением косясь на Занну.

Он был человеком, хотя лицо его и бритую голову сплошь покрывали зеленые и фиолетовые татуировки, не дававшие нормально разобрать черты. Одет он был в светло-синюю рубаху и темно-синие штаны. Ростом не дотягивал до Кела, да и был заметно шире в талии и груди.

– Она со мной, Паак, – ответил Кел, оттолкнув мужчину и переступив через порог. Занну он втянул за собой.

Комната за дверью была маленькой, темной и лишенной даже намека на мебель. Из кантины этажом выше доносились едва слышные звуки музыки и хохот, но все, собравшиеся в подвале, переговаривались меж собой тихим, заговорщическим шепотом. В тесном кругу сидели четверо: двое молодых мужчин, девушка, немногим старше Занны, и голубокожая, красноглазая женщина-чисс.

Паак шагнул следом, явно не желая сдаваться.

– Ты не имел права приводить ее сюда! – вновь встрял он.

– Она работает в посольстве, – сообщил Кел. Эту «легенду» Занна поведала ему при

первой их встрече. – Она может помочь.

Толстяк ухватил Кела за локоть и развернул тви'лека к себе лицом.

– Ты не смеешь принимать таких решений! Наш лидер Хеттон, не ты!

– Хеттон возложил на меня ответственность за выполнение задания, – сердито напомнил Кел.

– Только из-за твоего обещания достать поддельные пропуска, с которыми нас не загребет охрана посольства! – огрызнулся Паак. – Он сделал тебя главным, потому что нуждался в твоих услугах!

– Хеттон не нуждается ни в чьих услугах, – с презрением бросил краснокожий тви'лек. – Я главный по той причине, что он порядком устал иметь дело с такими тупыми головорезами, как ты.

Паак хищно оскалится, но Кел уже отвернулся, отмахнувшись от него, словно от мелкого насекомого. Занне показалось было, что татуированный толстяк кинется вслед за Келом, но тот только покачал головой и вернулся к своему посту у двери.

Кел подошел к собравшимся, и те расступились, приняв его в свой круг. Занна старалась оставаться позади, между делом замечая, что другие кидают на нее любопытные взгляды. Она глядела в ответ, хотя уже знала о них практически все, что ей требовалось знать.

Как и Келад'ден, они были революционерами: молодыми, идеалистичными, жалкими. Таинственный Хеттон, без труда подчинив недоумков собственной воле и склонив к нужной позиции пламенными речами и страстной риторикой, завербовал их в Антиреспубликанский Освободительный Фронт – одно из многих сотен мелких, малозначительных сепаратистских движений, разбросанных по Галактике.

Однако, для маленькой радикальной группировки, АОФ довольно неплохо снабжался деньгами, и неординарно высокий процент его членов составляли опасные профессионалы, хорошо знающие свое дело. Такие элитные бойцы, как Кел, и другие натренированные вояки, были здесь скорее нормой, нежели исключением. По той или иной причине, все они решили присягнуть на верность Хеттону и его организации.

Занне не составляло труда догадаться, что в душе они мнят себя героями, или, что почище, потенциальными мучениками, которым суждено отдать жизнь за высокую цель. И все же, по отношению к местным сепаратистам она не ощущала ничего, кроме презрения. Несмотря на военное прошлое, сейчас они представляли собой сборище переросшей малышни, кучкующейся в крохотных темных комнатках, чтобы пошептаться о тайных замыслах и распланировать мелкие террористические акции против галактического правительства, которое и не подозревало об их существовании.

Даже Кел не избегал ее презрения. И все же, Занна признавала, что в тви'леке было нечто привлекательное. Чтобы успешно выполнить поставленное задание, влюблять в себя красавца было вовсе не обязательно, но она захотела – притом, довольно сильно – добиться его внимания. Ее тянуло к нему не физически. В Келе томила сила. Он так и горел свирепой гордыней; этот огонь согревал ее всегда, когда они были вместе.

Занна знала, что тяготеет к теплу тви'лека отчасти потому, что учитель всегда слишком холоден. Десять лет Бейн был ей опекуном; он растил ее, защищал, и обучал навыкам ситов. Но она никогда не считала его человеком. Хотя учитель не был жесток и никогда не позволял себе бранного слова, он не выказывал к ней ни капли привязанности, ни следа сочувствия и сострадания. Он ценил Занну не как личность – а как наследницу; она служила лишь механизмом продолжения ситского наследия после его смерти.

В своей орбалисковой броне, Бейн даже внешне перестал напоминать человека. Злость, ненависть, любовь, желание – эти чувства стали для него пустым звуком, и лишь питали его силы. Но Занна нуждалась в чувствах. Она изголодалась по грубой страсти настоящих эмоций. Она вождела их.

И она обрела их в лице Кела. Он дал ей то единственное, чего не мог дать учитель. Но она не помышляла о том, чтобы предать или бросить Дарта Бейна. Она видела, какой

властью над Силой тот обладает; чувствовала в нем мощь темной стороны. Он темный повелитель ситов, и однажды Занна сорвет с его плеч мантию Тьмы и набросит ее на себя. Ни что – ни наивные мечты, ни искушение эмоциями, ни даже любовь – ни что не свернет ее с пути, определенного судьбой.

В сравнении с этим величием, Кел и прочие сепаратисты казались крохотными, ничтожными существами, влачащими мелкие, жалкие жизни. Единственная их ценность заключалась в том, что Бейн принял решение использовать их в собственных целях, и долгом Занны было убедиться, что все, планируемое ими, вписывается в замысел учителя.

Кел раскрыл все планы своей группировки за романтическим ужином: сепаратисты хотели похитить несколько местных чиновников и потребовать выкуп. Они наивно полагали, что вызванный ими переполох в СМИ послужит тем самым катализатором, который сплотит народ Внешнего Кольца, заставит всех подняться с колен и сбросить Сенат.

Их наивность трогала до глубины души. Эти глупцы – лишь пешки в игре Занны. Они – инструмент, которым можно воспользоваться, а потом без сожаления выкинуть, едва тот отслужит свое... и назначением инструмента была только смерть, которая позволит Занне воплотить указания учителя.

– Товарищи, патриоты, – начал Кел, повысив голос на манер профессионального оратора, выступающего на публике. – Нас объединяет единая цель – полное и бесповоротное уничтожение Республики. И все же, что мы сделали на сей день для достижения цели?

Все мы говорим о революции, но боимся предпринять то необходимое, что требуется для ее свершения. Но вскоре все изменится. Всего через три дня мы заставим Республику поднять глаза и заметить нас!

– Через три дня? – воскликнула женщина-чисс по имени Синдра. – О чем ты?

– Хеттон хотел нанести удар на Торжестве Перемирия, – добавил Паак. – Если будем действовать в годовщину «Руусанской реформации», это привлечет больше внимания.

– Зачем ждать несколько месяцев, когда удобный случай идет прямо в руки? – спросил Кел, прибегая к тем же аргументам, какими Занна убеждала его. – Никому не интересна участь простого посла.

Нам нужна цель, которая поднимет на уши всю Галактику!

– И кто же? – спросил один из парней.

– Канцлер Валорум.

– Канцлер Валорум уже два года как отмотал свой срок, – с отвращением бросил Паак от двери.

– Сенат еще держит его при себе как дипломатического эмиссара. И именно его так называемая «политика объединения» вовлекла столько миров обратно в сети Республики. Он в ответе за все, с чем мы боремся, он символизирует все то, что мы хотим уничтожить. Он – превосходная цель.

– И как мы к нему подберемся? – спросила Синдра.

– У него тайная встреча с главами самых влиятельных сереннианских семей. Мы полагаем, что он попытается убедить их предпринять шаги к подавлению сепаратистских движений на нашей планете – таких, как наша группа.

– Как ты узнал? – спросила девушка.

Кел кивнул в сторону Занны, качнув головными хвостами. Она шагнула вперед и взяла слово.

– Меня зовут Рейна. Я помощник администратора в республиканском посольстве.

Впервые она использовала эту ложь, чтобы привлечь внимание Кела, и та служила превосходным прикрытием для информации, которую Занна приобрела у одного из таинственных теневых источников Бейна...

– Все готово, лорд Эддлс, – протянул муун, протягивая учителю датапад. – Все, что вам понадобится, здесь.

Занна никогда прежде не видела мууна, и внешность его показалась ей чрезвычайно отталкивающей. Муун был так высок, что мог смотреть в глаза Бейну, не поднимая головы,

хотя голова и тело его, впрочем, как и руки с ногами, выглядели не в меру длинными и тонкими, словно их вытянули под стать росту. Кожа инородца была бледна, и отливала нездоровой белизной, подернутой вкраплениями бледно-розовых пятен. Его лицо было плоским, глаза и щеки впалыми, уголки рта с неизменной хмуростью смотрели вниз, и, что самое интересное, у него совсем не было носа. Помимо всего прочего, на голове мууна не росло ни единого волоска. Носил он скучную, коричневую одежду и чувствовал себя чрезвычайно неуютно под двойными солнцами Татуина, хотя оказался большим профессионалом, раз не выражал жалобы вслух.

Чуть раньше Бейн пояснил, что встреча в песчаной пустоши Дюнного моря станет кульминацией замысла, задуманного почти год назад, вскоре после того, как они осели на Амбрии. Замысла, катализатором которого Занна ненароком стала. На обратной стороне манускрипта, найденного ею в ситском лагере на Руусане и отданного учителю, был нацарапан длинный список загадочных номеров: анонимных счетов в Межгалактическом Банковском клане.

Повелитель Кордис, как говорил ей Бейн, был собирателем редких и дорогих украшений. За многие годы он выжал немалое состояние из объединенных ресурсов Каанова Братства Тьмы и спрятал его в надежном месте, изредка прибегая к деньгам, когда требовалось приобрести очередную безделушку на потребу собственной алчности. Теперь, когда Братство кануло в лету, Бейн был единственным, кто знал о счетах и мог ими воспользоваться. Но материальное богатство не слишком прельщало учителя, интересовало его лишь то, что можно на него купить.

– Информация – это товар. Ею можно торговать, можно продать ее и купить. И, в конечном счете, кредиты ценны ровно настолько, насколько ценны секреты, на них приобретенные.

Весь прошлый год Бейн тратил кредиты. На эти деньги были подкуплены ключевые административные чиновники, давшие в итоге доступ к засекреченным файлам. В агенты учитель нанимал правительственных шпионов и уголовников с большими связями. Пользуясь внезапно обретенным состоянием, Бейн с особым тщанием плел вокруг себя сеть информаторов, коей назначалось быть его глазами и ушами на сотнях различных миров.

Однако Бейн ни разу не вступал в прямой контакт ни с одним из нанятых людей. Как последнему представителю ордена ситов, ему было жизненно важно сохранять анонимность. Все свои сделки он заключал через брокера – мууна, стоявшего сейчас перед ними.

– Вы точно следовали моим инструкциям? – спросил Бейн у того.

– Абсолютно, лорд Эддлс. Все платежи будут проходить через третьих лиц, что никак не позволит отследить источник, – заверил его муун. – Вы будете регулярно получать извещения и неиссякаемый поток легальной и нелегальной информации. Любые указания, какие вы пожелаете передать своим агентам, будут доставлены через закрытые системы передачи сообщений. Анонимность гарантирована.

– И никто другой не узнает, что я причастен?

– Вам хорошо известна моя репутация, – напомнил муун. – Я горжусь своей осмотрительностью. Именно поэтому в моих клиентах такие люди вы, лорд Эддлс.

– В таком случае, мы договорились.

Бросив взгляд на Занну, муун развернулся и медленно побрел по песку к ожидавшему его кораблю. Девочка смотрела ему вслед, строя догадки о способе его смерти. Мысль о том, что учитель позволит мууну уйти живым, даже не приходила ей в голову. Ведь только брокер знал человека, ответственного за создание сети шпионов и информаторов поистине галактических масштабов. Один он видел Бейна в лицо.

Муун без происшествий добрался до корабля и зашел на борт. Занна видела, как зажглись сопла двигателей, и судно начало подниматься к небу. Когда корабль благополучно скрылся за горизонтом, она с недоверием покосилась на учителя.

– Вы отпустили его живым?

– Он все еще ценен для нас, – ответил Бейн.

– Но он вас видел! Он знает, кто вы!

– Он знает ровно столько, сколько нужно: богач по имени лорд Эддлс нанял его для организации анонимной сети информаторов. Он не знает, кто я на самом деле, и какова моя настоящая цель. Кроме того, он не имеет ни малейшего представления, где и как меня найти, если только я не свяжусь с ним и не сообщу место следующей встречи.

Занна вспомнила историю, однажды рассказанную учителем. Историю о знахаре с Амбрии по имени Калев. Бейн, будучи при смерти, пришел к знахарю и приказал тому помочь. Но Калев, ощутив в учителе силу темной стороны, отказался. В конечном счете, Бейн сумел добиться послушания Калева, пригрозив, что убьет его дочь. Когда темный повелитель снова встал на ноги, он и пальцем не тронул человека, посмеявшегося ему дерзить. Знахарь обладал силой, и учитель знал, что ценность его жизни перевешивает риск – и малое удовольствие – его смерти.

– В его смерти смысла нет, – пробормотала Занна, задумчиво прикусив губу...

– Рейна предоставит нам точное время и список поездок в расписании канцлера Валорума, – объяснял Кел членам маленькой группы. – Когда челнок канцлера сядет, мы будем там.

– У него охрана, – предупредил Паак.

– Только личная команда безопасности, – парировала Занна. – Нечто большее может привлечь нежелательное внимание.

– Он желает сохранить свой визит в секрете, – вставил Кел. – Сенат отказывается официально признавать само существование сепаратистских движений, потому его миссия заявлена как персональный визит.

– Три дня – слишком мало, – возразила Синдра. – Нам надо больше времени на подготовку.

– Все, что нам нужно, у нас уже есть, – отрезал Кел. – У нас есть оружие, с которым мы умеем обращаться. Нам известно, где и когда будет канцлер. Разве требуется что-то еще?

– Приказ Хеттона, – буркнул Паак.

Кел, рассердившись, развернулся к мужчине.

– Нам и правда так необходимо разрешение Хеттона? Разве мы дети? Мы не способны действовать самостоятельно?

– Он наш вожак, – еле слышно буркнул Паак. – Он говорит, мы делаем.

– Как и Республиканский Сенат, – встряла Занна. – Разве не с этим вы боретесь? Подчинение хозяину – любому хозяину – по сути, рабство.

Хотя говорила она твердо и убежденно, но в свои слова ничуть не верила. В то же время, она тянула ниточки Силы к разумах всех, кто находился в комнате. Можно было прибегнуть и к темной стороне, с ее помощью подчинив чужую волю, но данный метод не слишком подходил для настоящей цели. Эффект ментального контроля начнет угасать уже через пару-тройку часов. Ко времени прибытия канцлера Валорума, прямое воздействие, которое она окажет на Кела и его соратников, полностью сойдет на нет.

Занна предпочла более тонкий и незаметный подход. Она использовала Силу не для подчинения других собственной воле, а для незаметного подстрекания коллективного духа, заставляя мысли собравшихся двигаться быстрее, обостряя эмоциями, разжигая агрессию. Сам по себе процесс был бесполезен, но вкупе с убедительными словами, еще сильнее возбуждавшими энтузиазм, эффект мог быть более сильным – и более долговременным – чем грубая сила обычного контроля разума.

Но слова должны исходить не от нее. Она здесь чужая; ей не доверяют. Естественным побуждением сепаратистов будет отрицание всех ее аргументов; в искусственно вызванном состоянии гиперагрессии они накинутся на нее. Убеждать должен тот, кого они знают. Кел, например.

– Вы говорите, что желаете независимости, – сказал статный тви'лек. – Говорите, что боретесь за свободу. Но когда я предлагаю вам шанс доказать это, вы хотите протрусить мимо, как катская гончая, изгнанная из стаи.

– Надо подождать Торжества Перемирия, – возразила Синдра. – Лучше придерживаться изначального плана.

– Пока план не приведен в действие – это всего лишь слова, – ответил Кел. – Мы говорим о том, что сделаем в будущем, но когда подойдет время Торжества Перемирия, сложно ли будет подыскать очередное оправдание, чтобы подождать еще чуток?

Тайные встречи не изменят Галактику. Одни лишь планы не заставят Сенат дрожать и не поставят на колени Республику. Мы должны действовать, и время для действий уже наступило!

Занна узнавала собственные слова, слетавшие с губ Кела. Она внушала их ему в интимных беседах на протяжении многих недель, зароняла в нем семена идей и наблюдала за их ростом. Теперь он излагал ее слова с такой страстью, с таким жаром, будто считал своими.

Бейну бы это понравилось. Вот в чем настоящая сила: заставить кого-то служить твоим целям, но в то же время внушить ему, что он делает все по собственной воле. Кел был ее марионеткой, а гордыня и эго крепили его к ниточкам, которыми Занна заставляла его танцевать.

– Мы стоим на пороге величайших событий, – продолжал он. – Через три дня мы нанесем колоссальный удар по республиканским тиранам, сделаем первый шаг на длинном и славном пути к независимости и настоящей свободе!

В комнате поднялся спонтанный гул согласных голосов, и Занна поняла, что Кел склонил всех на свою сторону. Только Паак и Синдра выказали признаки неприязни, но как только члены группы начали прорабатывать детали плана по захвату Валорума, даже они оставили свои сомнения.

Встреча длилась почти всю ночь, и когда она подошла к концу, Занна с Келом вернулись в квартирку девушки, которую она снимала для полноты своего прикрития.

– Ты был великолепен, – прошептала она.

– Сегодня наша последняя встреча перед заданием, – предупредил Кел. – Все рассчитывают на меня. Я не могу отвлекаться.

Вместо ответа Занна схватила его за локоть и притянула к себе.

На следующее утро Кел ушел. Поцеловав его на прощание, Занна снова заснула. Чуть позже, она встала с кровати и начала собираться. Задание было выполнено; она знала, что никогда больше не увидит Кела живым. Настало время вернуться на Амбрию.

* * *

Лагерь лежал в руинах. Палатки стлались по земле, разодранные в клочья. Деревянные ящики с припасами разорвало в щепу, содержимым играли порывы ветра. Канистры с горючим, весом под сотню кило, разбросало какую куда, некоторые лежали в пятидесяти метрах от места, где прежде стояли.

Землю усеивали обломки и исчерчивали дюжины еще дымящихся черных отметин, в которых Занна узнавала следы ужасающей бури искусственных молний. Воздух вокруг продолжал потрескивать остаточными зарядами энергии и силы темной стороны, отчего у девушки по коже бежали мурашки. Сейчас ею владели страх и предвкушение.

Несложно было догадаться, что случилось. Бейн в очередной раз провалил попытку создать голокрон, а потом в слепой ярости разгромил все вокруг при помощи Силы.

Занна задумалась: будь она здесь во время приступа гнева, смогла бы она остановить учителя? Смогла бы она вообще остаться в живых?

Она увидела Бейна на дальнем конце лагеря. Тот сидел к ней спиной и глядел на горизонт, обдумывая неудачу. Когда Занна подошла ближе, Бейн развернулся к ученице лицом, поднялся на всю высоту двухметрового роста и воззрился на нее сверху вниз. Под его одеждой, порванной и обожженной, виднелось скопище орбалисков. К нему цеплялись сотни

паразитов; теперь они покрывали почти все его тело, кроме лица и рук. Бейн выглядел так, словно носил бронированный костюм, сделанный из прочных, продолговатых раковин мертвых ракообразных. Но Занна хорошо знала: паразиты под раковинами ничуть не мертвы, а очень даже живы и голодны до энергии Бейна.

Темный повелитель уверял, что орбалиски преумножают его способности, вознаграждая неимоверной силой и возможностью исцеления ран. Но, увидев своими глазами последствия попытки создать голокрон, Занна не могла не задаться вопросом, какой ценой давались эти способности? Какой толк от непомерной силы, если ее нельзя подчинить?

К ее величайшему облегчению, ярость Бейна, казалось, сошла на нет; Занна поняла, что не стоит спрашивать его о царящем вокруг беспорядке. Лучше поведать о собственном задании.

– Дело сделано. Когда челнок канцлера Валорума приземлится, Кел и его спутники будут его ждать.

– Ты хорошо потрудились, – ответил Бейн.

Как и всегда, девушка ощутила прилив гордости, услышав похвалу учителя. Но чувство удовлетворения смазывали воспоминания о Келе, и осознание того, что его уже не вернуть.

– Есть ли хоть малейший шанс, что у них все получится? – спросила Занна.

– Нет, – ответил Бейн, на секунду задумавшись.

– Тогда какой от них прок? – потребовала девушка, все же поддавшись досаде. – Я вообще не понимаю, зачем вы отправили меня на такое задание! Зачем тратить столько времени и сил, если уже известно, что их убьют!?

– Нам важна не их победа, – ответил Бейн. – Сепаратисты только отвлекают внимание. Они привлекут взгляды Сената и пустят дым в лицо Совету джедаев.

– Пустят дым?

– Джедаи подчинили себя воле Сената. Позволили себе погрязнуть в трясине политики и бюрократии. Республика стремится воплотить в жизнь единое, унифицированное правительство, призванное поддерживать порядок в Галактике, и джедаев просто сделали инструментом достижения цели.

Каждый раз, когда радикалы бьют по Республике, в дело вовлекают Совет. На погашение восстаний и мятежей тратят немалые средства, что отводит от нас взгляды джедаев.

– Но зачем сепаратистам постоянно проигрывать? – спросила Занна. – Мы легко можем помочь им, не рискуя разоблачением!

– Если они преуспеют, то получают поддержку, – пояснил Бейн. – Их сила и влияние возрастут. Тем тяжелее станет руководить ими и контролировать их действия. Возможно даже, они обретут достаточную силу, чтобы сбросить Республику.

– А разве это плохо? – спросила Занна.

– Республика держит джедаев на коротком поводке. Сохраняет контроль и навязывает свои порядки сотням планет. Но если Республика падет, на ее руинах поднимется уйма новых межзвездных правительств и галактических структур. Гораздо проще манипулировать и держать под контролем одного врага, чем двадцать.

Потому наша задача: найти радикальные сепаратистские группировки, выявить тех, кто может стать настоящей угрозой и заставить их нанести удар прежде, чем они будут готовы. Мы используем их в своих интересах, играем ими, как пешками, против Республики. Мы заставляем врагов изматывать друг друга пока сами остаемся в тени и наращиваем силу.

– Однажды Республика падет и джедаи погибнут, – заверил он Занну. – Но это произойдет лишь тогда, когда мы будем готовы взять власть в свои руки.

Занна кивнула, хотя сама отчаянно пыталась постичь всю глубину запутанных и замысловатых политических интриг учителя. Она вспоминала свои предыдущие задания, и гадала, какую роль та или иная миссия играла в его планах.

– Ты никогда не сомневалась в своих задачах, – отметил Бейн. В его голосе звучал не

гнев, а скорее любопытство.

Занна не хотела говорить о Келе. Хотя и выполнив все, что требовал Бейн, она понимала, что тот увидит в симпатии к тви'леку проявление слабости.

– Даже если мне не доставало ума постичь истинную цель моих заданий, я никогда не сомневалась в вашей мудрости, учитель, – ответила она, обратив его вопрос себе в угоду.

– Но ты усомнилась во мне сейчас?

Занна нарочито медленно огляделась по сторонам, задерживая взгляд на том, что осталось от лагеря.

– Я никогда не видела, чтобы вы настолько теряли контроль над собственной силой, – прошептала она, разбавляя обман правдой. – Я боюсь, что орбалиски могут спутать вам мысли. Или даже они доведут вас до безумия.

Бейн помедлил с ответом. Его дальнейшие слова были краткими и резкими:

– Я контролирую орбалисков. А не они меня.

– Разумеется, учитель, – извинилась Занна.

По его реакции она поняла, что все же успешно посеяла в его разум сомнение. Пытаться манипулировать учителем значило играть в опасную игру, но результат стоил риска. Если орбалиски в очередной раз сведут его с ума, он запросто может убить и ее. Убедив Бейна отыскать способ избавиться от паразитов можно немало обезопасить собственное будущее.

– Расчисти лагерь, – приказал Бейн. – После вернешься на Серенно. Нам нужны еще припасы.

Девушка неохотно кивнула и принялась собирать мусор, тогда как Бейн возобновил медитацию. Мало-помалу приводя лагерь в некое подобие порядка, Занна начала понимать, что сомнения Бейна могут иметь еще одну немаловажную, далеко идущую особенность.

Само собой, однажды она вызовет его на поединок за право обладания титулом мастера-сита, но Бейн необычайно силен – как физически, так и в обращении с Силой. Пока он закован в «костюм» из живой брони, преумножающей его способности и защищающей практически от всех известных видов оружия, он почти неуязвим.

Занна ясно поняла, что заставить Бейна избавиться от орбалисков – значит получить единственно реальную возможность одолеть его и взять то, что по праву принадлежит только ей.

Глава 12

Джоан ерзал на сидении, стараясь усесться поудобнее и размышляя о том, насколько проще было переносить тяжесть межзвездных путешествий в юности. Но он давно уже не подросток, стоящий на пороге возмужания. Взять хотя бы теперешний его рост – добрых метр и восемьдесят пять сантиметров. А его некогда худощавое тело теперь могло похвастаться великолепной мускулатурой. Единственным, что осталось от прежнего юноши, была копна светлых волос, все так же спадавшая ему на плечи. Волосы резко оттеняла неряшливая черная борода, покрывавшая всю линию скул и подбородка.

Джоан вновь сменил позу и бросил многозначительный взгляд на Тарсуса Валорума, комфортно устроившегося на соседнем сидении. Хотя канцлеру стукнуло уже шестьдесят, выглядел он, если не принимать во внимание легкую седину на висках, во многом так же, как при первой их встрече. Тарсус с улыбкой встретил свирепый джедайский взгляд и пожал плечами... что было самым большим извинением, когда-либо полученным Джоаном за невыносимо долгие перелеты на борту второсортного судна.

«Новый рассвет», принадлежавший к челнокам типа «Эмиссар», был кораблем практичным, но весьма далеким от понятия «роскошь». Как просто было бы Тарсусу Валоруму, бывшему Верховному канцлеру Галактической Республики, запросить себе в пользование более экстравагантный корабль: один из новых челноков типа «Сигнус-Тета», или, например, великолепный звездный крейсер «Консул», столь популярный в узких кругах

дипломатов. Принимая во внимание прежнюю должность Валорума, не оставалось и малейшего сомнения, что Сенат не откажет. Но канцлер продолжал решительно настаивать, доказывая, что крохотный «Новый рассвет» с его экипажем из двух человек, шестью пассажирскими местами и гиперприводом класса шесть более чем подходит под его теперешние нужды – особенно после официальной отставки.

То был малый жест скромности и практицизма, уже многое говоривший о человеке. Долгие годы Джоан наблюдал за канцлером, как на публике, так и наедине, и чем больше он узнавал о нем, тем больше росло его уважение. Но это вовсе не значило, что тот не мог быть временами упрям (иногда непронимчиво), – как в том случае, когда отверг предложение Сената о назначении к нему почетного караула для сопровождения его в дипломатических полетах.

«Отставной политик, по сути, безвреден», – возразил тогда Валорум. – «Не такая уж я важная птица, чтобы кто-то из-за меня страдал».

Джоан все так же путешествовал вместе с канцлером, но уже по собственному желанию, не по прихоти Валорума. Он знал, как важен тот для Республики. Знал он также и то, что кругом враги, которые немедля причинят канцлеру вред, допусти он промах. Несколько раз он пытался убедить Тарсуса брать в полет больше охраны, и всякий раз безуспешно. И потому, пока его упрямый друг не примет предложение о личном карауле, Джоан был обречен сопровождать его на все без исключения миссии.

– Надеюсь, лететь осталось недолго, – пробурчал Джоан, намекая на терзавший его дискомфорт.

– Можешь войти в один из своих медитативных трансов, чтобы скоротать время, – пошутил канцлер. – Ты все равно не любитель пустых бесед.

Тарсус позволял Джоану сопровождать его лишь по причине давней дружбы. Джедай состоял в охране канцлера большую часть первого четырехлетнего срока Валорума, а также весь второй срок. Теперь его официальная должность именовалась «джедай-советник», хотя Джоан никогда не позволял себе давать канцлеру хоть какие-то «советы».

Тарсус Валорум был известен всей Галактике как человек, сохранивший Республику. Проведя в Сенат закон о «Руусанской реформации», он возвестил о новой эре мира, процветания и общественного подъема. Но не достижения канцлера возвеличивали его в глазах Джоана; дело было в том, как он их достиг.

Находясь при канцлере, джедай не раз становился свидетелем подлинной силы слов и идей. Тарсус Валорум был человеком глубоких убеждений – принадлежал к той редкой породе политиков, что по-настоящему верили в собственные слова. Вооружившись твердым намерением сделать первые шаги на пути к Золотому веку Галактики, он с неустанной энергией взялся за претворение в явь мечты о заново рожденной и единой Республике. За время правления Валорума сотни миров, что откололись в минувшие века войн и беспорядков, вернулись в лоно Республики. А когда срок его подошел к концу, и настало время передать бразды правления собственной преемнице, канцлер со всем возможным тщанием позаботился о том, чтобы дать ей все необходимое для продолжения работы.

Что еще удивительнее, великое воссоединение было достигнуто с минимумом кровопролития и затяжных сражений. Возложив основные надежды на послов и мирные переговоры, Валорум добился таких результатов, на какие не способны были армия и война. «Чтобы добиться мира, нужно добиться признания в сердцах и разумах народа», – однажды объяснил канцлер, вскоре после того, как Джоана назначили в его караул. Теперь, после десятилетнего наблюдения за всеми достижениями Валорума, он понимал, что слов правдивее еще не слышал.

– Приблизительное время прибытия: пять минут, – прохрипел в бортовом интеркоме голос пилота. – Приготовьтесь к посадке.

Джоан облегченно вздохнул (утрировано громко), канцлер еле слышно хихикнул. Обоим мужчинам такая рутина уже порядком приелась. Даже уйдя в отставку, Тарсус по-прежнему не мог расстаться с политикой. Он оставался ярым сторонником Республики. За те

два года, что прошли после его ухода, Джоан сопровождал Валорума на пятидесяти дипломатических миссиях... Как две капли воды похожих на ту, на которой они были сейчас.

Планета Серенно была важна для Республики. Правящие на ней знатные семьи входили в число самых богатых граждан Галактики. Они не только снабжали крупными суммами денег широко известные благотворительные и политические организации, но и обладали достаточным финансовым капиталом, чтобы способствовать поддержке крупных правительственных инфраструктурных проектов.

Что еще важнее, почти неисчерпаемые ресурсы позволяли семьям финансировать и группировки, которые по их желанию могли подняться против самой Республики. Сепаратистские клики часто находили благодетелей в Караннии, Саффии и Фиярро – трех крупнейших городах Серенно.

Валорум намеревался переговорить с главами шести самых могущественных семей планеты. Он надеялся убедить их воспользоваться своим влиянием, чтобы заставить остальные семьи пресечь поток денежных вливаний в анти-республиканские группировки. Задача была не из легких, учитывая, что графское сословие Серенно не славилось особым дружелюбием к чужакам.

Чтобы упростить переговоры, визит канцлера был согласован по неофициальным каналам. Валорум однажды объяснил Джоану, что поведение многих руководителей и политиков разительно меняется, когда их действия выставляют на всеобщее обозрение. В большинстве случаев, те проявляли лишь видимость желания прислушаться к чужим словам, что Тарсус, в частности, крайне презирал. На публике, власть имущие зачастую давали обещания, в которые сами не верили, и лишь для того, чтобы поменять свое мнение, когда к означенному вопросу угаснет общественный интерес.

И наоборот, некогда поддерживаемое предложение эти политики могли отклонить просто потому, что боялись показаться слабовольными и восприимчивыми к чужому контролю. Так было и в случае с Серенно. Если бы всем вдруг стало известно, что скоро прибудет представитель Республики, цель которого – расшевелить правящие семьи, те отказали бы Валоруму во встрече просто из принципа.

«Никогда не доверяй обещаниям, сделанным перед объективами голокамер», – частенько предупреждал канцлер. – «Если хочешь чего-то добиться, назначай встречу за закрытыми дверями и смотри человеку прямо в глаза».

– Заходим на посадку, – объявил пилот, и Джоан ощутил, как челнок чуть накренился на борт.

Согласно намеченному плану, они должны были сесть в личном космопорту графа Налжу, главы одного из шести Великих Домов Серенно и верного союзника Республики. Приземлившись в уединенном уголке семейного поместья, они возьмут лендспидер, и отправятся на заранее обговоренные встречи с представителями каждого из Великих Домов, чтобы Валорум мог изложить все свои просьбы.

Они ощутили легкий толчок от соприкосновения корабля с поверхностью и услышали шипение опускающегося трапа. Джоан, изнемогая от желания поскорее выбраться наружу и размять затекшие ноги, немедля вскочил с сиденья.

– Прикажете сойти с корабля, Ваше превосходительство? – поинтересовался он, прибегнув к почтительному титулу, которым, не смотря на отставку, по-прежнему именовал канцлера.

Валорум встал и в очередной раз поправил наряд. Джоан, как всегда, был облачен в традиционные желтовато-коричневые одежды Ордена, тогда как на Тарсусе красовался гардероб, искусно скроенный по последней моде сереннианской знати. Одет он был в темно-синие брюки и просторную белую блузу, вручную сотканную мастеровитыми портными. На плечи Валорум набросил шелковую накидку цвета чернильной ночи – подарок графа Налжу. По кайме накидки, а также по воротнику и манжетам блузы, проходил повторяющийся узор из трех перекрещивающихся белых кругов на синем фоне: символ Дома Налжу.

Вся одежда Валорума была выполнена из самых лучших и дорогих тканей; Джоана передернуло от мысли, в какую сумму обошлась обновка. Но одежда, как-никак, являлась символом поддержки, которую граф выказывал делу экс-канцлера. Не увидев за плечами Тарсуса могущественно древнего Дома, зная попросту сочтет Валорума чужаком и простолюдином.

Джоан прекрасно знал, что Тарсус мог попросить Сенат покрыть затраты на гардероб. Однако, будучи верен собственной природе, Валорум решил заплатить за все из своего кармана.

Сойдя по трапу, они вышли на небольшую посадочную платформу, примостившуюся на самой вершине высокого каменного напластования, как колонна поднимавшегося из океана. В пятидесяти метрах возвышались горные утесы береговой линии, высотой соперничавшие с самой платформой. Утесы и платформу соединяла между собой простая дюрестиловая дорожка, ровно на середине которой можно было разглядеть широкую площадку размером пять-на-пять, снизу поддерживаемую переплетающейся фермой усиленных балок.

Ни на посадочной платформе, ни на тропе, ведущей к берегу, не наблюдалось и следа перил. Джоан знал, что их отсутствие (как и многие другие аспекты сереннианской культуры) было символично. Знатное сословие планеты издавна стремилось проявлять независимость. Перила на дорожке или платформе сочли бы за проявление слабости, за знак того, что хозяева признают свою хрупкость и смертность, – а это принизило бы положение Дома Налжу. Но легче от того не становилось. Джоан еще больше озаботился безопасностью канцлера, мысленно представив падение с пятидесяти метров в холодные воды океана.

Так как одной из целей, поставленных их визитом, было избежание фанфар и чужого внимания, встречала их лишь маленькая группа людей. Увидев на встречающих одежды, по фасону сходные с накидкой Валорума, Джоан решил, что делегация состоит из прислуги графа Налжу.

Четверо встречающих стояли тесной группой на середине платформы и ждали их, омываемые холодным океанским бризом, теребящим полы одежды и развевающим накидки. Трое из четверых были людьми – двое мужчин и одна женщина. Четвертый мужчина, щеголявший ярко-красной кожей, принадлежал к расе тви'леков; Джоан даже задумался, не считалось ли у местных богачей присутствие в домашней прислуге литана неким показателем общественного положения?

На утесе за платформой стояли еще двое слуг; рядом с ними – лендспидер, на котором гостей доставят на намеченные встречи. В отличие от ждавших на платформе, те двое были слишком далеко, чтобы можно было разглядеть хоть что-то, дающее представление об их расе или поле.

Двигатель «Нового рассвета» заглох и на смену ему пришел гроыхающий ритм прибоя, безжалостно бьющего по камню скал.

– Не слишком приятное место для посадки, – подметил Джоан, достаточно громко, чтобы Тарсус услышал его за шумом ветра и волн.

– Видишь ли, это я попросил Налжу позволить нам сесть немного поодаль, – со смехом откликнулся Тарсус. – Похоже, они не решились пройти до конца, чтобы нас встретить, – добавил он, кивнув в сторону четырех фигур на платформе.

– А вы бы пошли по такой тропе дальше, чем нужно? – спросил Джоан.

– Полагаю, что нет, – сознался канцлер; он склонил голову, чтобы спрятаться от поднимающегося ветра, и ступил на дорожку.

Мгновение помедлив, Джоан сделал то же, внезапно ощутив тревогу.

– Смотрите под ноги, – крикнул он вдогонку Валоруму. – Если оступитесь, не обещаю, что смогу вас поймать.

Но канцлер либо не слышал его, либо был слишком занят, пытаясь удержаться на дорожке.

До края платформы оставалось всего несколько метров, когда Джоана посетило

сильное предчувствие: беспокойство в Силе, предупредившее его о том, что вот-вот произойдет нечто ужасное. Пока же все внимание джедай было сосредоточено на Валоруме, идущем по ненадежной тропе. Теперь он расширил свой внутренний взор и позволил Силе нарисовать четкую картину всего, что его окружало.

Четверо «слуг», ждавших на платформе, были вооружены бластерами и вибромечами. Двое, что стояли у лендспидера – невысокий, коренастый мужчина, чьи руки и шею покрывали зеленые и пурпурные татуировки, и женщина-чисс – также были при оружии. Что еще хуже, чисс, похоже, сжимала что-то в руке.

Даже не оглядываясь, благодаря обостренному восприятию, Джоан видел стоявший на платформе «Новый рассвет». По всему краю платформы, на самом краю, он ощутил тщательно укрытую от посторонних глаз взрывчатку. Джедай понял, что чисс держит в руке детонатор.

Джоан увидел все детали происходящего буквально за долю секунды. И все же, ему не хватило бы времени, чтобы спасти «Новый рассвет» и его экипаж. Чисс щелкнула переключателем в руке и заряды, установленные под платформой, сдетонировали. Взрывы разорвали корабль, оставив в корпусе огромные дымящиеся дыры. Осколки шрапнели довершили дело, растерзав сидевших в кокпите пилота и навигатора.

Верхняя половина каменной колонны под платформой откололась от основания, забирая с собой «Новый рассвет». Корабль оторвался от выщербленного камня и с гулким хлопком упал в океан, подняв к небу фонтаны вспененных вод; судно почти мгновенно исчезло под холодной, бело-голубой гладью.

При обрушении платформы дюрестиловая дорожка, покачнувшись, изогнулась, Валорум оступился. Призвав на помощь Силу, Джоан ринулся вперед, приземлился на живот, и с молниеносной скоростью опустил руку за край дорожки, схватив Валорума за полы накидки за секунду до того, как тот стал жертвой океана. Одной рукой джедай приподнял канцлера, и, держа за накидку, вернул его на дорожку у себя за спиной.

Джоан зажег изумрудный клинок светомеча как раз вовремя, чтобы отклонить разряд из бластера, пущенный в него женщиной на платформе, затем поднялся, чтобы один на один сойтись с нападавшими. Те замешкались при виде хорошо известного оружия, и, видимо, решили просчитать свои шансы в бою против джедая.

Заминка дала Джоану возможность еще раз оценить ситуацию. Отступить было нельзя: секция дюрестиловой дорожки, где были они с Валорумом, под нисходящим углом соединялась с платформой, где собрались враги; противоположный конец дорожки, оторванный напрочь при взрыве, теперь смотрел в чистое небо. Единственный шанс на спасение: прорваться к скалам. Даже если придется пройти по трупам противников.

– Оставайтесь на месте! – крикнул он Валоруму и прыгнул высоко в воздух, приземлившись прямо на платформу.

Женщина и двое мужчин взяли за вибромечи и ринулись в атаку. Отступил только тви'лек.

Трое нападавших держали в руках оружие, покрытое кортозисом, что позволяло лезвиям мечей без видимого вреда для металла отражать удары клинка Джоана. При первом же выпаде джедай отчетливо понял, что имеет дело с превосходно тренированными оппонентами. Отразив быстрый рубящий удар одного из мужчин, направленный ему в грудь, Джоан резко обернулся, перехватив замах женщины, целившейся ему в шею. Он развернулся на месте, ударив женщину ногой в бок и оттолкнув ее в сторону, и одновременно завел руку со светомечом себе за спину, парируя мощный укол второго мужчины.

Все умение Джоана в обращении со светомечом сводилось к выпадам и блокам формы VI, также известной как Ниман, – самого сбалансированного из всех стилей ведения боя. Часто называемая «Дипломатической формой», Ниман не обладала отличительными достоинствами или недостатками. Богатая многосторонность формы VI неплохо послужила Джоану в ходе непредсказуемых наземных столкновений на полях Руусана. Но за прошедший с той поры десяток лет он прилагал лишь малые старания, чтобы поддерживать

себя в подобающей форме, вместо этого развивая дипломатические таланты. Но он по-прежнему джедай – грозный враг для любого противника.

И хоть оппоненты превышают его числом, действуют они поодиночке, не уделяя внимания согласованию атак. Женщина вновь твердо встала на ноги и ринулась в бой, но Джоан уклонился в сторону, подтолкнув ее к одному из мужчин. Та по инерции налетела на партнера, и оба кучей повалились на металл платформы.

Прекрасно зная, что двое несколько минут пролежат в обнимку, Джоан сосредоточил все внимание на оставшемся мужчине. Атакуя строем, противники вынуждали Джоана занимать оборону. Но теперь он мог сыграть по-своему. Джедай решительно схлестнулся с одиноким противником, не сдерживаясь, отчетливо понимая, что борется не столько за свою жизнь, сколько за жизнь канцлера. Клинок его танцевал и потрескивал, перемещаясь так быстро, что его нельзя было разглядеть.

Мужчина едва мог сдержать внезапный напор, из последних сил блокируя удары и отступая, пока не нащупал пятками край платформы. Отчаявшись, он неуклюже попытался нанести укол в грудь Джоана. Джедай же просто отклонил оружие и поперечным взмахом светомеча вспорол наемнику грудь.

Два оставшихся противника уже оправились от падения. Женщина безрассудно кинулась к джедаю. На сей раз Джоан, не двигаясь с места, поднырнул под широкую дугу клинка, которым та размахнулась. Резким движением левой руки он схватил женщину за запястье, одновременно перекатившись на спину и используя ее же инерцию против нее самой. Из последних сил рванув наемницу за руку, Джоан откинулся назад и уперся ей в живот ступнями согнутых ног. Он завершил прием, распрямляя колени и скидывая женщину с края платформы. Та завопила, но крик ее резко оборвался, когда она достигла водной глади и острой кромки камней.

К тому времени Джоан снова был на ногах, подготовившись к нападению последнего мужчины. Но вместо того, чтобы сойтись с джедаем один на один, неудавшийся противник развернулся и пустился наутек, помчавшись к дорожке, ведущей с платформы на берег.

Он пронесся мимо тви'лека, даже не заметив того, и внезапно остановился – тело беглеца напряглось, руки потянулись к горлу. Мужчина медленно обернулся к Джоану лицом, цепляясь за кровавую рану под самым подбородком, затем колени его подогнулись и он упал на живот.

Все случилось так быстро, что Джоан не сразу понял, в чем дело. Затем он заметил в руках тви'лека два маленьких клинка, по форме напоминавших полумесяцы. Оружие походило на миниатюрные серпы; тот, что был в левой руке, отливал серебром; клинок в правой руке обагрят кровью.

Женщина-чисс и мужчина в татуировках уже спешили к платформе, чтобы присоединиться к сражению. Но оба быстро передумали, увидев, как тви'лек перерезал горло сбежавшему сообщнику. Подсчитав свои шансы против рассвирепевшего джедая и собственного напарника, который прикончит любого в случае бегства, парочка сделала единственный логичный выбор: развернулась, и помчалась обратно к спидеру. Заскочив на сиденья, наемники завели двигатель и улетели прочь, не желая принимать участия в провалившемся плане.

Перешагнув через еще подрагивающее тело мертвого подельника, тви'лек опустился в боевую стойку. Он либо не знал, либо не обратил внимания на бегство двух своих «друзей». Легку краснокожего сепаратиста свисали с головы точно два хвоста, кончики их подергивались и извивались в предвкушении боя.

– Всегда хотел помериться силой с джедаем, – с вызовом сказал тви'лек.

Джоан и сам был не прочь подраться. Со слепящей глаз скоростью Силы он ринулся на противника, попытавшись вонзить меч прямо в тви'лекову грудь, чтобы быстро окончить сражение. Краснокожий, с почти обыденной грацией, чуть отклонился назад и повернулся в сторону, нацелив серповидные клинки в горло Джоана.

Джедай уклонился в последний момент, полностью избежав удара первого клинка, но

поймав второй правым плечом. Серп впился глубоко в мышцы, и Джоан сдавленно простонал от накатившей боли.

Он быстро развернулся и увидел тви'лека в той же низкой стойке, с выставленными перед собой, подобно боксеру, серповидными клинками. На сей раз Джоан избрал более деликатный подход, понимая, что новый противник гораздо опаснее, чем три предыдущих вместе взятых.

Прибегнув к аккуратным режущим ударам и быстрым уколам, он прощупывал защиту оппонента светомечом, пытаясь понять его стиль и запомнить ритм ударов незнакомого оружия. Тви'лек с высокомерной легкостью отклонял каждый приходящий удар, чередуя руки, чтобы всегда держать один из серпов поднятым в защите.

Причудливое оружие жертвует размахом ради скорости и подвижности, понял Джоан. Он подставится под удар, если позволит тви'леку подойти слишком близко, но если держать его поодаль, то можно получить преимущество. Тви'лек, похоже, подумал точно о том же, и начал медленно наступать.

Джоан попытался отеснить противника серией агрессивных атак, но не сумел пробить брешь в его обороне. Не смотря на все старания джедая, тви'лек всегда находил возможность подставить хотя бы один серповидный клинок, чтобы парировать его удары.

Выбившись из сил, Джоан затянул один из ударов, размахнувшись мечом всего на сантиметр выше и шире, чем требовалось, и перенес слишком много веса на ведущую ногу. Ошибка едва не стала фатальной.

Тви'лек небрежно отклонил светомеч Джоана и подступил на шаг ближе, поднырнув под режущий удар светомеча и сократив расстояние между ними до одного метра. Серп в левой руке засвистел сверху вниз, правый – низко по горизонтали. Джоан сумел отступить и избежать первой встречи с клинками, но ему не столь повезло, когда тви'лек изменил направление атаки, повторив те же движения, но только в противоположных направлениях.

Один из клинков устремился вверх, разорвав Джоану щеку и едва не лишив его глаза. Другой оставил длинный, неглубокий надрез на ребрах левой стороны груди – раны были болезненны, но не смертельны.

Противник все еще был слишком близко, чтобы можно было отеснить его светомечом; единственное, что оставалось Джоану, это ударить тви'лека головой, со всей силы впечатав свой лоб в его лицо. Удар с мягким хрустом проломил противнику переносицу. Тви'лек, пошатываясь, отступил назад, и вновь упал в защитную стойку. Из ноздрей летана струилась кровь, темно-красные ручейки которой были заметны даже на его алой коже.

Джоан попытался вобрать в себя Силу, чтобы с ее помощью сбросить тви'лека за край платформы. Но для подобного потребовалась предельная концентрация, что на долю секунды отвлекло его внимание от боя. Противник ощутил мимолетную слабость джедая и ринулся в атаку, серпами высекая в воздухе дуги.

Джоан пришел в себя в самый последний момент; энергия, которую он собирал, исчезла без следа: пришлось снова уйти в глухую оборону, чтобы избежать смертельно опасного выпада противника. Припав низко к земле, Джоан попробовал подсечкой сбить тви'лека с ног. Тот предвидел движение и ловко подпрыгнул над ногой джедая, коленом съездив Джоану в челюсть.

Не обращая внимания на звезды перед глазами, тот откатился в сторону, чудом сохранив на плечах голову, когда серпы атаковали вновь. Он вскочил на ноги и яростно замахнулся на противника. Увернувшись от меча, тви'лек подобрался ближе, и Джоану снова пришлось отступить, чтобы пережить очередную серию быстрых, как свет, ударов.

Тви'лек ужесточил атаки, так плотно прижимаясь к Джоану, что джедаю не оставалось ничего иного, кроме как блокировать и отражать удары. Бросаясь из стороны в сторону, противник отрезал ему все пути к отступлению, и отеснял до тех пор, пока не заставил балансировать на самом краю платформы.

Джоан знал, что ему не одолеть тви'лека. Противник был быстрее, таланты его отточены годами интенсивных тренировок. Джоан может продолжить сражаться, но исход

неизбежен – он погибнет на этой платформе. Своей участи ему не избежать – и все же, он может пожертвовать собой ради спасения канцлера.

Смерти нет; есть только Сила.

Тви'лек собрался, готовясь к отчаянной контратаке, полагая, очевидно полагая, что Джоан попробует с боем прорваться с кромки платформы. Джедай отбросил оружие и обеими руками крепко вцепился в блузу противника. Клинок потух, едва меч выпал из его руки; рукоять отстучала дробь по дюростилю платформы.

Неожиданный маневр застал тви'лека врасплох, и тот замешкался на долю секунды, прежде чем понял, что происходит, расширив в ужасе глаза. Будто обезумев, он рассек Джоану предплечья, оставив глубокие порезы в коже. Но хватка джедая не дрогнула.

И стоя на самом краю платформы, Джоан просто позволил себе упасть спиной в пустоту, забирая врага вслед за собой. Они понеслись по направлению к смертоносным камням, выдававшимся из волн в пятидесяти метрах под платформой; тви'лек закричал, а Джоан ощущал внутри безмятежность и покой.

Казалось, они падали целую вечность; Джоан целиком вручил себя в объятия Силы и мир вокруг почти прекратил движение. Сила струилась в нем, гораздо сильнее, чем когда-либо прежде. За мгновение до того, как он и тви'лек столкнулись с водой, Джоан взглянул в исполненные ужаса глаза противника и улыбнулся. Никогда прежде он не ощущал такого спокойствия, какое чувствовал сейчас.

Падение с такой высоты в океан не идет ни в какое сравнение с прыжком в бассейн; сила поверхностного натяжения водной глади ударила не слабее наковальни. При падении они слегка повернулись, и удар пришелся Джоану в правый бок. Он ощутил, как ломаются ребра, и вода поглотила его, оглушив ледяным холодом.

Джоану понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он все еще жив. Даже без учета столкновения с камнями, падение с такой высоты должно было оказаться смертельным. И все-таки он выжил, хотя быстро погружался в неприветливые глубины океана. «Сила», – с изумлением понял он. При падении он вручил себя ее энергии; в ответ, Сила спасла ему жизнь.

До Джоана дошло, что он все еще крепко сжимает блузу тви'лека. Сквозь темную толщу воды он увидел, что голова бывшего противника повернута под неестественным углом – похоже, тот свернул себе шею, когда они ударились о твердую поверхность океана.

Разжав руки, Джоан мощными гребками устремился к поверхности. Когда его легкие уже готовы были сдаться, он вырвался из водного плена, жадно глотая ртом свежий воздух. Впереди, на расстоянии всего нескольких метров, из воды росли балки платформы. Подплыв, Джоан подтянулся, ухватил скользкий, мокрый дюрстил почти полностью онемевшими в ледяной воде руками, и начал медленно и долго подниматься вверх.

Из порезов на предплечьях обильно сочилась кровь. Но раны, хоть и были глубокими, не затронули нервных окончаний или сухожилий, и при подъеме по балкам руки действовали вполне исправно.

Преодолев половину пути, он остановился передохнуть, мелко подрагивая на холодном ветру. Кто-то назвал его по имени; подняв голову, Джоан увидел канцлера Валорума. Приберегая дыхание на остаток пути, джедай лишь коротко махнул рукой.

В полуметре от поверхности платформы Валорум перегнулся через край и схватил Джоана за руку. Канцлер помог обессиленному джедаю взобраться вверх и твердо обосноваться на платформе. Джоан попробовал встать, но ноги не слушались. Все, что он смог сделать, это перевернуться на спину и упереть взгляд в небо, часто и тяжело хватая ртом воздух в попытке восстановить дыхание.

– Ты спас мне жизнь, – сказал канцлер, присев рядом и ожидая, когда джедай придет в себя после схватки. – Мне никогда не отплатить тебе сполна, но если есть что-то, чего ты хочешь, проси.

– Только одно, – пропыхтел Джоан, не в силах даже присесть. – Найми себе гребаную охрану.

Глава 13

Занна неспешно шагала по рыночной площади Караннии, закупая товары взамен тех, что ненароком уничтожил Бейн. С момента ее последнего визита на Серенно прошла всего неделя, но за столь краткий промежуток времени изменилось очень многое.

Взять хотя бы смерть Кела. ГолоНет трещал новостями о неудавшейся попытке похищения канцлера Валорума, и все источники, как один, особо упирали на факт смерти краснокожего тви'лека от рук рыцаря-джедая по имени Джоан Отон.

Трое других членов шайки также отправились на покой, хотя еще два террориста, согласно журналистам, удрали с «вечеринки». Увидев описание примет беглецов, Занна подтвердила свое подозрение, что сладкой парочкой были Паак и Синдра.

Нападение немедленно получило осуждение со стороны Сената и Республики. И, что еще важнее, графы Серенно пообещали принять быстрые и решительные действия, призванные подавить поток сепаратистских движений, наводнивших их наипорядочнейшую планету. Судя по наградам небывалого размера, обещанным за информацию о террористах, знать, очевидно, решила сдержать свое слово.

Теперь Занна хорошо понимала, что если бы Кел сотоварищи и взяли свое, реакция графского сословия не изменилась бы ни на йоту. Ведь в довершение ко всему, неподалеку от посадочной зоны нашли тела прислуги Дома Налжу. Не успев, согласно указанию свыше, оказать почетный прием Валоруму, они погибли от рук засевших в засаде радикалов.

Смерть давних соратников стала большой потерей для Дома Налжу, но даже она меркла на фоне того ужаса, что повлекло само нападение. Граф самолично устроил визит канцлера; покушение на почтенного гостя было сродни вызову фамильной чести, преступлением, равносильным нападению на самого графа. Извечно старавшиеся защитить себя от всех невзгод, Великие Дома сошлись на зов Налжу, дав обет найти и уничтожить тех, кто был ответственен за злодеяние.

Вне сомнения, Дарт Бейн предвидел такой исход. Еще несколько лет глаза Республики будут неотрывно следить за Серенно и местной кампанией по подавлению сепаратистских элементов, наводнивших сереннианское общество.

– Стой на месте, – прошипел на ухо знакомый женский голос, и Занна почувствовала грубое дуло бластера, упертое ей в спину.

– Удивительно, что ты осмелилась выйти на улицу, – прошептала Занна, не поворачиваясь к вставшей вплотную женщине-чиссу. – За твою голову обещана куча кредитов.

– Тебе спасибо, – огрызнулась Синдра, больно ткнув ее бластером. – Иди давай. Медленно.

В арсенале Занны был не один десяток способов отплатить Синдре той же монетой, но каждый подразумевал открытую демонстрацию темной стороны, что было совсем не желательно на людной рыночной площади. А потому она подчинилась, зашагав между прилавками и выжидая нужного момента, чтобы взять ситуацию под свой контроль. Синдра не отставала, плотно прижимаясь к ней, чтобы собственным телом заслонить направленный на Занну бластер.

– Куда ты меня ведешь? – поинтересовалась Занна.

– На свидание с Хеттоном, – рявкнула Синдра. – У него к тебе пара вопросов.

Как кстати, – подумала Занна. – *У меня тоже есть, что у него спросить*.

Синдра повела ее вниз по узкой улочке, ведущей с рыночной площади в пустой переулок.

– Стой смирно, а не то пристрелю, – предупредила она Занну и стащила с пояса комлинк. – Она у меня, – сказала чисс. – Подбери нас.

Меньше чем через минуту на другом конце улицы со свистом сел аэроспидер. Занна не удивилась, обнаружив на месте пилота Паака. Тот прыгнул на землю, когда его напарница

подвела пленницу к транспорту.

– Говорил тебе, она вернется, – сказал он Синдре.

– Проверь лучше ее карманы, – отозвалась та.

Паак стрельнул в Занну хищным взглядом и грубыми движениями обшарил ее одежду.

– Вы только поглядите! – воскликнул он, обнаружив единственное оружие девушки и покрутив его в руке, чтобы получше рассмотреть.

Рукоять светомеча Занны была немного длиннее, чем обычная: она вмещала в себя парные кристаллы, необходимые для подпитки выходящих с обоих концов меча клинков. Но тогда как традиционные виды двухклинкового оружия имели лезвия по полтора и более метра, клинки Заннова светомеча едва достигали метра. Это маленькое, но существенное отличие имело особое значение при раскрытии техники, с которой она использовала свое оружие...

– Клинки меньшего размера обеспечат тебе большую скорость и подвижность, – пояснил учитель, когда Занна, четырнадцати лет отроду, крутила едва сконструированный меч в левой руке, сосредоточившись на том, чтобы привыкнуть к его особому балансу и весу.

– Не сжимай рукоять с такой силой. Руководи оружием с помощью запястья и кисти, а не всей рукой. Ты пожертвуешь размахом и крутящим моментом, но сможешь поднять плотный защитный барьер.

– С одной защитой мне не победить врага, – подметила Занна, плавно перемещая вращающиеся алые клинки из левой руки в правую, и наоборот.

– Тебе недостает физической силы, требуемой для мощных выпадов Джем Со и прочих агрессивных форм, – объяснил учитель. – Твоя задача: полагаться на скорость, хитрость, и, превыше всего, терпение, чтобы провести врага.

Он зажег собственный светомеч и сделал длинный круговой размах в ее направлении. Занна перехватила клинок своим мечом и с легкостью отклонила его.

– Форма три дает возможность парировать встречные выпады с минимально возможным усилием, – сказал Бейн. – С каждым ударом твой противник будет расходовать драгоценную энергию, мало-помалу уставая, в то время как ты не потеряешь ни капли сил.

Бейн взялся за крючковатую рукоять меча обеими руками и, поднял его высоко над головой, резко опустил вниз в прямом рубящем ударе. Воспользовавшись приемом, позаимствованным из тех уроков, что Бейн заставлял ее оттачивать по два часа в день на протяжении последнего года, Занна парировала клинок учителя. Попытайся она встретить его лоб в лоб – и сила удара непременно направила бы оружие обратно в нее, или выбила бы меч у нее из рук. Вместо этого, Занна скользящим движением подцепила клинок учителя, отразив его в сторону, так что тот продолжил выписывать нисходящую дугу, но уже под углом, пройдя всего в нескольких сантиметрах от плеча девочки.

– Неплохо, – одобрил Бейн, готовясь к следующему замаху. – Не блокируй. Отражай. Жди, пока противник утомится и растеряет силы. Позволь ему совершить ошибку, заставь открыться и нанеси решающий удар.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, Бейн нанес сильный удар с плеча, который Занна с легкостью отразила. Инерция размаха заставила его слишком далеко наклониться вперед, открыв плечо и спину для контратаки. Вывернув запястье, Занна направила клинок в брешь. Ей удался прямой удар: один из двойных клинков прочертил десятисантиметровую линию по плечу Бейна, что любому другому противнику стоило бы потери руки.

В случае Бейна, однако, лезвие лишь вспороло ткань рубахи и оставило маленькую царапину на неуязвимой раковине орбалиска.

– Ты труп! – в восторге воскликнула Занна, по-прежнему вращая мечом, чтобы тот не потерял движение.

Бейн одобрительно кивнул. Но время было раннее, а дневной урок лишь только начался.

– Еще раз, – приказал он твердым тоном, каким всегда пользовался на фехтовании и во

время занятий...

– Это что за хрень? Световой меч? – пробурчал Паак, вертя рукоять в руках. – Ты где его достала? У джедая украла что ли?

Занна и не подумала отвечать. Вокруг было пусто; только они втроем на узкой, покинутой всеми улочке. Занна легко могла прикончить парочку и сбежать. Но похитители сказали, что отведут ее к Хеттону, а упускать возможность знакомства с основателем Антиреспубликанского Освободительного Фронта было нельзя.

– Хеттону это понравится, – заметил Паак. – Очень, очень понравится.

– Идем. Шевели ногами, – приказала Синдра. – Не хочу заставлять Хеттона ждать. Он и так на нас всех собак спустил.

Паак бросил светомеч на переднее пассажирское сиденье и уселся за руль.

– Лезь внутрь, – приказала Синдра Занне, угрожающе указав стволом бластера на заднее сидение.

Занна повиновалась, и через секунду Синдра села рядом с ней, по-прежнему держа девушку на прицеле. Аэроспидер поднялся с земли, перенес их через город и направился в сторону пригорода.

– Сколько нам лететь? – спросила Занна.

– Заткни свою сраную пасть, – прошипела Синдра. – Еще успеешь почесать языком, когда будешь рассказывать, как нас подставила.

– Кел вечно сох по смазливym мордашкам, – обронил Паак, через плечо оглянувшись на Синдру. – Всегда знал, что это его погубит. Будь он поумнее, то спал бы с тобой, Синдра.

Девушка-чисс гневно сузила красные глаза.

– Заткнись и рули, Паак.

– Ты и Кел? – спросила Занна, неподдельно удивившись. – Прости. Я не знала.

– Как и сама Синдра, – подтрунил Паак. – Не знала, куда ты не заглянула к нам на встречу. Она ведь прямо там хотела тебя порешить. Тебе еще повезло, что она профессионал.

Оставшуюся часть пути они провели в молчании, все дальше и дальше удаляясь от города. Вскоре в окнах спидера показались загородные поместья знатных семей, что подтвердило подозрения Занны о принадлежности Хеттона к влиятельному сереннианскому Дому. Интересно, что с ним будет теперь, когда политический климат в Карании обернулся строго противоположно чаяньям сепаратистов?

Спидер все мчался вперед, пролетая мимо роскошных розовых садов, что тянулись на целые акры, и орошавших их изысканных фонтанов, мимо которых сновало войско прислуги, подрезавшей и удобрявшей каждый отдельный цветок, доводя его почти до совершенства.

В отдалении проступили контуры огромного особняка; по правде говоря, тот больше походил на замок, чем на дом. Над одной из многочисленных башенок «замка» развевался ярко-красный флаг, украшенный гербом с восьмиугольной золотой звездой. Занна решила, что герб происходил от пятиугольной звезды Великого Дома Демичи. Очевидно, семья Хеттона приходилась Демичи дальними родственниками, и потому получила право создать собственную вариацию семейного символа.

По приземлении их встретили шестеро стражников, с ног до головы затянутых в длинные красные плащи. На каждом из них был красный шлем, полностью закрывавший голову и лицо. В руках охрана держала силовые пики; наконечники полуметровых металлических шестов были снабжены стан-модулями, способными испускать электрический разряд, чтобы оглушить или вывести из строя противника... они могли и убить, в случае установки их на достаточно высокий уровень. Занна узнала о необычном оружии со слов Бейна; силовые пики были излюбленным арсеналом умбаранских убийц-теней, но все члены данной группировки ушли в подполье после падения Братства Кана.

– Выметайся, – приказала Синдра, махнув бластером.

Хотя в глубине души Занна питала к чиссу жалость – Кел воспользовался ею, потом бросил – она была обозлена на голубокожую соперницу. Но Занна была слишком умна,

чтобы позволить эмоциям или чьим-либо действиям хоть как-то повлиять на ее рассудок.

Она подчинилась приказу Синдры, вышла их спидера, и стерпела очередной обыск, проведенный одним из красных стражей. После пришлось покорно вытянуть руки и позволить защелкнуть на запястьях наручники. Только тогда Синдра, наконец, убрала свой бластер. Заткнув его за пояс, она схватила Занну за руку и потянула ее вслед за Паком и стражниками.

Процессия миновала высокий арочный свод и ступила в выложенную мрамором прихожую. Вдоль стен красовались картины и скульптуры; под потолком висели парящие голограммы, проецирующие различные произведения искусства. Занна подозревала, что неприкрытая демонстрация богатства немало впечатляла и даже пугала большую часть посетителей. Сама она видела в здешней коллекции ни что иное, как пустую трату денег, которым можно было найти куда лучшее применение.

Особняк был огромен, и чтобы пройти от места стоянки аэроспидера до приемной, где ждал Хеттон, ушло целых пять минут. Занна поняла, что они пришли, когда путь преградили огромные двустворчатые двери. Два стражника выступили вперед, по одному на каждую створку, и потянули за ручки.

Открывшийся взору зал длиной доходил до тридцати метров, а шириной достигал всех двадцати. Как и в прихожей, стены здесь украшали картины, а по полу стелилась длинная ковровая дорожка цвета крови, ведущая к небольшой лесенке на дальнем конце помещения и возвышавшемуся над нею помостом. В зале не было мебели, кроме огромного кресла, что стояло на вершине помоста, но Занне подумалось, что вернее всего будет назвать его трон.

На кресле, с двух сторон окруженный красными стражами, восседал человек – по-видимому, сам Хеттон. Он был гораздо ниже ростом и старше, чем представляла себе Занна; похоже, вождю сепаратистов было уже за пятьдесят. Она ожидала увидеть Хеттона в официальных одеждах его Дома, но на нем были надеты черные брюки, черная рубашка, черные ботинки, и черные же перчатки. Верх сапог и обшлага перчаток окаймляли темно-красные полосы. На плечи Хеттон набросил накидку с капюшоном, тоже черную с красной отделкой, но капюшон был откинут, открывая лицо.

У Хеттона были коротко стриженные, ухоженные седые волосы. Длинный, крючковатый нос. Тусклые голубые глаза, казавшиеся слишком маленькими и слишком близко посаженными. Человек скорбно скривил тонкие губы, и с виду могло показаться, что он насмешливо улыбается. Когда они вошли, Хеттон подался вперед и впился руками в подлокотники огромного трона, словно одним своим видом пытался напугать посетителей.

Хотя он не был привлекателен в обычном смысле слова, и не производил впечатления хорошо сложенного человека, выглядел он важно и степенно. Сперва Занна решила, что дело во врожденной самоуверенности, что присуща людям, купавшимся в богатстве и почестях, но, едва ступив на красную дорожку, она поняла, что все гораздо сложнее: Хеттон буквально лучился энергией темной стороны!

Когда от ступенек, ведущих к помосту Хеттона, их отделяло всего десять метров, они остановились по сигналу одного из стражей, стоящих у трона. Эскорт отступил в сторону, оставив Занну, Паака и Синдру один на один с хозяином особняка.

– И кто же ты есть, дорогуша? – спросил Хеттон. Слова, произнесенные ровным и скучающим голосом, тонким эхом отдались от огромных стен.

– Меня зовут Рейна, – ответила Занна. – Я друг... была другом Кела.

– Ну, разумеется, – с понимающей ухмылкой отозвался Хеттон. – У Келад'дена было много друзей.

– Это она сдала нас Республике! – злобно процедила Синдра, схватив закованную в наручники Занну под локоть.

– Я никого не предавала, – возразила Занна, стараясь оттянуть время, чтобы оценить возможности Хеттона.

Во время войны между Братством Тьмы и Армией Света обе стороны активно вербовали в свои ряды людей со способностью к восприятию Силы. Но семье, такой богатой

и влиятельной, как семья Хеттона, было достаточно просто скрыть свое чадство как от джедаев, так и от ситов.

– Ты знала все подробности нашего плана, – возразила Синдра. – Кроме тебя, было некому.

– Вы с Пааком тоже живы. Странно, да? – подметила Занна, специально недосказав обвинение и продолжая осторожно прошупывать Хеттона.

Его сила была не грубой и неукротенной, как у тех, кто никогда не учился. Быть может, когда-то у Хеттона был наставник? Или кто-то, хорошо знакомый с Силой, обучил его секретам темной стороны, а затем покинул, присоединившись к Каану? Есть ли иное объяснение?

– Я не предатель! – злобно выкрикнула чисс.

– Уймись, Синдра, – произнес Хеттон, явно позабавленный вспышкой гнева девицы. – С канцлером Валорумом был рыцарь-джедай. Ваше задание с самого начала было обречено на провал.

– А если бы вы преуспели, – добавил он тихим и угрожающим шепотом, – то все равно навлекли бы на нас гнев Великих Домов.

– О чем вы только думали?! – внезапно крикнул он, отчего Синдра с Пааком едва не подпрыгнули.

Занна ощутила повисшее в воздухе напряжение, когда седовласый мужчина потянулся к Силе, призывая энергию темной стороны. Он, несомненно, был силен, но, оценив всю глубину его сил, Занна поняла, что ей он не ровня.

– Хеттон, подождите! – выкрикнул Паак, ощутив нависшую над ними угрозу. – У нас кое-что есть для вас.

Он вытащил светомеч Занны и помахал им над головой, чтобы убедиться, что Хеттон его увидит. Эффект оказался мгновенный; растущая сила темной стороны сошла на нет, а сам Хеттон замер, во все глаза глядя на рукоять. Через мгновение он смог вернуть себе дар речи и дал команду одному из стражей принести ему сокровище.

Получив в руки меч, он старательно изучал его почти минуту, прежде чем осторожно положить себе на колени.

– Где ты это нашел? – спросил он мягким, но грозным голосом.

– У нее, – ответил Паак. – Она так и не сказала нам, где его достала.

– Это правда? – проворчал Хеттон, глядя на Занну с проснувшимся интересом и лениво поглаживая пальцами рукоять светомеча. – Весьма интересно узнать, каким образом она добыла столь интересный экземпляр.

– Оставьте меня с ней наедине на пять минут, – сказала Синдра. – Я развяжу ей язык.

Занна решила, что игра достаточно затянулась. Проще всего было бы Силой призвать светомеч в свои скованные руки, но в рукаве у нее были козыри и получше...

– Сила проявляет себя в различных ипостасях, – говорил Дарт Бейн. – У каждого человека есть свои сильные и слабые стороны – способности, которые удаются лучше, и способности, которые даются труднее.

Занна кивнула. Тогда ей было двенадцать. За несколько месяцев до этого разговора, Бейн получил доступ к новому разделу в базе данных голокрана Надда. И хотя он не сказал ей, что обнаружил, но вскоре добавил новый элемент в ее обучение. Каждые два или три дня он ставил перед ней серию скрупулезных задач и испытаний, призванных определить ее способности к управлению различными аспектами Силы.

До того дня он отказывался обсуждать с ней результаты его опытов, и Занна начинала бояться, что подвела учителя.

– Одни повелевают грубой, стихийной силой; они способны испускать из пальцев разряды молний или двигать горы одной лишь силой мысли. Другие более талантливы в утонченных манипуляциях Силой: им дана способность влиять на разум друзей и врагов посредством искусства убеждения или боевой медитации.

Он выдержал паузу и смерил Занну долгим взглядом, словно обдумывал, продолжать

ли разговор.

– Лишь очень немногие имеют естественную предрасположенность к контролю темной стороны. Они могут погружаться в глубины Силы и черпать ее потаенную энергию, чтобы искажать и подчинять собственной воле окружающий мир. Они способны проводить древние ритуалы ситов; способны напускать могущественные заклятия и темные чары.

– Это мой дар? – спросила Занна, едва сдерживая возбуждение. – Я ситский колдун?

– Ты можешь им стать, – сказал ей Бейн. Из складок своей рясы он достал тонкую, обтянутую кожей рукопись. – Глубоко внутри голокрона я обнаружил список сильных заклинаний. В этих записях мой перевод. Они помогут тебе с максимальной отдачей фокусировать и направлять твою силу... но только если выучишь их наизусть.

– Выучу, учитель, – пообещала Занна, с блеском в глазах потянувшись к книге в его руках.

– Я ограничен в возможности преподавать тебе основы колдовства, – предупредил ее Бейн. – Мои таланты лежат в другом направлении. Чтобы раскрыть весь свой потенциал, ты должна будешь многое выучить и многое понять сама. Это будет... опасно.

Одна мысль о том, чтобы самостоятельно постигать темные тайны ситского колдовства наполняла Занну страхом, но возможность получить в свое распоряжение силу, по величине превосходящую даже способности учителя, была непреодолимым искушением.

– Я не разочарую вас, учитель, – поклялась она, плотно прижав тетрадь к груди.

– А если хотя бы попытаешься использовать одно из заклинаний против меня, – добавил Бейн в качестве последнего предупреждения, – я тебя уничтожу.

Занна вырвала локоть из хватки Синдры и подняла скованные руки к ее лицу. Быстро перебирая пальцами в сложном узоре, она призвала к Силе и вторглась в разум женщины-чисса в поисках ее самых потаенных, самых примитивных страхов. Глубоко в подсознании Синдры таились безымянные порождения кошмаров: отвратительные существа и исчадия ужаса, никогда не видевшие дневного света. Обратившись к колдовству ситов, Занна по одному выманила страхи наружу и вдохнула в них жизнь.

Все действие заняло чуть меньше секунды. За это время Синдра успела выхватить бластер, но вместо того, чтобы направить его на Занну, девушка вдруг закричала и нацелилась в воздух над своей головой, открыв огонь по видимым одной ей монстрам, рожденным ее же подсознанием.

Чем больше Синдра находилась под влиянием заклинания, тем более реальными и угрожающими становились иллюзии, но Занна не спешила снимать чары. Чисс пронзительно вскрикнула и бросила бластер. Она яростно замотала головой, прикрыв лицо руками, снова и снова крича «нет!» пока в итоге не упала на пол. Рыдая и всхлипывая, Синдра сжалась в плотный комок, бормоча «нет, нет, нет...».

Все, кто находился в зале, наблюдали за ней со смесью ужаса и недоумения. Кое-кто из охраны отступил назад, вероятно, опасаясь подхватить безумие.

Занна могла бы снять заклинание, развеять иллюзию и позволить Синдре потерять сознание. Та проснулась бы через несколько часов, сохранив в памяти лишь незначительные детали произошедшего. Или Занна могла еще больше усилить иллюзию, доведя свою жертву до грани безумия и вытолкнув за ее пределы. В голове непрощено вспыхнул образ флиртующих Синдры и Кела – и Занна сильнее надала на разум чисса.

Крики ужаса Синдры обратились в животный вой, все ее здравомыслие ушло на растерзание страшным видениям. Девушка попыталась выцарапать собственные глаза. По щекам ее заструилась кровь, но даже полная слепота не смогла спасти ее от кошмаров, кружащих над остатками ее рассудка.

Вопли прекратились, когда тело Синдры зашло в припадок; руки и ноги ее бешено застучали по полу, изо рта пошла пена. Потом, с последним чудовищным вскриком, девушка обмякла и замерла. Сознание Синдры было уничтожено целиком, потеряно безвозвратно; ее неподвижное тело теперь представляло собой лишь пустую оболочку.

Тело вздрогнуло, и Занна поняла, что где-то в самом дальнем закоулке подсознания

Синдры все еще сохранилась малая крупица ее естества, безмолвно кричащая, навеки запертая наедине с кошмарами ее собственного разума.

Хотя все в зале были свидетелями жуткой и отвратительной кончины чисса, только Занна знала, что в действительности произошло. И даже она с трудом могла представить себе, что видели глаза ее жертвы. Судя по ее реакции, она поняла, что лучше и не знать. Девушка ледяным взглядом окинула лежащее на полу тело Синдры, по-прежнему изредка подрагивающее, и подняла глаза к Хеттону, глядевшему на нее.

Занна обернулась, услышав крик Паака.

– Это ты сделала! – сказал он, обвиняюще ткнув в нее пальцем. – Остановите ее, пока она нас всех не убила! – вопил он.

Несколько стражников на шаг подступили к Занне, и тут же отошли, повинувшись кивку Хеттона.

– Она жива, – сообщила Занна. – Но остатки ее разума наверняка молят о смерти.

Ответ не унял крепнущую истерику Паака. Запустив руку в сапог и вытянув короткий виброклинок, он с криком бросился на Занну.

Заклинание, напущенное на Синдру, было сильным, но выматывающим. Занна сомневалась, что сможет вызвать у Паака сходную реакцию, прежде чем тот проткнет ее ножом. Поэтому, вместо колдовства, она прибегла к более традиционным методам.

Вытянув перед собой скованные руки, она призвала Силу, чтобы забрать светомеч с коленей Хеттона. Рукоять пролетела по воздуху и впорхнула в ее ладонь. Клинки зажглись и Занна, силой мысли, небрежно разрубила наручники.

Паак накинулся на нее, ожидая убить беззащитного пленника; он не был готов к столкновению с вооруженным врагом. Занна могла бы лишить его жизни без лишних вопросов, но краем глаза заметила, что Хеттон по-прежнему восседает на кресле, следя за представлением. Занна решила показать ему класс.

Вместо того чтобы обезглавить никудышного оппонента, она затеяла с ним игру, вращая клинками, выписывая ими затейливые, гипнотические узоры, и с легкостью парируя неуклюжие удары. Паак был простым драчуном: сплошные мускулы и полное отсутствие техники, отчего отражать его атаки было до смешного легко. Он кидался на Занну трижды, размахивая клинком и пытаясь сбить девушку с ног. Каждый раз та проворно уклонялась в сторону, и отводила его лезвие своим клинком, превращая бой в танец, вела в котором, без сомнения, она.

После трех неудачных попыток, татуированный верзила разочарованно бросил клинок и подхватил бластер Синдры. Он прицелился и дважды выстрелил в упор, но Занна не моргнула и глазом.

Благодаря Силе, она легко предугадала траекторию выстрелов и перехватила их шипящими багряными клинками светомеча. Первый разряд без вреда срикошетил в потолок; второй она направила обратно в Паака.

Тот пришлось верзиле прямо промеж глаз, оставив дымящуюся дыру в переносице. Тело Паака замертво упало.

По-прежнему вращая клинками, Занна вновь обернулась к Хеттону. Тот не сдвинулся с места; не подал ни единого сигнала охране. Когда Занна взглянула на Хеттона, он медленно поднялся и сошел по ступеням помоста, остановившись в нескольких метрах от нее. Затем он упал перед ней на колени, преклонив голову.

Дрожащим от волнения голосом Хеттон прошептал:

– Я ждал вас всю свою жизнь.

Глава 14

Джоан быстрым, размашистым шагом пересекал жилые помещения огромного Храма джедаев. Он миновал коридоры и лестницы, ведущие в разные помещения, где жили рыцари-джедаи и падаваны, избравшие Корусант собственным домом, направляясь к подножию

шпиля Высокого Совета и личным покоем, предназначавшимся для заезжих мастеров.

Джоан коротко кивал всем, кто удостоивал его взмахом руки или приветствием, и спешно проходил мимо, не теряя времени на обмен любезностями. Почти сразу после посадки Джоан был срочно вызван к Валентайну Фарфелле, и уже мысленно предвидел, о чем намеревался поговорить с ним его бывший наставник.

Джоан немало удивился, обнаружив, что дверь в личные покои Фарфеллы открыта нараспашку, а сам мастер-джедай сидит за столом, глубоко погруженный в изучение бумаг.

– Вы хотели меня видеть? – спросил Джоан вместо приветствия, перешагнув через порог и закрыв за собой дверь.

В отношении внутреннего убранства, комната мало чем отличалась от личной каюты Фарфеллы на борту «Попутного ветра», флагмана ныне распущенного флота джедаев. Стены украшали изящные произведения искусства, пол устилали дорогие ковры. В углу стояла кровать с пологом на четырех столбиках, украшенная резьбой, изображавшей ключевые ступени восхода Валентайна в ранг мастера-джедая.

– Джоан, – с легким изумлением отозвался Фарфелла. – Не ожидал увидеть тебя так скоро.

Он развернулся и указал на одно из соседних кресел, предлагая гостю присесть.

– Ваш вызов показался мне срочным, – ответил Джоан.

Он приготовился внимать, отказавшись от предложения сесть.

– Я должен поговорить с тобой, – с усталым вздохом произнес Фарфелла.

– Как друг, как учитель, или как представитель Совета джедаев?

– Все зависит от того, что ты мне скажешь, – как всегда дипломатично ответил Фарфелла. – До меня дошли слухи, что канцлер Валорум намерен подать прошение в Сенат на финансирование установки мемориала Хоту и джедаям, павшим на Руусане.

– Очевидно, он полагает, что таким образом мы по достоинству почтим тех, кто отдал жизни во имя сохранения Республики, – отчеканил Джоан. – И, как сказали бы многие, сделаем это с большим опозданием.

Фарфелла вздернул бровь.

– Так значит, ты не имеешь отношения к данному вопросу? Валорум сам пришел к подобной мысли?

– Я этого не говорил, – ответил рыцарь-джедай.

Как хорошо знали они с Валентайном, правда заключалась в том, что Валорум согласился подать заявку в знак признательности Джоану за спасение его жизни на Серенно.

– Как я и подозревал, – с очередным тяжким вздохом проронил мастер. – Совет джедаев не дал формального одобрения, Джоан. Предлагаемая затея видится им актом гордыни и высокомерия.

– Разве высокомерно чтить память тех, кто пожертвовал собой ради общего блага? – спокойно спросил Джоан.

Теперь он был рыцарем; тот падаван, что выходил из себя при малейшей провокации, давно почил с миром.

– Попытка построить мемориал, дабы почтить бывшего наставника, отдает душком тщеславия, – разъярил Фарфелла. – Возвышая в чужих глазах человека, впервые обучавшего тебя, ты, в свою очередь, возвышаешь себя.

– Это не тщеславие, мастер, – терпеливо пояснил Джоан. – Мемориал на Руусане послужит напоминанием тому, как сотня человек по собственной воле пошла на верную смерть, чтобы вся Галактика могла жить в мире. Этот памятник станет символом, который вдохновит многих на благие дела.

– Джедаям не нужны символы для вдохновения, – напомнил Фарфелла.

– Но в них нуждается Республика, – парировал Джоан. – Символы дают силу идеям, обращаются к сердцам и умам обычных граждан, помогают реализовать абстрактные убеждения и ценности.

Памятник прославит победу на Руусане: победу, давшуюся не силой нашей армии, а

ценой отваги, убеждений и самопожертвования Хота и всех тех, кто погиб вместе с ним. Он послужит ярким примером, направляющим граждан Республики в их помыслах и поступках.

– Как видно, склонность Валорума к пламенным речам передалась и тебе, – сказал Валентайн, печально улыбнувшись.

Похоже, он понял, что не сможет убедить Джоана изменить свое мнение.

– Именно вы решили прикрепить меня к Валоруму, – напомнил Джоан. – И за годы службы я многому научился.

Фарфелла поднялся с кресла и принялся мерить шагами комнату.

– Твои доводы весьма красноречивы, Джоан. Но ты, разумеется, понимаешь, что они не поколеблют мнения Совета джедаев.

– Настоящий вопрос вне полномочий Совета, – напомнил Джоан. – Если Сенат одобрит запрос Валорума, строительные работы на Руусане начнутся в течение месяца.

– Сенат никогда и ни в чем не откажет Валоруму, – отрезал Фарфелла. Он замер на середине шага и повернулся к Джоану лицом. – А какова твоя роль в этом проекте?

– Это решение также на совести Сената, – уклончиво ответил Джоан. Но через мгновение смягчился и рассказал Фарфелле правду: – Канцлер согласился на будущие дипломатические миссии брать полный состав охраны, чтобы я мог полететь на Руусан и надзирать за сооружением мемориала.

Фарфелла вздохнул и снова сел в кресло.

– Я понимаю твои мотивы, Джоан. И хотя я не вполне их одобряю, ни я, ни Совет джедаев, не встанем у тебя на пути. – Через мгновение он добавил: – Сомневаюсь, что теперь мы тебя остановим, даже если и попытаемся.

– Временами я бываю очень упрям, – ответил рыцарь-джедай с едва заметной улыбкой.

– Совсем как Хот, – заметил Фарфелла.

Джоан решил принять его слова за комплимент.

* * *

– Отец мой умер, когда я был еще ребенком, – говорил Хеттон так тихо, что Занна с трудом разбирала его слова за стуком каблуков по отполированному до блеска мраморному полу. – Обремененная обязательствами новой главы нашего дома, мать предоставила мое воспитание слугам. Те прознали о моих особых талантах за много лет до того, как слух об этом достиг ушей моей матери.

– Наверное, они не рассказывали ей, боясь наказания, – предположила Занна.

Они с Хеттоном остались наедине. После представления в тронном зале, глава движения сепаратистов настойчиво предложил ей взглянуть на его обширную коллекцию ситских манускриптов и артефактов, расположенную в дальнем конце огромного особняка. Помимо прочего, он настоял на отсутствии вооруженной охраны. Чтобы скрасить время в прогулке по бесконечным, на первый взгляд, коридорам и залам особняка, Хеттон решил поведать Занне историю собственной жизни.

– Мать моя была сильной и опасной женщиной, – признался Хеттон. – Быть может, слуги и побаивались ее. Но каковы бы ни были причины, мне стукнуло уже за двадцать, когда она узнала о моем с Силой родстве.

– И как она отреагировала?

– В моих талантах она узрела инструмент, надобный для увеличения благосостояния нашего дома. Стоит упомянуть, что в этом вопросе ее не интересовали ни джедаи, ни даже ситы, однако, она желала найти кого-то, кто мог бы помочь мне отточить мои способности.

– Это было за много лет до того, как к власти пришло Братство Тьмы, – напомнил он Занне, прежде чем продолжить рассказ.

– Задав тут и там несколько осторожных вопросов и вручив кому надо немало крупных взяток и взносов, она, наконец, остановила свой выбор на дуру по имени Гула Дуан.

– И он стал твоим учителем?

– Звания учителя он не заслуживал, – ответил Хеттон с легкой горечью в голосе. – Всего лишь охотник за наградой и наемник, по счастливой случайности от рождения имевший способность касаться Силы. За свою жизнь он обрел понимание простейших приемов применения собственного дара, что позволяло ему силой мысли перемещать небольшие предметы и демонстрировать нехитрые фокусы. Но он не питал симпатии ни к ситам, ни к джедаям; Гула был единственно верен тому, кто платил больше кредитов. А семья моя могла предложить ему плату большую, чем та, о какой он только мечтал.

Они подошли к очередным двустворчатым дверям, которые, в отличие от предыдущих, были наглухо закрыты и заперты с другой стороны. Хозяин особняка протянул руку, приложив ладонь к поверхности двери, и закрыл глаза. Занна ощутила легкое дуновение Силы; замок щелкнул, и двери медленно распахнулись, явив взгляду сокровищницу Хеттона.

Комната за массивными дверями была наполовину библиотекой, наполовину музеем. Вдоль стен стояли стеллажи со старинными томами и свитками и бесконечные ряды древних инфокассет, в углу возвышался информационный терминал, над которым нависал большой дисплей. Вдоль центра комнаты строилась вереница длинных витрин, демонстрирующих коллекцию ситских ценностей, собранных Хеттоном за три последних десятка лет: необычные мерцающие амулеты, короткие кинжалы, инкрустированные драгоценными камнями, множество редких камней и кристаллов и с дюжину рукоятей разнообразных светомечей.

– Наставления Гулы позволили построить фундамент для дальнейшей учебы, но большую часть знаний я получил из книг и манускриптов, которые вы видите перед собой, – с гордостью заявил Хеттон.

Они медленно шли вдоль витрин, и Занна пыталась распределить внимание между словами Хеттона и занимательным собранием ситских артефактов. Она все еще ощущала цеплявшиеся за них тусклые лоскутки энергии темной стороны: поблекшие воспоминания о прежней небывалой мощи.

– Едва приступив к занятиям, я понял, насколько глуп был Гула. По моему настоянию, мать использовала все богатство и ресурсы нашего дома для поиска записей, предметов и безделиц, хотя бы отдаленно относящихся к темной стороне, дабы я мог постигать знания, не полагаясь на одного лишь моего «учителя».

Как вы уже догадались, большая часть того, что приходило к нам в руки, оказывалось бесполезным хламом. Но за годы поисков я получил в свое распоряжение несколько поистине редких и ценных приобретений.

Хеттон обернулся к стеллажам, с любовью проведя рукой по аккуратно расставленным томам.

– Хранящиеся в них знания позволили мне быстро обойти Гулу. И мать моя, понимая, что в нем мы больше не нуждаемся, вынесла наемнику смертный приговор.

Занна опешила и удивленно моргнула. Хеттон, увидев ее реакцию, позволил себе деликатно рассмеяться.

– Матерью всегда руководили амбиции и отточенный практицизм. Она неплохо потрудилась, скрывая мое существование от джедаев и ситов; если бы Гуле позволили уйти, он непременно раскрыл бы главный секрет нашего Дома.

– Необходимая смерть, – кивнув, согласилась Занна. Бейн, вероятно, сделал бы то же самое. Затем, осененная внезапной догадкой, она спросила: – Это ведь ты убил его, да?

Хеттон улыбнулся.

– Вы столь же догадливы, сколь могущественны. Когда мать отдала приказ, я был просто счастлив привести его в исполнение. Гула обременял нас и задерживал мои изыскания по природе темной стороны.

– Ты говоришь о матери так, словно она мертва, – заметила Занна. – Что с ней стало?

Хеттон прищурился, лицо его потемнело.

– Около пятнадцати лет назад, когда Каан только начал собирать Братство Тьмы, мать

попыталась убедить меня выйти из тени и вступить в их ряды. Она полагала, что Братство преуспеет в деле уничтожения Республики, и стремилась сплотить наш Дом с новой потенциальной силой Галактики.

Но я отказался примыкать к культу Каана. Тот ведь учил, что все, идущие по темной тропе, будут в Братстве равны – демократия ситов в действии. Я же находил подобную идею отвратительной, извращающей все то, что я знал, и во что верил.

Однако же, мать моя все так же помышляла о правительственных и политических альянсах. За время изучения темной стороны мирские интересы перестали меня привлекать, но мать не принимала никаких протестов. В конечном счете, я вынужден был ее устранить.

На сей раз Занна не удивилась.

– Она игнорировала твои желания и пыталась заключить союз с Братством, – сказала она, желая показать, что понимает – и даже одобряет – матереубийство Хеттона. – Она разоблачила бы тебя. Выбора не было.

– Я отравил ее во сне, – с долей сожаления пояснил Хеттон. – Спокойная смерть; я не желал ей страданий. В конце концов, я же не чудовище.

После неожиданного откровения Хеттона повисло неловкое молчание. Затем тот тряхнул головой и, как ни в чем не бывало, продолжил беседу, подведя Занну к монитору и информационному терминалу.

– С поражением Братства и реформацией Ордена джедаев, я стал смелее. В довершение к поиску знаний и артефактов древних ситов, я также стал собирать армию своих последователей. Под прикрытием сепаратистской клики, я вербовал к себе на службу людей, владеющих уникальными талантами и высоким мастерством. Мы все едины в ненависти к Республике и джедаям, однако я опасюсь разоблачения моей подлинной цели: воскрешения ситов!

– А теперь ко мне явились вы, – сказал он, подводя итог своему рассказу. Он нагнулся и вытянул из гнезда терминала инфокарту. – Время самое что ни на есть подходящее.

Занна не совсем поняла смысл его слов, но прежде, чем она успела задать вопрос, Хеттон вложил карту в ее ладонь.

– Что на ней?

– Вам известно имя Белии Дарзу? – спросил Хеттон. Занна покачала головой. – Она носила титул темного повелителя ситов и жила два столетия назад. Дарзу была приверженцем искусства ситской алхимии; поговаривали, что она открыла тайну «мечу-дери», способа слияния плоти живых существ с металлом и механикой. Она использовала эту технику, чтобы создать армию «технотварей»: гибридов живых тканей и дроидных механизмов, полностью подчиненных ее воле.

Занна смутно припомнила мимолетное упоминание о технотварях из своих уроков, но имя Белии Дарзу казалось таким же незнакомым.

– Многие полагают, что перед смертью Дарзу раскрыла секрет создания голокрона ситов, – добавил Хеттон, и мысли Занны мгновенно обратились к Бейну и всем его неудачным попыткам собрать хрустальный артефакт.

– В конечном итоге, Белию предали и убили ее же последователи, – продолжал Хеттон. – Заурядный момент в прочтенных мною книгах. Когда Дарзу умерла, то забрала с собой в могилу все свои секреты, хотя ходят слухи, что те по-прежнему хранятся в архиве ее цитадели на Титоне.

– Титоне? – воскликнула Занна, узнав название планеты. – Одной из планет Глубокого Ядра?

Глубокое Ядро являлось небольшим скоплением плотно примыкающих звезд, сконцентрированных вокруг черной дыры в самом центре Галактики. О мирах Ядра – таких планетах, как Титон – как правило, было известно лишь из мифов и легенд, или же из баек полубезумных исследователей, заявлявших, что побывали на тамошних землях. Непостоянство солнечных масс, огромные карманы антиматерии и гравитационные колодцы, настолько сильные, что искривляли пространственно-временной континуум, не давали почти

никакой реальной возможности проложить в данную область космоса безопасные маршруты через гиперпространство.

– Знаю, о чем вы думаете, – сказал Хеттон. – Я и сам поначалу питал немало сомнений. Но чем больше я узнавал о Белии, тем больше я находил доказательств в поддержку теории, что крепость ее стоит на Титоне.

– Даже если это правда, – возразила Занна, – никто не знает, как попасть на Титон.

– Я знаю, – сказал Хеттон, лукаво улыбнувшись. – Проводя исследования, я обнаружил координаты давно забытого гипермаршрута в Глубокое Ядро. Но я так и не решился пройти по нему. Побоялся, что цитадель Белии окажется неприступной. А потом я встретил вас.

– Не понимаю, какое отношение все это имеет ко мне, – сказала Занна.

– Многие годы я познавал темную сторону, но сила моя застыла в развитии. Мне не узнать что-то еще самостоятельно. Мне нужен новый наставник – способный сломить оборону крепости Белии и завладеть ее секретами.

– Хочешь стать моим учеником? – спросила Занна громким от недоверия голосом.

– Все, что мне известно о Белии Дарзу, включая маршрут на Титон, находится на этой инфокарте, – выпалил Хеттон. – Я вручаю ее вам как дар, как знак уважения и восхищения, как доказательство серьезности моего предложения.

– Да ты почти вдвое старше меня! – воскликнула Занна, все еще не придя в себя от такого поворота событий.

– Возраст не столь уместен в вопросах Силы, – попытался убедить ее Хеттон. – Ваша сила намного превосходит мою. Я прошу вас обучить меня тайнствам темной стороны. Взамен, я предлагаю вам доступ ко всем знаниям, что были накоплены мною за прошедшие тридцать лет.

– Да я сама еще ученица, – призналась Занна. – И мой учитель скорее убьет нас обоих, чем примет твоё предложение. Чтобы ситы выжили, должен быть один учитель и один ученик.

– Тогда как найдет продолжение династия ситов? – озадаченно спросил Хеттон.

– Когда я превзойду учителя, я убью его и займу его место, – объяснила Занна, машинально повторяя те истины, что вбивал в нее Бейн все последние десять лет. – Затем я найду собственного ученика, чтобы передать ему наследие темной стороны.

Хеттон на мгновение притих, обдумывая ее слова.

– Быть может, такой момент уже настал, – сказал он чуть слышно. – Вместе мы сможем положить конец правлению вашего учителя.

Услышав это, Занна не смогла сдержать смеха. Хеттон прищурился, уязвленный реакцией девушки.

– В моем распоряжении больше ресурсов, чем вы себе представляете, – сказал он и щелкнул пальцами.

Позади него, словно из ниоткуда, выросли два стража в красных плащах. Занна тут же опустила руку к эфесу светомеча, заподозрив ловушку. Она совсем не понимала, откуда появилась охрана; даже если те использовали маскировку, она должна была ощутить присутствие стражей в Силе.

Впрочем, охранники даже не пытались атаковать, и через мгновение Занна расслабилась и вопросительно взглянула на Хеттона.

– Как я и говорил, в моих рядах немало людей с уникальными талантами, – пояснил он. – В их числе восемь бывших студентов Академии ситов на Умбаре.

Занна знала от Бейна, что студентов на Умбаре обучали технике скрытности и навыкам убийства, учили использовать Силу для укрытия от всех возможных методов обнаружения. Вот почему она не смогла заметить их под самым своим носом.

– Если вы сделаете меня своим учеником, моя охрана присягнет на верность и вам, – сказал Хеттон. – Вы получите в свое распоряжение команду из восьми необузданных, скрытных убийц.

Занна молчала на протяжении нескольких минут, обдумывая все, что сказал Хеттон.

– Мы не можем рисковать и позволить джедаям узнать о нашем существовании, – сказала она, наконец. – Если ты станешь моим учеником, то ты должен забыть о своей прошлой жизни.

– Я и так не могу больше здесь оставаться, – напомнил Хеттон. – Пройдет немного времени, и Великие Дома узнают во мне основателя Антиреспубликанского Освободительного Фронта. Они конфискуют мое имущество и выставят меня предателем.

Я уже начал переводить всю свою библиотеку на инфокарты в ожидании отлета.

Занна мысленно взвешивала все за и против, на одну чашу весов поместив то, что она знала о силе и могуществе Дарта Бейна, а на другую – Хеттона и его восемь убийц-теней, пытаясь определить, какая из сторон имеет больше шансов на успех. В итоге, она так и не смогла с уверенностью предсказать, кто именно переживет столкновение, но решила, что это стоит выяснить.

– Как скоро ты и твои наемники сможете собраться?

– Мы можем вылететь в течение часа.

– А после смерти Бейна мы полетим на Титон?

– Если вы того пожелаете, учитель, – сказал Хеттон и поклонился.

Глава 15

Амбрию уже окутала ночь, но Дарта Бейна не тянуло в сон. Он сидел, скрестив ноги, у остатков лагеря, ожидая возвращения Занны со всем необходимым для восстановления их разрушенного жилища. Пока Бейн ждал, он размышлял над последней неудачной попыткой собрать голокрон.

Дилемма не предлагала простого решения. Стоит довести себя до предела возможностей, и тело подведет его, что неизбежно повлечет за собой огреху при ювелирной настройке матрицы голокрона. Если промедлить, сберегая силу, то он не успеет закончить работу, прежде чем когнитивная сеть начнет разрушаться. Две этих проблемы находились на диаметрально противоположных полюсах, и Бейн мучительно пытался отыскать способ сбалансировать требования времени и сил.

Последняя попытка заставила его перенапрячь силы, едва не высосав из него все соки. Но даже не допусти он критического промаха, что побудил коллапс матрицы, Бейн сильно сомневался, что смог бы вовремя внести финальные коррективы.

Чем дольше он обдумывал процесс, тем в большее отчаяние приходил. Он терпел поражение на обоих фронтах. Не мог уложиться в отведенный отрезок времени и испытывал недостаток в требуемой силе. Не мог завершить сборку без ошибок.

А может, самому процессу недоставало важной составляющей, неизвестной Бейну? Оставались ли еще секреты, которые, наконец, позволят ему сотворить голокрон, чтобы передать свою мудрость и все свои знания грядущим поколениям? Или все дело в нем самом? Ему просто не хватает сил? Его способность контролировать темную сторону еще меньше, чем у таких древних ситов, как Фридон Надд?

Мысль доставляла неудобство, но Бейн заставил себя обдумать такую возможность. Он читал истории о великих повелителях ситов; многие из них живописали подвиги, слишком невероятные, чтобы быть правдой. Но если те записи таили в себе истину, если одни его предшественники могли направлять темную сторону, уничтожая планеты и превращая солнца в новые, то Бейн не мог отказать себе в уверенности, что собственная его сила вполне сопоставима с возможностями тех, кому удалось создать себе голокрон.

Но сколько твоих сил поглощают облепившие тело паразиты?

Непрощенный вопрос был задан голосом его ученицы. Занна уже выражала опасения о том воздействии, которое могли оказывать на него орбалиски; возможно, она была права.

Бейн всегда считал, что побочные эффекты орбалисков – непрерывная боль, обезображенная внешность – компенсирует выгода, получаемая от паразитов. Они заживляли раны, наделяли физической силой и защищали от всех возможных видов оружия.

Но Бейн усомнился: а так ли все прекрасно, как кажется на первый взгляд? Хотя он мог направлять силу в паразитов, временно расширяя собственные возможности, по прошествии столь долгого срока те вполне могли его ослабить. Орбалиски ни на секунду не прекращали кормиться из ручейков темной стороны, что били из его вен. А что если, после десяти лет заражения, его способности притягивать Силу стали значительно меньше?

Эту мысль он уже однажды отверг. Но бесконечная череда неудач при сборке голокрона заставляла переоценить симбиотические отношения со странными ракообразными. Закрыв глаза, Бейн ощутил их жажду, тягу к Силе, что лилась сквозь него.

Внезапно в орбалисках проснулось возбуждение. Паразиты задергались и задрожали, колыхая плоть; Бейн почувствовал, как растет их ненасытный голод, как будто в ответ на близость свежего источника темных сил. Бейн огляделся, ожидая увидеть Занну, идущую к лагерю под светом полной луны. Вокруг было пусто; он не почувствовал никого и ничего – даже мелких зверьков и насекомых, являвшихся в ночь в поисках пищи, кружащих над головой или ползающих по песку. Как если бы привычное восприятие им окружающего мира померкло, или... было от него скрыто!

Бейн мигом вскочил на ноги и выхватил меч, клинок оружия с опасным шипением вырвался из эмиттера. Сумерки вокруг сита расколола вспышка алого света, осветив темноту и погребя под собой иллюзии, таившие невидимых врагов.

Лагерь окружили восемь фигур в красных одеждах, чьи черты скрывались за визорами шлемов. В руке каждый сжимал по длинному металлическому шесту с электроразрядником в наконечнике: излюбленное оружие умбаранских убийц-теней.

Обученные искусству устранения чувствительных к Силе противников, они отдавали предпочтение скрытности и элементу неожиданности. Бейн, разоблачив их светом меча, лишил наемников главного преимущества. И хотя противников было восемь, сит не колебался ни секунды.

Он резко снялся с места и избавился от первого убийцы в красном, прежде чем тот успел отреагировать. Единственный удар светомеча чуть выше пояса отделил верхнюю половину туловища наемника от нижней.

Семеро других окружили Бейна, выставив перед собой силовые пики. Бейн даже не пытался блокировать удары электричества, всецело предоставив свою защиту орбалисковой броне, пока сам продолжал наступать.

Столь неожиданная тактика повергла в замешательство двух из семи наемников, и те угодили прямо под секущий удар светомеча, мгновенно лишивший их жизни.

Оставшиеся пять почти одновременно накнулись на Бейна, силовыми пиками вогнав в его тело миллионы вольт электричества. Хотя орбалиски поглотили большую часть заряда, немалое его количество просочилось под броню, пронзив Бейна от корней зубов до кончиков пальцев на ногах.

Темный повелитель пошатнулся и упал на колени. Но наемники, вопреки ожиданиям, не стали заканчивать дело, а просто застыли на месте. Одна только мысль о том, что кто-то не крупнее банты может пережить прямой удар силовой пики на максимальной мощности (а, тем более, пяти таких пик одновременно), была уму непостижима. Секундное замешательство убийц дало Бейну шанс оклематься от последствий удара током и подняться на ноги – к немалому изумлению и ужасу нападавших.

– Занна в тебе не ошиблась, – возвестил чей-то голос у Бейна за спиной.

Бейн резко развернулся и увидел низкорослого человека лет пятидесяти, стоящего поодаль от лагеря. Одет тот был во все черное и держал в руке зеленый светомеч. Хотя, судя по хватке, уроков по обращению с экзотическим оружием он с роду не получал.

Рядом с незнакомцем стояла ни кто иная, как собственная ученица Бейна; она не спешила зажигать светомеч.

Она предала его! Бейн едва не зарывал от гнева. Его растущую злость еще сильнее подогревали химикалии, вводимые в кровь орбалисками.

– Настал день твоей смерти, Дарт Бейн, – произнес незнакомец и ринулся в атаку.

В то же мгновение в бой вновь вступили пятеро убийц-теней. Молниеносно развернувшись, Бейн выставил перед собой раскрытую ладонь, ударив по противникам энергией темной стороны. Как было принято у джедаев и у ситов, первым, чему обучали убийц-теней – это создание силового барьера. Особым образом направляя энергию, те могли окутать себя непроницаемым щитом, целью которого было отклонить силовые атаки врага. Но если противник был в меру силен, четко направленный удар все же мог пробить брешь в барьере. Дарт Бейн, темный повелитель ситов, определенно был силен не на шутку.

Два наемника остановились как вкопанные и тут же упали на землю, словно натолкнулись на невидимую преграду. Еще двое, послабее и менее устойчивые к удару Бейна, отлетели далеко назад. Только пятый оказался достаточно силен, чтобы выстоять против атаки и продолжить нападение.

Впрочем, без поддержки товарищей, которые должны были изводить противника и отвлекать его внимание, он принял на себя всю широту Бейного гнева. Он не продержался и нескольких секунд, не сумев защититься от яростных выпадов и замахов светомеча и получив не меньше полдюжины смертельных ран, пришедшихся в грудь и даже в лицо.

Пока четверо живых наемников пытались подняться на ноги, Бейн вновь повернулся к их главарю. Тип в черном благоразумно помедлил с нападением и стал собирать Силу. Стоило Бейну шагнуть в его сторону, незнакомец дал волю томящейся энергии, выпустив ее из руки длинным, тонким разрядом голубой молнии. Бейн подхватил ее светомечом: клинок поглотил разряд. Сит не преминул ответить, и ударил ураганом из нескольких дюжин извивающихся молний, устремившихся к противнику со всех возможных сторон.

Старик высоко подпрыгнул и сделал сальто назад, избегая смерти от электроразряда. Он приземлился на ноги в десяти метрах от того места, где стоял лишь секунду назад, и где теперь зияла маленькая дымящаяся воронка.

– Занна! – выкрикнул незнакомец. – Сделайте что-нибудь!

Но ученица Бейна не шелохнулась. Она стояла в стороне, выжидая и молчаливо наблюдая за схваткой.

Наемники снова набросились на Бейна. Не став прибегать к внешним ударам Силой, он позволил своему телу послужить проводником, превратив себя в живое воплощение темной энергии. Бейн закружил в рядах противника подобно урагану; клинок его, казалось, был везде одновременно: рубил, кромсал и рассекал врагов на мелкие кусочки.

Никто из четверых наемников не пережил атаки, хотя один сумел разок ударить пикой, прежде чем Бейн перерезал ему глотку: разрез был настолько глубок, что едва не снес голову несчастного с плеч. Зашедшись в гнев и ярости, Бейн отмахнулся от смертельно опасного электрического разряда как ранкор от укуса венн-жука.

Настал черед человека в черном. Медленным шагом Бейн направился к незнакомцу. Тот замер на месте, парализованный осознанием неизбежности собственной смерти.

– Занна! – главарь снова позвал девушку, выставив впереди себя светомеч и держа его вертикально, словно некий талисман, способный отпугнуть подступавшего беса. – Учитель! Помогите мне!

Бейн размахнулся, под локоть отрубив сжимающую меч руку мужчины. Тот завопил и упал на колени. Через секунду и голос его оборвался. Бейн нанес единственный сильный удар: клинок меча вошел в грудь мужчины чуть ниже сердца и на добрых полметра вышел из его лопатки.

Бейн извлек лезвие. Когда тело главаря упало лицом в грязь, темный повелитель приковал все внимание к своей ученице. Занна, замерев, наблюдала за ним.

– Ты предала меня! – взревел Бейн и накинулся на девочку.

Занна с интересом наблюдала за схваткой, тщательно подмечая и запоминая на будущее все детали тактики Бейна. Учитель с легкостью одолел и Хеттона, и всю его свару – как она и ожидала... хотя, в самом начале боя, Бейн был уязвим. Очевидно, орбалиски не могли целиком и полностью защитить его от электроразряда силовых пик – этот факт она также решила запомнить.

Когда схватка подошла к концу, учитель развернулся к ней. Занна ждала, что тот потребует объяснений, но Бейн лишь взревел и ринулся в бой. Ей едва удалось зажечь оба клинка, чтобы вовремя встретить неожиданную атаку.

Занна приняла защитную стойку, как часто делала на тренировках. Но сейчас наставник атаковал ее с такой скоростью и свирепостью, каких девушка прежде не замечала. Целиком отдавшись во власть насыщенной орбалисками ярости, Бейн обратился диким животным, со всех сторон поливая ученицу неистовыми ударами, столь частыми, что казалось, будто он одновременно орудует десятком клинков.

– Я вас не предавала, учитель! – крикнула девушка, пытаясь образумить Бейна прежде, чем тот рассекает ее на две половинки. – Я заманила сюда Хеттона, чтобы вы могли его убить!

Занна поднырнула под горизонтальный замах светомеча и тут же получила тяжелый удар под ребра. Она упала на землю и откатилась в сторону, едва увернувшись от очередного укола клинка. Парировав острый нисходящий удар, она подтянула под себя ноги и сделала обратный кувырок на дистанцию в десять метров.

– Да послушайте меня, учитель! – наконец крикнула она, теперь на достаточном расстоянии от Бейна. – Если я предала вас, то почему не помогла им сраааа!...

Бейн ударил в девушку мощным силовым толчком, заставив ее отлететь назад. Только барьер, который Занна инстинктивно подняла в последнюю секунду, не позволил ударной волне раздробить ее кости.

Она медленно встала и раскрутила перед собой светомеч, подняв непроницаемый защитный барьер. Но Бейн, не пытаясь преодолеть защиту, высоко подпрыгнул и приземлился практически к ней на голову. Занна искусно отклонила удар его меча, отведя клинок в сторону, и увернулась, не дав Бейну обрушиться на себя всем весом. Но стоило девушке развернуться, как Бейн двинул ей локтем в челюсть. От удара такой силы голова Занна запрокинулась. Тело обмякло, оружие выпало из вялых пальцев, и девушка рухнула на землю.

Перед глазами замерцали звезды. Когда зрение Занны прояснилось, взгляду предстал неясный образ Дарта Бейна, возведшего клинок в решающем ударе.

– Я ради вас старалась, учитель! – крикнула она, стараясь подавить пульсирующую в скуле боль. – Я хотела дать вам ключ к созданию голокрона!

Бейн замешкался, слова ученицы все же пробили брешь в накрывшей его завесе животной ярости. Он опустил взгляд на Занну, понемногу расставаясь с остатками ярости.

– Ты старалась ради меня? – с подозрением спросил он.

Занна быстро закивала, борясь с накатившим головокружением.

– Хеттон увидел во мне настоящего сита. Пришлось найти способ устранить его и охрану, чтобы сохранить в тайне наше существование.

– И ты привела их сюда, заманив меня в засаду? – протянул Бейн, не скрывая сомнения.

– Нужно было завоевать его доверие, – пояснила Занна, стараясь не тратить времени на лишние слова и запустив руку в складки одежды, достав врученную Хеттоном инфокарту. – Я убедила его отдать это мне, чтобы потом передать вам.

Она протянула пластинку учителю, про себя подивившись тому факту, что карта пережила все то, что учинил Бейн во время поединка. Учитель протянул руку, принимая дар, опустил светомеч и погасил клинок.

Он коротко кивнул и отступил на шаг, позволяя Занне подняться. Девушка подняла с земли свой меч и медленно встала. Голова все еще кружилась от удара локтем, а потому сложно было держать равновесие.

– Я знала, что вы одолеете их, учитель, – сказала Занна. – Именно поэтому я не пришла вам на помощь.

– А если бы ты ошиблась? – спросил Бейн тихо, с угрозой в голосе. – Если бы они смогли меня убить?

– Тогда вы проявили бы слабость, не могли больше зваться темным повелителем ситов,

– смело ответила Занна. – И заслужили бы смерти.

– Именно, – произнес Бейн, зловеще улыбнувшись, и Занна поняла, что учитель доволен.

Глава 16

Зима была все таким же новым – и не слишком желанным – явлением для жителей Руусана. Изначально Руусан обладал умеренным климатом, который регулировала и смягчала широко раскинувшаяся тайга, почти полностью покрывавшая поверхность планеты. Но в ходе затянувшегося конфликта между Братством Тьмы и Армией Света, миллионы гектаров древних лесов погибли, отчего обширная полоса северного полушария превратилась в необитаемую и бесплодную пустошь.

Самих по себе, разительных перемен в географических чертах планеты было недостаточно, чтобы вызвать столь значительный климатический сдвиг. Однако причиненный окружающей среде ущерб сделал Руусан уязвимым к ужасающим последствиям взрыва ментальной бомбы. Кааново оружие Судного дня образовало после себя мощный ураган Силы: невидимые глазу завихрения темных и светлых энергий, день ото дня изменяющие погодные условия планеты.

Как результат, даже в тех областях Руусана, где все еще стояли леса, снег – большая редкость в былые века – стал обыденным ежегодным явлением. Обычно, зимы длились всего по несколько месяцев, но были предельно жестоки к экосистеме, развивавшейся в гораздо более теплых условиях. Какая-то часть флоры и фауны Руусана, включая людей, по-прежнему населявших планету, сумела приспособиться к переменам. Другая просто погибла.

За минувшие годы Даровит понял, что существуют три правила выживания на лютom морозе. Первое правило: одеваться как можно теплее. Надетая на нем накидка с капюшоном была подарком от фермера, которого он избавил от запущенного грибка. Толстый свитер под накидкой достался Даровиту в качестве оплаты от одного горняка за залатанную ногу; мужчина по неосторожности раздробил ее собственным отбойным молотком. Собственно говоря, все, что он сейчас носил на себе – рубаха с длинными рукавами, плотные штаны, утепленные сапоги, отороченная мехом перчатка на левой руке и самодельная манжета, закрывавшая обрубок кисти – подарили ему местные, приходившие в его уединенное жилище за помощью «нелюдимого целителя».

Второе правило, которое следовало соблюдать, чтобы пережить зиму – это оставаться сухим. Даровит приучил себя следить за небом, и искал укрытие при малейшем признаке снегопада. Если позволить одежде намокнуть, гипотермия с легкостью сделает свое черное дело еще до того, как получится найти помощь – один из тех минусов, с которыми приходилось мириться, ведя одинокую жизнь в лесной чаще. Но Даровит слишком привык к уединению, чтобы от него отказаться.

В первые годы на Руусане он скитался по планете, ведя бродячий образ жизни и исследуя местные дебри, путешествуя от одного мелкого очага цивилизации к другому. Но научившись охотиться и добывать себе пропитание, он находил все меньше и меньше причин заглядывать в города и деревни.

Шесть лет назад он обнаружил, что устал от кочевой жизни. Подыскав себе подходящее прибежище под густым покровом плотно примыкающих деревьев, он соорудил простую хижину из глины и веток. Хижина давала ему ощущение прочности и стабильности, хотя по-прежнему позволяла наслаждаться спокойствием добровольной изоляции.

В радиусе десяти километров от его жилья не стояло ни единого людского поселения, и даже ближайшая колония прыгунов отстояла от хижины почти на пять километров. Но это вовсе не значило, что никто не заходил на огонек. Благодаря знаниям, почерпнутым от прыгунов, и собственному опыту, полученному из долгих скитаний, он стал неплохо разбираться в лекарственных травах и нетрадиционной медицине. Три-четыре раза в месяц Даровита посещал какой-нибудь местный, умолявший вылечить его от болезней и травм.

Даровит никогда не отворачивался от посетителей, и просил лишь, чтобы те в ответ уважали его уединение... хотя чаще всего пациенты, в благодарность за труды, дарили небольшие подарки – взять хотя бы нынешнюю его одежду.

Третье правило выживания при злых зимах Руусана: никогда не броди по лесу среди ночи. Пробирающаяся до костей температура, большая вероятность заблудиться и остаться без крова, и даже редкие для здешних мест хищники – все это превращало ночные прогулки в опасную и глупую затею.

И хотя сейчас царила глубокая ночь, Даровит аккуратно ступал по хрустящему, подернутому ледяной коркой снегу. Он оставил тепло хижины много часов назад, чтобы своими глазами увидеть подтверждение тех слухов, что донесли до него недавние пациенты.

Даровит зол?

– Нет, – прошептал он маленькому зеленому прыгуну, парящему рядом. – Простое любопытство.

По причинам, которые сам он не до конца понимал, прыгуны как-то особенно им увлеклись. Каждый день, до заката, один или два пушистых создания кружили над его жилищем. И каждый раз, когда он покидал свою хижину, по крайней мере одно из необычных существ пускалось следом.

Быть может, после спасения его из пещеры ментальной бомбы, они взвалили на себя ответственность за его здоровье? А может пушистиков тянуло к нему по причине сходных занятий: прыгуны облегчали душевные страдания больных и раненых, а Даровит делился врачебным даром со всеми, кто приходил к нему за помощью. Нельзя исключать и того, что его попросту находили интересным и забавным... Хотя, сказать по правде, Даровит не замечал за прыгунами особого чувства юмора.

Довольно быстро он привык к их компании. Прыгуны были добрыми спутниками, и, похоже, всегда ощущали, когда Даровит был настроен на разговор, а когда просто хотел остаться наедине со своими мыслями. В большинстве случаев близость созданий успокаивала и прогоняла тревогу, но отдельно взятые прыгуны умудрялись преуспеть в обратном. Юуун, молодая самка, что сопровождала его сейчас, похоже, питала большую слабость к болтовне, чем многие ее сородичи.

Даровит пойдет домой?

– Пока нет, – прошептал он.

Две из трех Сестринских лун Руусана полными кругами сияли в ночи, свет их отражался от серебристого слоя инея и белого покрывала снега, скопившегося в лесу за последние несколько недель. Пригнувшись, Даровит миновал подлесок, левой рукой опираясь на посох, а культей правой отогнув в сторону ветви, чтобы выглянуть наружу, не выдавая себя. Сквозь облачка пара от собственного дыхания он увидел картину, которая подтвердила правдивость всех слухов: джедаи вернулись на Руусан.

Даровит откровенно посмеялся, когда один из его посетителей впервые упомянул, что Республика взялась установить монумент в честь павших на Руусане бойцов. Даровит тогда сказал, что браться за такой проект уже абсолютно бессмысленно, ведь уже миновал десяток лет. Но он не мог отрицать того, что видел собственными глазами.

Большой участок земли на краю леса был расчищен от снега и мерцал при луне пожухлой мерзлой травой. Границы участка отмечали колышки и землемерные цепи; строительство уже началось. Глубокие борозды в земле, прорытые строительными дроидами для закладки фундамента, чудились Даровиту раной на теле самой планеты.

К строительной площадке свезли несколько дюжин огромных валунов, каждый из которых был доставлен на Руусан с родных планет погибших джедаев, которым предназначался памятник. По мнению Даровита, инопланетные камни были в здешних местах так же не к месту, как вуки в толпе джав: инородные гости попросту уродовали ландшафт Руусана.

– Они не имеют права здесь находиться, – злобно прошептал он.

Вреда не причиняют, – выказалась Юуун.

– Земля только начала возрождаться после их гребаной войны, – ответил он. – Люди целых десять лет пытались примириться с прошлым. Теперь джедаи хотят вскрыть старые раны.

Сенат решил. Не джедаи.

– Мне глубоко наплевать, что говорят на людях. Я знаю, что за всем стоят джедаи. Теперь жди проблем.

Проблем?

Юуун была слишком мала, чтобы помнить раздиравшую планету войну. Она не стала свидетелем бессмысленных смертей и страданий, что довели сотни колоний прыгунов до безумия. Раненые прыгуны, потерявшие всякую надежду на исцеление, распространяли вокруг мысли о боли и страданиях, атакуя и даже убивая прочих живых существ, пока их не вырезали специально снаряженные отряды джедаев.

– Джедаи с их войной едва не погубили Руусан, – сказал Даровит. – Погибло много мужчин, женщин и детей. Леса выгорели. А твоих сородичей едва не истребили.

Ситы развязали войну.

– Ситы не смогли бы воевать в одиночку. Им нужен был подходящий противник, и Хот с радостью натравил на них своих пособников-джедаев, – возразил Даровит, поражаясь, как мало прыгуны – и Юуун в частности – знают о собственном прошлом. – Обе стороны виноваты одинаково.

Даровит винит себя.

Это был не вопрос – констатация факта.

– Возможно, – признался юноша, опираясь на посох. – Но беды преследуют джедаев, куда бы те не явились. И я не собираюсь стоять в стороне и смотреть, как они убивают нашу планету во второй раз.

Если не принимать в расчет дроидов, стройплощадка была пуста; трудяги из плоти и крови работали при свете дня. Низко пригнувшись и держа посох рядом с собой, Даровит выбрался из под покрова ветвей.

Мир. Покой, – шептала Юуун ему вслед, пытаясь усмирить его гнев. Но она была еще мала, чтобы последовать за ним на поляну, и Даровит не обращал внимания на мольбы прыгуна, пока не вышел за пределы их телепатической связи.

Он был не силен в общении с Силой; отчасти, это не позволило ему проявить себя ни в стане джедаев, ни в рядах ситов. Но та малая толика близости с мистической энергией, что в нем все же таилась, позволила ему незамеченным пробраться на площадку и избежать внимания полуразумных строительных дроидов.

Дроиды, как правило, выполняли только простые, элементарные задачи. Основная часть работ по сооружению монумента ложилась на плечи рабочих, использующих тяжелую машинерию и грависани. Передвигаясь быстрыми шагами, Даровит подобрался к ближайшим саням и укрылся за ними.

Благодаря заранее проведенной подготовке, в карманах его накидки скрывался большой запас толченого тассового корня и две пригоршни измельченных лепестков шинтиловой лозы. Порознь две этих субстанции были вполне безобидны, но смешанные вместе и увлажненные, давали удивительную реакцию.

Здоровой рукой Даровит взломал панель техобслуживания грависаней, что находилась как раз под контрольным блоком, и запихнул четыре шинтиловых лепестка в репульсорные катушки. Далее, он бросил поверх лепестков щепотку тассового корня. И, наконец, в качестве финального штриха, зачерпнул ладонью пригоршню снега и, подождав, пока тот растает в тепле перчатки, окропил им гремучую смесь.

Стоило только воде стечь с руки, как послышалось едва слышное шипение и острый запах щелочи: оба элемента соединились и образовали крайне едкую пасту, принявшуюся разъедать репульсорные катушки. Даровит вернул панель ТО на прежнее место; из-под крышки заструились коричневатозеленые струйки дыма.

Весь следующий час Даровит занимался тем, что перемещался от саней к саням,

замирая на месте всякий раз, когда мимо, по заранее запрограммированным делам, сновал строительный дроид. К тому времени, как он вернулся к Юуун, все без исключения грависани были выведены из строя.

Временное решение. Они исправят.

– Репульсорные катушки не дешевы, – сказал Даровит. – И спрос на них большой. Это остановит их как минимум на неделю.

Что потом?

– У меня в рукаве есть еще пара-тройка трюков для наших друзей-джедаев, – заверил он кроху-прыгуна. – Это только начало.

Скоро рассвет. Теперь домой?

Даровит поднял глаза к небу и заметил слабый свет одного из двойных солнц Руусана, поднимающегося над горизонтом.

– Домой, – согласился он.

* * *

Три недели прошло с момента, как Занна вручила учителю инфокарту, что едва не стоило жизни юной ученице. Бейн потратил минувшее время на тщательное изучение содержимого карты, разбирая до мелочей каждую крупницу информации, что имела у Хеттона на Белию Дарзу. Большую часть сведений он сравнивал со своими источниками, чтобы установить подлинность свидетельств убитого им старика. И Бейн теперь был абсолютно уверен, что все, обнаруженное Хеттоном, чистая правда.

Эксперименты Белии в области ситской алхимии раскрыли секреты, позволившие ей окружить себя армией технотварей. Что впечатляло еще больше (по крайней мере, Бейна), Белия успешно создала свой голокрон. И имелось достаточно неоспоримых доказательств в пользу того, что ценный артефакт – хранилище всех знаний Дарзу – по-прежнему скрыт в ее цитадели на Титоне.

Бейн провел последнюю предстартовую подготовку своего корабля: нельзя было позволить какой-нибудь системе выйти из строя во время предстоящего путешествия. Гиперпространственный маршрут в Глубокое Ядро был нестабильным и опасным, и если что-то пойдет не так, на помощь никто не придет. Он умрет один в ледящем холоде, замерзшим трупом паря в металлическом гробу вокруг черной дыры в самом сердце Галактики.

Все системы «Незримого», похоже, работали без сучка и задоринки. Корабль, принадлежащий к одной из последних сейнаровских серий «Нарушителей», был истребителем средних размеров и дальнего радиуса действия. Бейн анонимно приобрел его через свою сеть теневых поставщиков. «Нарушители», спроектированные с расчетом на экипаж до шести человек, были оборудованы легким вооружением и минимальной броней, что давало модели преимущество в скорости и маневренности.

Плюс ко всему, «Незримый» был оборудован гиперприводом класса четыре, что позволяло кораблю обогнать любой встреченный на пути звездолет.

И хотя на борту нашлось бы достаточно места как для учителя, так и для ученицы, Бейн решил, что Занна не полетит на Титон. Но и на Амбрии она не останется.

Помимо изучения инфокарты, Бейн провел немало времени в раздумьях на тему орбалисков, намертво приставших к его плоти. Хотя не следовало исключать возможность, что на Титоне он обнаружит новые сведения, которые послужат ключом к созданию голокрона, была немалая вероятность того, что Белия преуспела в том самом методе, каким он руководствовался в своих неудачных попытках. Но Бейн не мог опровергнуть теории, что в провале его виновны орбалиски, вытягивающие силы темной стороны, необходимые для завершения сборки.

У него были и другие соображения. Уже дважды он впадал в неконтролируемую

ярость, забыв о причинах и помыслах в бездумном желании уничтожить все и вся на собственном пути. Сорвавшись в первый раз, он до основания разрушил лагерь: глупая и бессмысленная трата ресурсов.

Второй раз едва не стал фатальным. Убей он Занну, инфаркта Хеттона так и не нашлась бы. К тому же, пришлось бы искать себе нового ученика. Десять лет обучения – и все насмарку из-за приступа минутной ярости.

Занна спасла себе жизнь, пояснив мотив, стоящий за ее поступком. Она поступила в точном согласии с уроками учителя – это Бейн мог бы и сам понять. Но орбалиски затуманили его взгляд на хитроумные махинации девчонки, и теперь он ясно понимал, что свою грубую силу они давали в ущерб утонченности и коварству.

И потому, пока он будет на Титоне, лицом к лицу с опасностями затерянной цитадели Белии Дарзу, Занна возьмет на себя иное задание.

* * *

Корабль Хеттона был прекрасен. Построенный по спецзаказу крейсер, в длину достигавший восьмидесяти метров, мог с комфортом вмещать до двадцати пассажиров, но для полноценного управления им требовался лишь один-единственный пилот. Каждая деталь в конструкции и дизайне корабля была выполнена по точным спецификациям Хеттона, не поскупившегося на звонкую монету. Хотя звездолет мог похвастаться огромной огневой мощностью и армированной листовой броней, каких было достаточно, чтобы сразиться со средних размеров крейсером, внутри он был настолько шикарен, чтобы мог принимать сановников какой-нибудь планеты. Напрасно не был потрачен ни единый кредит: звездолет был в той же мере символом несметного состояния, сколь и средством передвижения. Занне не нравилось в корабле лишь одно: Хеттон назвал его «Лорандой», в честь собственной матери. Она потянулась и щелкнула парой тумблеров, поднимая корабль к верхним слоям атмосферы Амбрии и между делом изумляясь плавности взлета и податливости штурвала. Уже через два дня она сядет на Корусанте; вне сомнения, придется дать взятку администратору космопорта, чтобы тот не вносил ее визит в официальные записи. «Лоранда» по-прежнему была зарегистрирована на имя Хеттона, и прилет корабля наделает немало шума, если будет замечен соответствующими органами.

По удачному совпадению, власть предержащие с Серенно часто совершали внеплановые (а порой и анонимные) рейсы, даже на Корусант. Богачей не связывали нормы обычных республиканских граждан, и, изобразив из себя служанку, отправленную после посадки дать на лапу портовому администратору, она не вызовет ни грамма недоверия. Добраться до планеты, не привлекая чрезмерного внимания, будет самой легкой частью задания. А вот получить доступ к Архиву в Храме джедаев – куда как посложнее.

Бейн разыгрывал рискованную монету, отправляя ее в логово врага. Вот уже десять лет они скрывались от джедаев, а теперь она готовилась сунуться в самую гущу их Ордена. Но открыто оспорить решение учителя она не могла, ведь сама частично была за него в ответе. Именно Занна заронила в Бейна сомнение в надобности орбалисков, и теперь ее планы начали претворяться в явь. Наставник постановил – ради нее самой и ради ситов в целом – что должен избавиться от инвазии.

Ни единая запись в экспериментах Фридона Надда не давала свидетельств тому, что орбалисков можно удалить с носителя. Собственные изыскания Бейна в этом направлении также не смогли дать нужного ответа. Но Архив джедаев был величайшим собранием знаний во всей известной Галактике. Если решение и существует, то искать следует именно там.

Учитель принял все возможные меры предосторожности, чтобы скрыть истинную личность Занны на время посещения Архива. Через свою сеть таинственных информаторов и теневых контактов, он смог раздобыть список имен и биографий практически каждого члена Ордена джедаев. Из списка он выбрал единственное имя, подходящее цели: Налия Адоллу.

Налия была падаваном, по возрасту почти ровесницей Занны, и находилась под опекой Анно Вен-Чии, известного отшельника и по совместительству мастера-джедая с планеты Внешнего Кольца под названием Полюс. За прошедшую неделю Занна зафиксировала в памяти каждую деталь, касающуюся девушки, а также прошлое мастера Анно, чтобы успешно выдать себя за молодого джедая.

Легенда была такой: Занна заявит, что мастер увлечен изучением редкой породы паразитических организмов, что обитают под ледяной поверхностью Полюса. Страсть как желая сопоставить вновь открытую форму жизни со сходными образцами с иных миров, но, не решаясь оставить тишину и спокойствие родной планеты, он послал падавана собрать необходимые сведения в Архиве джедаев.

И все же, потребуется нечто большее, чем правдоподобная легенда, когда придется познакомиться с главным библиотекарем и взять разрешение на доступ к Архиву. Занна и Налия были одного возраста. Почти одинакового роста и одинакового атлетического сложения. У них обоих были длинные волосы, – хотя Занне пришлось перекрасить локоны в глубокий черный цвет, чтобы те совпадали с цветом волос джедайки.

Прошло уже пять лет с тех пор, как Налия покидала учительскую обитель на Полюсе, и потому почти не оставалось шанса, что Занна натолкнется на кого-то, кто признает в ней двойника. Но если внешность не сдаст ее с потрохами, оставалась лишь одна последняя, но далеко не маловажная деталь.

Во время задания Занна будет со всех сторон окружена служителями Света; если те ощутят в ней присутствие темной стороны, ей настанет конец. Все тайны, которые с таким трудом хранили они с Бейном, будут раскрыты. Все, ради чего они так тяжело трудились последние десять лет, все, чего добились, будет напрасно. Если ее поймут, то приговорят к смертной казни, а учителя найдут и убьют как животное.

Единственная возможность не допустить провала плана – использовать могущество ситского колдовства, чтобы скрыть свою силу и облачиться в «светлую» ауру. Заклинание было очень сложным, и по сей день Занной не опробованным. Оно требовало баланса в силе и точности, и за недели до предстоящего отлета она неустанно практиковала ситское колдовство. Но, несмотря на все старания, иногда концентрация ее терялась, и наружу проскальзывало подлинное «Я».

Теперь приходилось лишь надеяться на то, что если это случится на Корусанте, то поблизости не будет ни одного джедая.

Глава 17

Холодный ветер трепал ветви деревьев, температура снова опустилась ниже нуля, но Джоан благодарил Вселенную за то, что мог обратиться к Силе, греясь в ее тепле и отгоняя прочь накативший мороз.

Рыцарь-джедай был на грани нервного срыва. За последние недели работы по строительству монумента на Руусане почти не сдвинулись с мертвой точки, и виной всему то, что проект пал жертвой неизвестных вандалов.

Все началось с поломки грависаней, репульсорные катушки которых напрочь выело неким токсичным веществом, размазанным по их поверхности. Четыре дня ушло только на то, чтобы организовать доставку и установку новых запчастей.

При следующем инциденте все тяжелое оборудование оказалось покрытым толстым слоем сока неизвестного растения, оказавшегося невероятно клейким веществом. Перчатки, сапоги, и одежда рабочих быстро и намертво приставали ко всякой поверхности, какую они задевали; к счастью, никто не притронулся к клею голой кожей. Прошло немало часов, прежде чем удалось отыскать достаточно сильный растворитель, и целых два дня, чтобы отчистить липкую субстанцию с оборудования.

Поначалу Джоан хотел поставить нескольких человек из своей команды в качестве ночных сторожей. Но стройплощадка отстояла довольно далеко от населенных пунктов;

каждое утро рабочие прилетали на стройку на авиачелноке. Люди на охране остались бы в полном одиночестве, и если вандалы были при оружии, то их запросто могли ранить или убить. Именно поэтому Джоан решил не рисковать.

На несколько ночей после второго инцидента он нанял частную охранную команду для присмотра за стройплощадкой, в надежде, что те поймают диверсантов. Те ночи прошли без единого происшествия – предполагаемые вандалы, вероятно, испугались демонстрации силы. Но финансирование проекта было ограничено, а Джоан и так уже превысил бюджет из-за предыдущих задержек. В конце концов, он вынужден был разорвать контракт с охранным патрулем... и два дня спустя вандалы нанесли очередной удар.

Третий инцидент начался с того, что прибывшие рано утром люди обнаружили рассыпанную по всей стройплощадке едкую пыльцу незнакомого цветка. Как только вошло солнце, огромная стая крохотных птиц – десятки тысяч пронзительно голосащих созданий – накрыла площадку, слетевшись на аромат пыльцы. Птицы, которых было так много, что они целиком заслонили двойные солнца, налетали и кидались на рабочих, не давая тем продолжать строительство. И даже после удаления пыльцы, запах ее не уходил еще целых два дня, каждое утро притягивая птиц и заставляя людей прекращать работу.

Джоан решил взять дело в свои руки. Кто бы ни стоял за всеми «проказами», он был осторожен, а охранники, обходящие периметр, все время были на виду и не могли служить эффективным сдерживающим средством. Поэтому, на протяжении уже трех ночей, после того как рабочие забирались во флаер и возвращались в теплые кровати, Джоан оставался на стройплощадке, намереваясь поймать вандалов с поличным и привлечь виновных к ответу.

Будучи джедаем, он мог по несколько дней обходиться без сна, попеременно погружаясь в неглубокий, но успокоительный медитативный транс, позволявший ему не терять бдительности к происходящему вокруг. Джоан был твердо уверен: даже если нарушители вооружены или враждебны, опасность ему не грозит.

Он сидел на корточках за камуфляжной сеткой, надежно укрывшись в тени деревьев, окружающих стройку. Благодаря тому, что место засады располагалось на вершине невысокого утеса, смотревшего на площадку, а на глаза Джоан нацепил прибор ночного видения, наблюдение за местностью было довольно удобным занятием. Первая пара ночей прошла без происшествий, и Джоан уже начал бояться, что стоящие за атаками люди узнали о засаде. Если и сегодня ничего не случится, решил он, то придется избрать иные меры.

Где-то часа через два его терпение, наконец, было вознаграждено, когда в приборе ночного видения показалась одинокая фигура, крадущаяся из-за деревьев менее чем в сотне метров от утеса. Сбоку человек держал длинный, тонкий предмет, который с одинаковым успехом мог быть оружием, посохом, или и тем и другим вместе взятыми.

Джоан оглядел окружающее пространство, проверяя, не появился ли кто еще. Единственным, кто возник в поле зрения прибора ночного видения, был маленький зеленый шарик, парящий среди ветвей деревьев. Джоан узнал одного из руусанских прыгунов, и его пробрала невольная дрожь. Он помнил ужас, который создания вселили в джедаев после того, как могущественный ситский ритуал уничтожил их лесной дом и довел их до безумия.

Вполне логично, если за вандализмом стоят прыгуны. Чтобы защитить своих бойцов, Хот, в последние дни войны, отдал приказ убивать существ на месте, и от рук джедаев их полегли сотни. И хотя выжившие представители вида вернулись к мирному, проникнутому заботой о других существованию, никто не мог с уверенностью сказать, что те не точат зуб на дела давно минувших дней. Но это не могло объяснить роль неизвестного человека, медленно подбирающегося к строительной площадке.

Джоан одним махом выбрался из укрытия. Он знал, что прыгун, заведя его, скроется в высоких кронах деревьев. Если прыгуна не убить – чего джедай вовсе не собирался делать – то никак иначе до него не добраться. Но спутник создания едва ли умеет летать, а Джоан мог с уверенностью сказать, что нагонит любого не-джедая.

Джоан ринулся к жертве и человек повернул голову, предупрежденный громким хрустом сапог по сухому снегу. Джедай бегло взглянул на лицо под капюшоном, и понял,

что преследует молодого человека. Юнец отшвырнул посох и понесся к деревьям с развевающимися на ветру длинными одеждами, сберегавшими того от холода.

Джоану предстояло наверстать еще тридцать метров; благодаря Силе, дающей энергию его ногам, он рассчитывал покрыть расстояние всего за пару секунд. Но соперник передвигался с удивительной скоростью, и джедай внезапно понял, что саботажник, пусть и в самой малой мере, тоже был чувствителен к Силе.

На открытом пространстве Джоан смог показать лучшую скорость, но отставал на добрых десять метров, когда парень добрался до края поляны и нырнул в густой подлесок. Он срезал путь, всячески пытаясь стряхнуть преследователя: вилял из стороны в сторону, проскальзывал между плотно стоящими стволами деревьев, подныривал под колючие ветви и сломя голову сигал через толстые, торчащие из земли корни. Джоану, который был в тесном контакте с Силой, все же удавалось не отставать от юнца, то и дело уворачиваясь от веток и листвы, грозивших оцарапать ему лицо, и проворно огибая корни, которые, оступись он, помогли бы встретиться с землей.

Они мчались по лесу несколько километров, ни один из соперников не желал сдаваться на милость другому. Погоня закончилась, когда они вырвались на поляну с крохотной глиняной хижинкой посередине. Джоан осенило: диверсант, ослепленный паникой, инстинктивно бежал к дому.

Парень ринулся к двери, как будто надеялся сбежать, закрывшись в хижине. И вдруг остановился, осознав свою ошибку. Тяжело понутив плечи, саботажник застыл у двери, оставив все попытки убежать и смиренно ожидая, когда к нему осторожным шагом приблизится Джоан.

– Не думал, что кто-то угонится за мной в лесу, – сказал он, сдавшись и открыв дверь в свое крохотное жилище. – Можешь зайти и погреться.

Внутреннее убранство хижинки было простым, но опрятным, и двум молодым людям как раз хватило места, чтобы расположиться внутри, не ощущая стеснения. Единственным предметом мебели была крохотная спальная подстилка в углу. В центре хижинки, прямо в земле находился маленький очаг тепла, где тлели угольки. Джоан смог снять толстую зимнюю рясу и сесть на пол, подтянув по себе ноги.

Хозяин хижинки также избавился от теплой одежды, стащив с себя кипу разных поддевок, и присел напротив незваного гостя. Джоан предположил, что парню чуть больше двадцати, а, следовательно, тот всего на несколько лет младше джедая. Волосы паренька сбились в черный, всклокоченный клубок, а на лице темнела длинная, неряшливая борода; в глазах его горел дикий огонек. Но только когда Джоан заметил отсутствовавшую у юноши кисть правой руки, он понял, что тот ни кто иной, как хорошо известный руусанский «нелюдимый целитель».

– Ты знаешь, кто я? – спросил Джоан.

– Как видно, ты джедай, – ответил отшельник. – Я ведь не смог от тебя оторваться.

– Меня зовут Джоан Отон. Я отвечаю за проект постройки мемориала в честь тех, кто пожертвовал жизнью на полях Руусана.

Джоан помедлил, дав парню шанс ответить или хоть как-то отреагировать на его слова. Но отшельник тупо уставился в землю, положив здоровую руку на колено и зажав пальцами культю правой.

– Зачем ты повредил оборудование на стройплощадке?

Джоан едва ли ожидал, что отшельник сознается во всех своих грехах; в конце концов, джедай ведь не поймал его с поличным на месте преступления. Но тот, вопреки ожиданиям, легко признался:

– Я хотел остановить вас. Решил, что если отниму у вас достаточно времени и кредитов, то вы сдадитесь и вернетесь туда, откуда пришли.

– Зачем? – спросил Джоан, подивившись яду в голосе отшельника.

– Ваши нам на Руусане ни к чему, – огрызнулся паренек. – У вас нет права быть здесь!

– Я служил с генералом Хотом в Армии Света, – отозвался Джоан, стараясь оставаться

спокойным, невзирая на закипавшее в душе негодование. – Я видел смерть моих друзей. Я видел, как они жертвовали собой, чтобы избавить Галактику от ситов.

– Не надо травить мне байки о ситах, – осклабился отшельник. – И о джедаях тем паче. Я видел войну своими глазами. Я знаю все.

– Погляди, что твоя война сделала с планетой! – крикнул он обвиняющим голосом. – Каждый год тут идут снегопады, и с каждой зимой все больше животных гибнет от холода. Хотя после вашей как бы «победы» прошло уже десять лет, все живое на планете по-прежнему на грани вымирания. И все из-за вас!

– Мне жаль, что планета так пострадала, – сказал Джоан. – Но джедаи не могу отвечать за все на свете. Наибольший ущерб Руусану причинили ситы.

– Джедаи, ситы, все вы на одно лицо, – фыркнул отшельник. – Вы были так поглощены взаимной ненавистью, что не углядели последствий собственных действий. Как, например, ваш генерал, который сунулся в пещеру к Каану и компании, прекрасно зная, что тот взорвет ментальную бомбу, и взорвется она ни где-нибудь, а здесь.

– Хот пожертвовал собой, чтобы спасти других, – возразил Джоан.

– Ментальная бомба вообще кощунство! Хот должен был сделать все, что в его силах, чтобы не дать Каану ее использовать. Вместо этого он сам нажал на кнопку.

– У него не было выбора, – ответил Джоан, защищая бывшего наставника. – Взрыв ментальной бомбы уничтожил Братство и навсегда избавил Галактику от ситов.

Отшельник лишь громко рассмеялся.

– Значит, вы так думаете? Ситы исчезли? – он покачал головой и пробормотал: – Бедные, одураченные джедаи.

– О чем ты? – потребовал Джоан. Он ощутил, как ледяная хватка страха намертво сдавила все внутри. – Ты не веришь, что ситы погибли?

– Я знаю, что это не так, – ответил отшельник. – Один из темных повелителей выжил, и взял мою кузину себе в ученицы.

Джоан резко дернулся, словно получил пощечину.

– Кузину?

Это звучало безумно, совершенно невероятно. Но отшельник, несмотря на дикий взгляд, не казался Джоану больным.

– Как ты узнал?

– После того, как взорвалась бомба, я спустился в тоннель, чтобы поглядеть на ее останки, – прошептал отшельник, с мрачным видом вспоминая темные обрывки прошлого. – Я видел их там, мою кузину и повелителя Бейна. Он поднял к лицу культю правой руки. – В подарок они оставили мне это.

Мозг Джоана работал с удвоенной силой. Он вспомнил наемников, встреченных им после сражения, и рассказ о мастере-сите, жестоко покаравшем их напарников. И хотя чуть позже он отказался от своих подозрений и под давлением логики Фарфеллы списал со счетов свидетельства двух людей, но в глубине души всегда теплилась вера в то, что история беглецов чистая правда.

Не имея доказательств и улик, Джоан оставил все попытки обнаружить факт существования выжившего на Руусане мастера-сита. Теперь же, в стенах крохотной глиняной хижины, он нашел то, что ускользнуло от него десять лет назад.

– Ты видел сита по имени Бейн? – вскинулся Джоан, пытаясь вывести как можно больше. – Как ты узнал, что это он?

– Какое-то время я был в армии Каана, – еле слышно прошептал отшельник. – Мы все знали Бейна.

– Это... Это просто невероятно! – запинаясь, воскликнул Джоан, мигом позабыв о монументе и вандализме, который привел его к отшельнику. – Мы должны сообщить Совету джедаев! Нужно лететь на Корусант как можно скорее!

– Нет.

Отказ был произнесен таким бесстрастным и бескомпромиссным тоном, что Джоан на

мгновение опешил.

– Но... ситы все еще там. Нужно предупредить Совет.

Отшельник подернул плечами.

– Так предупреди их. Я не оставлю Руусан.

– Мне они не поверят, – сознался Джоан. – Они захотят выслушать тебя лично.

– Я уже видел, что бывает, когда воюют джедаи и ситы. И я не хочу снова в это влезать. Я не полечу на Корусант.

– Ты повредил собственность Республики, – напомнил Джоан. – Я могу арестовать тебя и отвезти силой.

Отшельник, в который раз, зашелся смехом.

– И что потом, джедай? Будешь пытаться меня, пока я не сознаюсь? Используешь свои способности, чтобы влезть ко мне в голову и заставить меня сказать то, что хочешь услышать? Тогда-то Совет тебе точно поверит.

Джоан нахмурился. Отшельник прав; Совет поверит ему только в том случае, если свидетель даст показания добровольно.

– Ты разве не понимаешь, что стоит на кону? – спросил Джоан, меняя стратегию. – Ты видел, что произошло, когда ситы собрали армию и развязали войну. Если пойдешь со мной сейчас, Совет прислушается к твоим предостережениям. Мы сможем найти повелителя Бейна и остановить его прежде, чем он соберет новых сторонников.

Говоря, Джоан проникал в разум отшельника Силой. Он не заставлял юнца согласиться с его предложением; это было бы неуместно. Убеждение с помощью Силы – мера временная, и по прибытии на Корусант от эффекта не осталось бы и следа. Тогда отшельник мог осознать, что им управляли, и стал бы совсем непокорным. Джоан же просто старался сделать так, чтобы парень чуть более охотно прислушался к его доводам, навевая покой и умиротворенность его мыслям. Он осторожно избавлял юношу от горечи и негодования, позволял ему оценить логику его слов, что было невозможно из-за накала эмоций.

– Бейн скрывается, – продолжал он. – Если его не найти, он обнаружит себя, когда соберет себе легионы ситов, и Галактика будет втянута в очередную войну. Но если ты пойдешь со мной, мы сможем убедить Совет начать его поиски. Помоги мне остановить сита, и новой войны не будет.

Отшельник долгое время не спускал с Джоана глаз, и, наконец, согласно кивнул.

– Если это предотвратит войну, я полечу с тобой на Корусант.

* * *

Заведующий Архивом джедаев оказался древним цереанином по имени мастер Барра-Рона-Бан.

– Добро пожаловать на Корусант, падаван Налия, – сказал он, с улыбкой поднимаясь из кресла, когда Занна вошла в его кабинет. – Как прошел полет от Полюса?

Личные покои мастера Барры выглядели почти так, как она себе представляла: крохотный стол захламляли огромные кипы журналов, рукописных заметок и инфокарт, сложенных аккуратными стопками. Неподалеку стояли дисплей с терминалом, которые, как Занна подозревала, имели выход на главный каталог Архива, что позволяло мастеру Барре обращаться к тому в любое время.

– Путешествие вышло долгим и не богатым на события, – ответила девушка.

Ее голос был спокоен и не выдавал напряжения, тогда как сердце билось со скоростью отбойного молотка. Иллюзия, которая выдавала ее за послушницу светлой стороны, до сих пор ее не подводила, но сейчас она была лицом к лицу с мастером-джедаем. Допусти Занна хоть малейшую ошибку, и все дело пойдет насмарку.

– Но было приятно выбраться в места потеплее, – добавила она.

Налия, в отличие от ее учителя, родилась не на Полюсе: она появилась на свет в

тропиках планеты Корсин.

Цереанин хохотнул, от чего его вытянутый лоб зашелся морщинками.

– Мастер Анно с тобой бы не согласился, я полагаю.

Занна в ответ коротко рассмеялась.

– Учитель шлет вам привет, – сказала она, вспомнив из личного дела, что Анно и Барра некоторое время учились вместе в Академии на Корусанте. – Вы не думаете навестить его на Полюсе?

– Боюсь, что не смогу себе этого позволить, – вздохнув, ответил джедай. – Архив требует моего неусыпного внимания.

– Мастер Анно предупреждал меня, что ваш ответ будет таков, – сказала Занна, улыбнувшись. – Он сказал, что вы используете любое оправдание, только бы снова не посетить Полюс.

– Далеко не все жаждут снега со льдом с азартом пин’Джани, – признался цереанин, лукаво подмигнув девушке.

Обмен любезностями закончился, и мастер вернулся в свое кресло. Он надавил одну из клавиш на терминале и вывел на экран длинную колонку текста.

– Я просмотрел ваш запрос на доступ к Архиву, – сказал он Занне, – и, думаю, мы сможем вам помочь.

Он снова нажал что-то на терминале и вставил в него инфокарту. Терминал загудел, загружая на носитель закодированную информацию.

– Архив доступен в любое время, днем и ночью, – сообщил цереанин. – Вы получите доступ к главному собранию, но, запомните, пожалуйста, что содержимое аналитических залов и зала с голокронами джедаев запрещено для просмотра.

– Не думаю, что мне они понадобятся, – заверила его Занна. – Мастер Анно очень ясно дал понять, какие сведения ему необходимы.

Терминал выплюнул инфокарту, закончив загрузку данных, и мастер Барра передал ее Занне.

– Вставьте карту в любой терминал архивного каталога, какой вам больше понравится. Оригинальные работы забирать нельзя, но вы свободны копировать все нужные вам материалы на этот диск для личного пользования.

– Я позволил себе загрузить для вас некоторые ключевые работы, которые могут пригодиться в исследованиях, – добавил джедай, в очередной раз улыбнувшись девушке.

– Благодарю вас, мастер Барра, – сказала Занна и поклонилась.

– Как долго вы собираетесь пробыть на Корусанте? – спросил он.

– Несколько дней, не больше, – ответила Занна. Она сомневалась, что сможет поддерживать иллюзию, которая скрывала в ней темную сторону, еще на день дольше. – Мастеру Анно не терпится продолжить исследования. Он хочет, чтобы я вернулась сразу, как только добуду необходимые ему сведения.

Цереанин понимающе кивнул.

– Разумеется. Но я все же надеюсь, что вы не будете проводить все свое время за изучением паразитов и симбионтов. Вам выпала редкая возможность окунуться во все знания и чудеса Галактики, и было бы обидно ею не воспользоваться.

– Я постараюсь, мастер Барра, – пообещала Занна, хотя не имела ни малейшего намерения задерживаться в Храме и секундой дольше необходимого.

– Удачи вам в ваших поисках, падаван Наля, – сказал библиотекарь, отпуская Занну.

В очередной раз кивнув, Занна развернулась и вышла из кабинета, еще больше уверившись в успехе своего задания. Если она смогла заставить мастера Барру, заведующего Архивом джедаев, признать в ней Налию Адоллу, то убедить в этом она сможет кого угодно.

Глава 18

«Незримый» с легким толчком вышел из гиперпространства. В обзорном окне кокпита

неясно обрисовались очертания большой планеты, находящейся от корабля всего в нескольких сотнях километров. Поверхность мира скрывалась под плотной массой перекатывающихся серых облаков. Бейн проверил показания навикомпьютера, сверяя их с координатами Титона.

Как и все другие планеты в Глубоком Ядре, Титон окружала завеса загадок и легенд. Одни источники утверждали, что джедаи посещали планету в эру Великой охоты три тысячи лет назад, чтобы очистить ее от грозных терентатеков – чудовищных созданий, питавшихся жизненной энергией чувствительных к Силе существ.

Легенды гораздо более древние называли Титон местом основания Ордена джедаев, датируя это событие двадцатью пятью тысячами лет до настоящего момента. Согласно данной легенде, жрецы и философы этой планеты обладали способностью общаться с мистической энергией, которую они называли Ашла – силой, представляющей все сострадание и всепрощение Вселенной. Приверженцам Ашла противостояла конкурирующая клика, черпавшая силу в Бога – в воплощении незамутненной страсти и чистых, необузданных эмоций.

Легенды гласили, что между двумя лагерями грянула великая война, победителями из которой вышли приверженцы Ашла. Первые рыцари-джедаи (предположительно, потомки людей, переживших войну) создали первые светомечи на церемонии посвящения. Много лет спустя, как сообщала легенда, некоторые из них покинули Титон и отважно пошли по нестабильным гиперпространственным маршрутам, чтобы разделить свою веру с жителями миров за границами Глубокого Ядра. И когда они вступили в контакты с другими цивилизациями и постепенно смешались с ними, Ашла и Бога стали более известны как светлая и темная стороны Силы.

Бейн не знал, насколько правдива легенда, но она, тем не менее, в очередной раз доказывала превосходство темной стороны и неизбежное падение Света. Хотя последователи Ашла предположительно одолели последователей Бога, темная сторона в итоге одержала верх. Титон, почитаемое многими место основания Ордена джедаев, теперь был цитаделью темных сил и служил домом для тайной крепости Белии Дарзу.

Бейн знал, что на Титоне еще могут оставаться люди: потомки древних джедаев, многие столетия прожившие в изоляции Ядра. Но он прилетел не за тем, чтобы искать их здесь, пусть даже те и существуют. Вооружившись информацией на инфокарте Хеттона, он направлялся напрямик в обитель Дарзу.

Оттолкнув от себя рулевую колонку, Бейн погрузил «Незримый» в облачную атмосферу планеты. Прорвавшись сквозь туман, он увидел поверхность цвета пепла; под нерушимым покровом серого и лишённого солнечного света неба бесконечной чередой тянулись безжизненные равнины.

Бейн взял курс на единственный объект, видимый на горизонте: массивную крепость с двумя башнями, целиком построенную из черного дюрестила, ведя корабль практически на бреющем полете в нескольких сотнях метров над землей.

Сооружение было квадратной формы, каждая его стена в ширину равнялась ста пятидесяти метрам. Крепость вырастала из земли на добрых тридцать метров, а единственным входом служили массивные, под двенадцать метров в ширину, ворота. По бокам фасада возвышались башни, тянущиеся к небу еще на десять метров.

Стоило Бейну достаточно близко подлететь к цитадели, как из ионных орудий на башнях вырвались залпы заградительного огня. Темный повелитель налег на штурвал, завалив «Незримый» на девяносто градусов на правый борт и едва избежав внезапной атаки. Если не считать технотварей, цитадель Белии должна была пустовать.

Бейн описал круг и пошел на второй заход к крепости, зафиксировав оружейные системы на одной из башен. Ионные разряды прогремели вновь, и сит, сделав бочку, ушел с линии огня, одновременно выстрелив из лазеров «Незримого», и на лету превратив башню в грудку оплавленного шлака.

При повторном облете сенсоры корабля не засекли следов жизненных форм; ионные

орудия, вероятнее всего, были частью автоматизированной защитной системы, активной, не смотря на срок в почти три сотни лет. Теория нашла подтверждение еще через двадцать секунд, когда Бейн применил тот же маневр с бочкой в попытке уничтожить оставшуюся башню; автоматика, как всегда, оказалась слишком предсказуема.

Он сделал еще два круга над цитаделью, прощупав окружающее пространство сенсорами и внимательно осмотрев глазами, чтобы убедиться в отсутствии новых угроз, и, наконец, повел корабль к земле и посадил его на выжженной земле неподалеку от входа в крепость.

Сняв с пояса светомеч, Бейн выбрался из кокпита и осторожной походкой двинулся к замку, вплотную подойдя к черным воротам. Нависшая над ним огромная взрывоустойчивая дверь не имела ни ручек, ни петель, ни видимой контрольной панели. Сконцентрировавшись, он приложил ладонь левой руки к поверхности ворот. С глухим ударом те взорвались, вогнувшись вовнутрь и громыхнув раскатистым эхом, которое прокатилось по длинному, темному коридору, ведущему в крепость.

Бейн переступил через порог, настороженно озираясь по сторонам в поисках возможных ловушек. Он ощущал вокруг силу темной стороны, и хотя не видел непосредственной опасности, но продолжал соблюдать осторожность.

Освещая путь светостержнем, он исследовал цитадель зал за залом, поднимая пыль, собиравшуюся в течение столетий. Когда-то сооружение служило военной базой, и большая часть его внутреннего пространства была отдана под бараки и столовые, необходимые для содержания армии. Но теперь все комнаты были пусты. Здесь не было даже бродячих хищников и насекомых, которых следовало ожидать в коридорах заброшенного здания. Но что именно не подпускало живность к крепости: энергия темной стороны, насыщавшая воздух, или нечто совершенно другое, Бейн не знал.

Проникая все глубже в крепость, он стал наткаться на алхимические лаборатории Белии. На длинных металлических столах лабораторных залов стояли запечатанные колбы, наполненные странного цвета жидкостями. Вдоль стен покоились пустые чаны, соединенные вместе спиральными стеклянными трубками, предназначенные для перегона или разделения различных смесей. В одной из комнат в склянках для образцов, надежно сохраненные на долгие века в бальзамирующей жидкости, плавали сердца и мозговые ткани тысяч существ различных рас. Еще одна лаборатория была отдана под записи и чертежи, сделанные Белией в процессе работ по преобразованию живых существ в органико-дроидных гибридов.

Бейн задержался в комнате, бегло просмотрев бумаги, прежде чем возобновить поиск. Он так и не смог разобрать зашифрованный почерк; требовалось отыскать архивы Белии, – а вместе с ними и голокрон, где хранились все ее знания, – чтобы попытаться понять ее эксперименты.

Ближе к торцу здания он натолкнулся на узкую лестницу, ведущую на подземные уровни. Единственное, о чем солгали исследования Хеттона, – так это о внутренней планировке цитадели, но Бейн ощущал силу, идущую из глубин под его ногами. Не оставалось сомнений, что источник темной энергии, подобно смогу, висящему в каждом помещении и каждом коридоре крепости, находится у подножия ступенек. Именно там, и Бейн знал это, он найдет святую святых Белии Дарзу.

Он осторожно спустился по лестнице. Внизу его встретил очередной длинный и узкий коридор, в конце которого виднелась маленькая, деревянная дверь. Из-за двери проглядывал лучик бледного, флюорисцентного света. В отличие от верхнего этажа, в эту комнату генераторы по-прежнему подавали электричество – еще одно доказательство ее немаловажности.

Бейн подошел к двери и застыл у порога. Ощутить, что ждет по ту сторону, не представлялось возможным; восприятие Силы подавляла огромная концентрация мощи темной стороны. Глубоко вдохнув, он легонько толкнул дверь и в ужасе воззрился на то, что предстало перед его глазами.

За дверью скрывалось помещение небывалых размеров: как минимум, пятьдесят метров в длину и около двадцати в ширину. В центре комнаты одиноко стоял пьедестал, на вершине которого покоилась маленькая, до боли знакомая четырехгранная пирамидка: голокрон Белии Дарзу. Но не он привлек внимание Бейна. Все помещение было до отказа забито армией технотварей.

Казалось, среди чудовищ нашли свое место выходцы из всех известных рас Вселенной: бал правил зверинец гуманоидов и животных из различных уголков Галактики, всех, как один, павших жертвой техновируса Белии. Большая часть живых тканей технотварей, когда-то представлявших собой видоизмененное сочетание плоти и высоких технологий, давным-давно разложилась и отпала. То, что осталось, было не более чем высохшими лоскутами кожи и сухожилий, облепившими кости, которые не рассыпались лишь по воле стержней, проводов и искривленных кусков металла.

Руки и кисти существ, передвигавшиеся на двух ногах, были заменены на выпиравшие из локтей лезвия, плоские и зазубренные. Создания размером побольше – такие, как технотварь-банта, замеченная Бейном в противоположном конце комнаты, или ранкор, стоящий неподалеку от центрального пьедестала, – были превращены в машины войны, с приживленными в плечи бластерными пушками и шипованной листовой броней вместо шкуры.

Из записей Хеттона Бейн знал, что техновирус поражает лобные доли мозга, превращая своих жертв в тупые автоматы, не способные на высшую мыслительную деятельность – страшная участь для любого разумного существа. Осевшие в комнате создания пребывали даже в более печальном состоянии. Все минувшие сотни лет жизнь в остатках мозга технотварей поддерживали лишь наногены техновируса, но неизбежная долговременная деградация ослабила их моторные функции и превратила их в пустые оболочки из сухих костей и еле ворочающегося металла.

Бейн предположил, что эта армия когда-то господствовала в залах и коридорах цитадели, охраняя от нападения и исполняя любые приказания своей госпожи. После смерти Белии (ее отравил наемник Ордена Микроза, когда между ними и Дарзу разгорелась вражда) они были брошены на произвол судьбы, не имея ни цели, ни приказов. Долгие годы технотвари мало-помалу стекались в подземное помещение по мановению энергий темной стороны, исходящих от голокрона – последней уцелевшей частички их госпожи. Подчиняясь основным инстинктам, создания покорно повиновались приказу, пока, наконец, всем скопом не обосновалась в одной-единственной комнате.

Всюду вокруг таилась жуткая тишина; голосовые связки несчастных созданий разложились еще сотни веков назад. Единственными звуками, исходящими от покачивающихся в нерешительности существ, оставались еле слышное жужжание механизированных суставов и клацанье ржавого металла по каменному полу. Время от времени твари с гулким лязгом задевали друг друга, неуклюже передвигая конечностями в попытке подобраться к голокрону. Но, не смотря на явный зов артефакта, никто из технотварей не решался подойти к пьедесталу ближе, чем на пару метров. Все существа сбились в плотное, скрежещущее кольцо: армия живых мертвецов ожидала приказов, которые не отдадут никогда.

Бейн перешагнул через порог комнаты, приготовив светомеч. Технотвари игнорировали его, не спуская пустых глазниц с голокрона.

Он осторожно миновал их ряды, с каждым шагом подбираясь все ближе к центру комнаты и мимоходом вычисляя количество существ. Сколько их? Полсотни? Сотня? Сосчитать было невозможно; тела, состоящие из ржавого металла и высохшей плоти, казалось, слились в одну мерзкую массу.

Бейн потянулся к пьедесталу в самой гуще тварей и внезапно остановился. Откуда знать, что произойдет, когда он возьмет голокрон. Склонятся ли существа перед ним, сочтя его за нового повелителя, или нападут на него в бездумной ярости, чтобы защитить свое божество? Была лишь одна возможность проверить.

Как только пальцы сита сомкнулись на голокрене, до его ушей тотчас донесся шум, заставивший резко отдернуть руку. Звук походил на стон давно почившего Бога, восстающего из могилы; сотни механизированных конечностей ожили и сердито зажужжали, когда чудовища обступили незваного гостя.

Бейн потянулся к Силе, и дюжина наступавших существ разлетелась на тучу крохотных осколков покореженного металла. Но другие хлынули вперед, волной погребя сита под собственной массой. Их ноги топтали и пинали его; увенчанные лезвиями руки кололи его, распростертого на полу. Но ни одна из тварей не могла пробить хитиновые раковины орбалисковой брони.

Подняв руку за спиной, Бейн без разбора махал светомечом, с каждым ударом отсекая руки и ноги существ. Не раздавалось ни единого вскрика, не проливалась ни единая капля крови – тела врагов лишились ее еще столетия назад, когда сгнила плоть. Единственными звуками, хоть как-то напоминавшими звуки боя, были собственное напряженное дыхание темного повелителя, звон металла, лежащегося на каменный пол, да редкие снопы искр.

Даже восстав в общей ярости, создания были медлительны и неуклюжи. Яростные удары Бейна помогли расчистить пространство, достаточное, чтобы можно было подняться на ноги. Он встал с пола, встретив напор очередной волны существ, и пропустил через наступавших врагов разряды голубых молний. Вспышки электрических разрядов зазмеились по полуметаллическим телам; нанотехнологические приспособления, придававшие тварям движение, вдыхавшие в них жизненную силу, пустили дым и расплавились, опрокинув на пол еще дюжину противников.

В спину Бейна неожиданно пришелся тяжелый удар: металлический ранкор отшвырнул его взмахом огромной когтистой лапы. Бейн налетел лицом на нечто, однажды бывшее человеком, и технотварь раскрыла рот, пустив ему прямо в лицо облако крошечных металлических спор.

Непроизвольно вдохнув споры, Бейн разрубил существо по диагонали, от плеча до бедра. Он ощутил внутри техновируса, наногены спор которого пытались добраться до мозга, чтобы выесть лобные доли и приступить к процессу трансформации его в одно из омерзительных созданий, которое не было ни дроидом, ни живым существом.

Не успев обратиться к Силе, чтобы спастись от мрачной участи, Бейн ощутил прилив жара, разогревший кровь: орбалиски пустили по венам жгучий секрет, чтобы уничтожить микроскопических захватчиков. Череп запылал огнем; сердце прокачало палящую кислоту через сонную артерию и прямо в капилляры мозга, и Бейн почувствовал, как в жаре мгновенно слабеют и умирают наногены.

Используя головную боль для усиления ярости, Бейн подскочил к ранкору и запрыгнул ему на спину, ударами светомеча выбив из-под огромного монстра обе металлические ноги. Лазерные пушки на плечах создания пытались выстрелить в сита, но за минувшие две с лишним сотни лет со дня их сборки энергоячейки растеряли весь свой заряд и выдавали лишь едва слышимые щелчки. Туловище ранкора повалилось на пол, но лапы все еще тянулись к Бейну; пришлось отскочить от клешней, потом подтянуться и отсечь лапы на уровне плеч.

Разделавшись с ранкором, он использовал Силу, чтобы испепелить еще двух технотварей, и вдруг почувствовал, как что-то соприкоснулось с его ногой. Сит опустил взгляд и увидел, что челюсти ранкора сомкнулись на его сапоге в попытке отгрызть ему ногу. В очередной раз орбалисковая броня предоохранила его от повреждений, и Бейн отделил голову ранкора от тела, с облегчением отметив, что тот, наконец, замер в вечном покое.

В комнате по-прежнему оставались дюжины и дюжины мерзких существ, заходящих на темного повелителя со всех сторон. Бейн уже понял, что технотвари не смогут нанести ему существенного вреда, но знал, что те не остановятся, пока он не покрошит каждого на маленькие кусочки.

Резня длилась больше часа. Бейн использовал светомеч, методично расчлняя

противников, и с помощью Силы снимал утомление в руках, ногах, плечах и спине. Три раза в ходе односторонней схватки он терял концентрацию: боевые инстинкты отказывались внимать раздражающей тишине падающих замертво врагов. Каждый раз, теряя внимание, он падал на пол под натиском одного из неповоротливых существ, подбиравшегося достаточно близко, чтобы нанести удар, и вынужден был с боем возвращать себе свободное пространство. Еще два раза ему приходилось мириться с пожаром в мозгу, когда орбалиски очищали его организм от очередного облака наногенов, вдохнутых в горячке сражения.

К тому времени, когда бой подошел к концу, каждая мышца его тела изнемогала от боли. Усилия, затраченные на рассечение нескольких сотен кубических метров металла, вызвали в памяти долгие смены, проведенные в юности на рудниках Апатроса. От стены к стене комнату устилали конечности, туловища и головы технотварей. Побоище было сносно лишь от того, что не оставило после себя крови и плоти.

На непослушных ногах Дарт Бейн медленно расчистил дорогу к центру комнаты, пинками разбрасывая в стороны органико-дроидные останки. Он погасил светомеч и повесил его на пояс. Пошатываясь, он потянулся вперед, и схватился за края пьедестала, когда внезапной судорогой свело ноги.

Стиснув зубы, он налег на пьедестал, пытаясь уменьшить напряжение в онемевших мышцах. Тяжело дыша, Бейн собирал воедино крохи того, что осталось от его способностей, чтобы восполнить силы. Спустя несколько минут спазмы начали стихать и он смог осторожно подняться.

Его тело и дух были опустошены и измотаны; умнее всего было бы отдохнуть, прежде чем приступить к изучению голокрона. Но он зашел слишком далеко и выстрадал слишком много, чтобы и дальше откладывать погружение в тайны хрустальной пирамидки.

По-прежнему сжимая края пьедестала, мастер-сит пристально взглянул на артефакт, направив всю волю на то, чтобы зажечь в нем огонек жизни. Мало-помалу тот начал переливаться слабым внутренним светом темно-фиолетовых тонов и Бейн улыбнулся.

Очень скоро все секреты Белии Дарзу будут принадлежать ему.

Глава 19

– Я думал, ты давно уже оставил эту безумную мысль, Джоан, – сказал Фарфелла, разочарованно покачав головой.

– Она не безумна, – настаивал Джоан. – Сит был там, мастер. Он видел его собственными глазами!

Фарфелла вздохнул, поднялся с кресла и начал мерить шагами комнату, описывая круги по ковру своих личных покоев. Джоан решил не вставать, попытавшись, не выходя из себя, подобрать аргументы, основанные на логике и здравом смысле.

– И как только Хот справлялся с твоим упрямством? – спросил Валентайн, остановившись и раздраженно вскинув руки.

– Просто вы иначе смотрите на вещи, – заметил Джоан. – Хот часто обвинял меня в излишней пассивности.

Фарфелла снова покачал головой и вернулся в кресло.

– Ты уверен, что словам юноши можно верить? – спросил он, намекая на двух наемников, которых Джоан хотел призвать к ответу десять лет назад.

Джоан кивнул.

– Все детали его истории проверены и совпадают. Сейчас он зовет себя Даровитом, но тогда он был известен под прозвищем «Томкет». Записи подтверждают, что он был завербован на планете Сомов Рит Торром Снапитом, и вместе с двоюродными братом и сестрой собирался вступить в Армию Света.

– Его кузина – та самая девочка, которая, как он утверждает, лишила его руки?

– Она была девочкой десять лет назад, – заметил Джоан. – Теперь она девушка. Кузину зовут Рейн. Она потерялась во время атаки ситов вскоре после прибытия на Руусан. Рейн

пропала без вести и предположительно считалась погибшей, но, должно быть, этот Бейн нашел ее и взял в ученицы.

– Я уже слышал это имя, – признался Фарфелла, откинувшись на спинку кресла. – Его называли при допросе сообщники ситов, которых мы взяли в плен. Если я правильно помню, он одним из последних вступил в Братство.

Джоан кивнул.

– Даровит сказал то же самое. Он утверждает, что Бейн никогда не хотел идти за Кааном. Если он отказался присоединиться к членам Братства, собравшимся в пещере, то это объясняет, как он пережил взрыв ментальной бомбы!

– Вполне вероятно, – согласился Фарфелла. – Но как Даровит узнал Бейна?

– Он переметнулся к ситам ближе к концу войны.

Фарфелла снова всплеснул руками.

– Перебежчик, Джоан? Предатель джедаев? Совет никогда не поверит!

– Именно поэтому его рассказ выглядит так правдоподобно, – парировал Джоан. – Если бы он лгал, то мог бы с легкостью найти объяснение тому, каким образом узнал повелителя Бейна. Но он открыто признался мне в своем преступлении, потому как решил, что настало время сказать правду.

– Интересно, почему он так решил? – заинтересовался Фарфелла. – В твоём рапорте говорится, что все десять лет он жил на Руусане и занимался целительством. Отчего он так внезапно решил покаяться в грехах?

– Когда я беседовал с ним на Руусане, я убедил его в реальной опасности ситов. Он захотел остановить Бейна до начала очередной войны.

Фарфелла вздернул бровь.

– Ты убедил его? Десять лет молчания, потом одна встреча с тобой, и он уже рвется на передовую? Как именно ты этого добился?

– Я не использовал Силу, – запротестовал Джоан. – Ну, не совсем. Я не прибежал к Силе, чтобы подчинить его своей воле. Я только помог ему прислушаться.

– Ты даже не представляешь, во что меня втягиваешь, – сказал Валентайн, массируя висок.

– Я всего лишь прошу вас поговорить с ним с глазу на глаз, мастер, – взмолился Джоан. – Послушайте, что он скажет. Прислушайтесь к нему, и потом уже решайте, готовы ли вы представить его Совету.

– Так и быть, Джоан, – сказал Фарфелла, кивнув. – Я поговорю с ним. Где он?

– Он захотел узнать о целительных техниках нашего Ордена, – пояснил Джоан. – Мастер Барра предоставил ему доступ к Архиву.

Валентайн ударил руками по бокам и поднялся из кресла.

– Тогда нам нужно найти его, пока я не передумал.

* * *

Основное собрание Архива джедаев было распределено по четырем длинным залам, расположенным внутри огромной центральной ротонды. Каждый зал вмещал в себя широкий главный ряд с сотнями отходящих от него меньших рядов. Вдоль этих рядов стояли стеллажи: триллионы инфопленок и инфокарт, упорядоченных по категориям, заголовкам и подзаголовкам. Доступ к дискам предполагалось получать через терминалы, стоящие вдоль центральной линии всех главных рядов. На каждый терминал был вынесен алфавитный указатель, призванный упростить поиск по определенной тематике. А чтобы придать вещам еще большую доходчивость, каждый зал был отдан под знания хоть и определенной, но очень широкой тематики.

Первый зал, который миновали все посетители, входя в Архив из Храма джедаев, содержал работы по философии и истории. На стеллажах можно было найти личные записи

джедаев, политических лидеров и исторических личностей. Также в секции размещались основополагающие научные труды по исследованию Силы, – хотя падаванам запрещалось притрагиваться ко многим из этих работ, так как ученики могли неверно истолковать изложенные в них сведения и исказить свое мировоззрение.

Следующий зал был посвящен математическим и инженерным дисциплинам (таким, например, как теории пространства-времени и гиперприводных построений), поэтажным планам официальных правительственных сооружений, и детальным чертежам дизайн-проектов транспорта, оружия и всех известных приспособлений, когда-либо произведенных в Галактике. Третий зал был целиком и полностью ориентирован на географию и культуру миллионов известных планет. На его стеллажах преобладали карты, как планетарные, так и межзвездные, и подробные описания всех когда-либо изученных цивилизаций, погибших и ныне живущих.

Однако Занна (по-прежнему под прикрытием Налии), шла в зал номер четыре. В этом зале посетителей ждала информация по зоологии и исследовательские работы, затрагивающие едва ли не все известные жизненные формы Галактики. Занна провела в Архиве уже три дня, но так и не нашла того, что искала. Материалы, загруженные на ее карту заведующим, помогли хоть как-то сузить параметры поиска, но обнаружить конкретный кусочек информации в безбрежном океане знаний было совсем непростой задачей.

Если обратиться за помощью к мастеру Барре, или позвать дроидов-аналитиков, снующих по Архиву, прямо спросив про орбалисков, поиски можно немало ускорить. Но это пошло бы вразрез с легендой и могло привлечь к ее персоне много ненужного внимания. А потому Занна вынуждена была искать информацию, пользуясь теми навыками, что приобрела за штудированием книг под надзором Бейна.

Ее трудами удалось обнаружить несколько тысяч статей и описаний экспериментов, имевших незначительные отсылки к орбалискам, но она еще была далека от того, чтобы найти хотя бы одно упоминание об удалении паразитов без последующей смерти носителя. Занна понимала, что теряет драгоценное время. Сегодня, на пути через первый зал к центральной ротонде, она твердо решила, наконец, найти то, за чем пришла.

В Архиве было относительнолюдно, но главные ряды залов были достаточно широки, а стеллажи настолько многочисленны и плотно заставлены, что Занна никогда не ощущала давления толпы. Это позволяло ей продолжать поиск, не боясь того, что кто-то случайно застанет ее за работой.

Войдя в ротонду, Занна кивнула одному из дроидов, и повернула направо, к четвертому залу. Ее путь проходил мимо бронзиевых бюстов, чтивших могущественных и достойных памяти джедаев многолетней истории Ордена. Занна остановилась, как всегда, у бюстов Потерянных: двенадцати членов Ордена, которые по собственной воле разорвали обеты рыцарей, и приняли решение навсегда покинуть ряды джедаев.

Потерянные напоминали джедаям о том, что, не смотря на всю их мудрость и навыки в Силе, они далеко не безгрешны. В каждом из Потерянных джедаи видели промах всего Ордена, а не слабину отдельно взятого индивида. Металлические диски под бюстами подробно излагали послужные списки рыцарей и мастеров, восхваляя то, чего он или она достигли и чему поспособствовали, прежде чем снять с себя ранг джедая. Однако, что любопытно, ни одна из табличек не указывала причины ухода.

Занна покачала головой и отправилась дальше. Будучи ситом, она не видела ни единой причины восхвалять кого-то, кто предал свои идеалы... хотя теперь, с одним учителем и одним учеником, ситы превратились в нечто совершенно отличное от раздутого сверх меры Ордена джедаев.

Девушка прошла по четвертому залу и присела за уединенный терминал в конце центрального ряда. Она вставила в слот персональную инфокарту, которую дал ей мастер Барра, вошла в каталог Архива, и возобновила поиски с того места, где остановилась вчера.

Собрав список ссылок, Занна ввела пароль, закрыв свой терминал от других

пользователей, и отправилась к стеллажам, чтобы взять полдюжины инфокарт и изучить их подробнее. К слову сказать, инфокарты в Архиве были почти вдвое больше ее персональной карточки; каждый диск вмещал в себя полные тексты сотен – если не тысяч – различных источников.

Пять долгих часов она вела поиски, не позволяя себе ни минуты покоя. Снова и снова она приносила инфокарты к терминалу и тщательно просматривала их содержимое, лишь для того, чтобы не найти ни единого нового слова. Злясь из-за ощущения собственного бессилия, она вынимала карты и составляла новый список возможных источников, после чего возвращалась к стеллажам, чтобы сменить старые карты на те, от которых можно было ждать лучших результатов.

В конце концов, протестующее урчание в животе напомнило Занне, что неплохо бы взять перерыв. Если она отвлечется – слишком устанет, проголодается – то чары ее ослабнут, открыв всем ее истинный облик. Один раз такое уже случалось, – в первый день, когда она довела себя до полного изнеможения, проработав до поздней ночи. Слабина длилась мгновение, – секундная слабость, – но этого могло быть достаточно, чтобы судьба вынесла ей приговор. К счастью, в тот поздний час Архив был практически пуст, и никого не было рядом, чтобы заметить сита в стане джедаев. С тех пор Занна вела себя осторожнее.

Напоследок оставалось проверить еще одну инфокарту; после этого она пойдет в столовую и вернется только тогда, когда утолит свой голод. Занна вставила карту в терминал и беглым взглядом пробежалась по содержимому. Найдя то, что искала, она нажала на клавишу; на экран выползла страница с текстом из академической работы.

«Анализ и исследование наиболее опасных и жизнеспособных организмов», автор: доктор Осаф Хамуд.

«За годы практики мне довелось столкнуться со многими формами жизни, существование которых сводится, главным образом, к симбиотическим взаимоотношениям, устанавливаемым с представителями иных видов. Некоторые из данных отношений подразумевают под собой комменсализм, из чего следует, что один вид, в сколь угодно значимой мере не влияет на существование другого. Иные отношения являют мутуализм, как следствие, позволяя обоим видам получать взаимную выгоду из совместного существования. Нельзя забывать также и об отношениях паразитических, в коих случаях страдает организм-носитель, в то время как симбионт питается и растет.

Разумеется, чтобы должным образом отнести всяческое проявление симбиотических отношений к одной из трех вышеописанных категорий, нам необходимо для начала дать точную характеристику таким словам, как «вредный» и «полезный», в чем многие видят...»

Занна дважды сморгнула, прогоняя накативший ступор. Основное собрание Архива включало в себя все: начиная с журналов исследователей, читать которые было не менее интересно, чем хорошо написанные романы, и заканчивая научными документами, настолько сухими и скучными, что могли испытать терпение мастеров-джедаев. Работы доктора Осафа Хамуда, определенно, относились к последним.

Одно мгновение Занна собиралась просто вытащить инфокарту и отправиться на поиски еды, но затем решила запросить поиск по слову «орбалиск». По экрану пробежала дюжина страниц, и текст замер на подходящем параграфе.

«...зовутся «орбалисками» коренной популяцией никто. Один из воинов изложил подробную историю собственного заражения, продлившегося почти год, прежде чем тот избавил себя от созданий, так как те настолько обезобразили его внешний вид, что он не мог найти самку.

Данный случай возвращает нас к уже обсуждавшейся дилемме о том, каким образом можно провести черту между вредом и пользой. Пересматривая предыдущую дискуссию, мы теперь должны включить в наше обсуждение желание обретения самки...»

Занна метнула взгляд к верху экрана.

«...Один из воинов изложил подробную историю собственного заражения, продлившегося почти год, прежде чем тот избавил себя от созданий...»

Отчаявшись, она набрала новую фразу и снова нажала «поиск».

«Фактом, общепринятым большинством зоологов, является мнение о том, что орбалиски не могут быть удалены, не вызвав при этом смерти носителя. Однако мои собственные исследования обнаружили, что зараженный носитель все же может быть излечен, хотя процесс этот в одинаковой степени опасен и невероятно сложен, о чем мне еще не раз придется упомянуть.

В первую очередь, носитель должен обладать исключительным здоровьем. Как вы можете предположить, само значение слов «исключительное» и даже «здоровье» следует толковать...»

Она нашла. Она нашла! Занна вскочила на ноги, в победном жесте вскинув сжатый кулак и едва сдерживая громкий ликующий крик. И в момент восторга заклинание, скрывавшее ее истинную суть, исчезло.

Занна мгновенно восстановила контроль и огляделась по сторонам, надеясь, что никто не заметил. С быстро колотящимся сердцем она вставила в терминал инфокарту, чтобы скопировать статью об орбалисках.

Сзади раздался голос:

– Рейн? Ты что тут делаешь?

* * *

Даровит бродил по широкому ряду четвертого зала Архива джедаев, замороженный обширным кладезем знаний, покоившимся на стеллажах.

Он попытался было взглянуть на информацию о коренных флоре и фауне Руусана в надежде расширить свои познания, чтобы с большим умением помогать пациентам. Но он, как оказалось, давно отвык от новшеств, и был обескуражен технологиями Архива. Дроид-аналитик объяснил ему, как пользоваться системой поиска и сбора данных, позволявшей обращаться к записям на стеллажах, но лаконичная инструкция еще больше запутала Даровита.

Руку помощи можно было попросить и у других посетителей. Но, умея ценить собственное уединение, Даровит не желал отрываться от работы других. В итоге, все, что ему оставалось – это бродить по ряду, ожидая возвращения Джоана.

Даровит уже начинал сожалеть о решении лететь на Корусант. Он пошел на поводу пылких слов рыцаря-джедая; одна мысль о том, что он остановит новую войну против ситов, пробудила в душе те самые романтические порывы, что подростком привели его на Руусан. Но те мечты принадлежали ребенку; теперь он стал старше, мудрее.

Джедаи относились к миру, частью которого он не являлся. На их плечах лежал груз ответственности за всю Галактику, а решения влияли на миллионы жизней. Даровит не хотел такой ответственности. И сейчас, в окружении роскоши и величия Архива, все, чего ему хотелось, – это вернуться в свою простецкую хижину в лесу.

К несчастью, решение уже принято. Теперь он здесь, и Джоан, похоже, твердо решил свести его с Советом джедаев.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, Даровит наблюдал за другими посетителями. Все они были джедаями: падаваны и мастера, молодые и старые, люди и существа иных рас. Взгляд его задержался на привлекательной девушке с длинными, черными волосами, которая, закусив губу, пристально глядела в свой монитор, как видно, с головой уйдя в работу.

Что-то в девушке показалось Даровиту смутно знакомым, хотя он знал, что никогда раньше не встречал незнакомку. За минувшие десять лет он не встречал никого, кроме тех, кто забредал к нему в хижину, а эта девушка совершенно точно не приехала из руусанской глубинки.

Он незаметно подошел ближе, не желая отрываться от незнакомки от работы, но стараясь

понять, где он мог ее видеть. Он наблюдал за ней на протяжении нескольких минут; девушка, казалось, была сильно расстроена. Внезапно она вскочила, победно вскинув кулак, и Даровит кожей ощутил до боли знакомое чувство.

Это чувство не покидало его ни на секунду все первые десять лет его жизни. Когда они были детьми, связь между ними была крепче, чем между кузенами – они были близки, словно родные брат и сестра. И хотя у девушки, стоящей перед ним, были темные, а не светлые волосы, Даровит не сомневался в том, кто она.

– Рейн? – позвал он тихо, чтобы не напугать ее. – Ты что тут делаешь?

Девушка резко развернулась, широко раскрыв глаза. Она глядела на Даровита немигающим взглядом, не признавая в нем человека, которого последний раз видела мальчиком. Затем она опустила взгляд на культю его правой руки и изумленно раскрыла рот.

– Томкет?

Тот кивнул, и добавил:

– Я теперь Даровит. Но иногда мне кажется, что «Томкет» звучит как-то лучше.

– Ты что, джедай? – насторожилась она.

– Нет, – быстро ответил Даровит. Нельзя, чтобы его приняли за того, кем он не является. – Я остался на Руусане после... после этого. – Он поднял культю. – Я помогаю людям.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Я прилетел, чтобы..., – он осекся на середине фразы, внезапно осознав, что Рейн грозит большая опасность. И опасность эту он же на нее и навлек.

– Рейн, надо уходить! Джедаи ищут тебя!

– Томкет, о чем ты?

– Один из джедаев был на Руусане. Я рассказал ему о тебе и о Бейне. Они поэтому привезли меня сюда!

Глаза девушки полыхнули гневом и ненавистью, и на долю секунды Даровиту показалось, что она убьет его прямо посреди Архива.

– Что им известно? – потребовала Рейн. – Говори все, что ты сказал им!

– Рейн, сейчас не время, – возразил Даровит. – За мной придут. В любую минуту. Тебе надо уходить, иначе тебя поймут!

Девушка отвернулась и надавила на клавишу терминала; из слота выскочила маленькая инфокарта. Она извлекла ее и спрятала под одеждой. Затем схватила Даровита за запястье и потянула за собой в сторону центральной ротонды. Рейн старалась идти как можно быстрее, но в то же время не привлекать внимания, отчего ее походка напоминало нечто среднее между быстрым шагом и бегом.

Даровит не стал сопротивляться, а только спросил:

– Куда мы?

– На Титон, – прошептала девушка. – Нужно предупредить учителя!

Они добрались до ротонды, но вместо того, чтобы повернуть к первому залу и выходу, Рейн завела кузена в зал номер три.

– Ты что делаешь, Рейн? – спросил Даровит, слегка повысив голос. – Нам надо уходить!

В ответ на слова Даровита, престарелая женщина с медно-рыжими волосами подняла лицо от экрана ближайшего терминала и пригвоздила их взглядом.

– Тише, Томкет, – одернула брата Рейн, с виноватым видом кивнув женщине. – Ты отвлекаешь людей.

Женщина вновь отвернулась к экрану. Даровита не слишком нежно встряхнули за руку.

– Прости меня, – прошептал он так тихо, чтобы слышала только Рейн. – Но тебе надо уходить. Лети на Титон, пока тебя не нашли.

– Я даже не знаю, где этот Титон находится, – прошипела девушка сквозь плотно стиснутые зубы. – Нужно найти гипермаршрут.

Присев за терминал по соседству с рыжеволосой женщиной, Рейн нажала подряд

несколько клавиш. Через секунду монитор ожил и вывел список порядковых номеров.

– Нашла, – сказала Рейн, и толкнула Даровита в кресло за терминалом. – Жди здесь.

Она скрылась между стеллажами, передвигаясь той же полубегущей походкой. Пока Даровит ждал возвращения кузины, его осенило: он, сам того не подозревая, перешел на чужую сторону. На Корусант он попал с намерением помочь джедаям избавиться от ситов и предотвратить войну. Но абстрактное понятие Зла галактического масштаба тотчас померкло, стоило встретить друга детства. Теперь он мог думать лишь о том, что случится с Рейн, если ее поймут; он пойдет на все, лишь бы спасти сестру.

Меньше чем через минуту Рейн вернулась с инфокартой, которую тут же вставила в терминал. Перегнувшись через Даровита, она отстучала ряд команд на клавиатуре и на монитор выплыло изображение затянутой облаками планеты.

– Это надо скопировать, – сказала она, доставая собственную инфокарту и вставляя ее в соседний слот.

– Может просто взять оригинал? – спросил Даровит.

– На дверях Архива сенсоры, – объяснила Рейн. – Если вынести оригинал сработает сигнализация.

Терминал пискнул, и инфокарта выскочила из разъема: данные успешно записались. Занна убрала карту и подхватила Даровита под локоть.

– Идем. Пока не явились твои друзья.

Не став возвращать оригинал на стеллаж, Рейн рывком оттащила кузена от терминала. Они добрались до ротонды, миновали главный ряд первого зала и вышли из Архива.

Глава 20

– Не понимаю, мастер Валентайн, – обронил Джоан, прочесывая взглядом коридоры Архива. – Я оставил его здесь меньше часа назад.

Он ожидал увидеть Даровита за терминалом в одном из четырех залов, или застать его за изучением бронзовых бюстов в ротонде. Но когда он привел мастера Валентайна для беседы с молодым человеком, Даровит бесследно исчез.

– Наверное, бродит где-то между стеллажей, – обнадежил его Фарфелла.

Джоан подозвал проходившего мимо дроида-аналитика. Тот развернулся и на негнущихся ногах засеменил к джедаям.

– Чем могу быть полезен? – услужливо поинтересовался дроид.

– Я ищу кое-кого, – пояснил Джоан. – Юношу.

– Архив посещают существа всех рас и возрастов, – ответил дроид. – Мне будет проще вам помочь, если вы сможете описать его внешность, мастер-джедай.

– У него отсутствует кисть правой руки.

Послышалось легкое жужжание: дроид обратился к банкам данных краткосрочной памяти.

– Кажется, не так давно я видел человека, которого вы ищите, в третьем зале, – сообщил дроид, и повернулся, чтобы проводить джедаев в нужном направлении.

Меньше всего Джоану хотелось ждать; он быстрым шагом обогнал дроида. Фарфелла не отставал.

В третьем зале было много посетителей, но нелюдимого целителя с Руусана среди них не оказалось.

– Его нужно найти! – бросил Джоан бывшему учителю, и стремглав помчался по ряду, между делом заглядывая в боковые коридоры, чтобы убедиться, что Даровита нет у стеллажей. Его кривляния немало всполошили отдельных посетителей.

Фарфелла поймал Джоана за руку, остановив его прежде, чем джедай смог пойти на второй заход по залу.

– Его здесь нет, Джоан, – сказал он.

Чей-то громкий, намеренный кашель заставил обоих мужчин одновременно повернуть

головы, чтобы встретиться взглядом с престарелой рыжеволосой женщиной.

– Мастер Валентайн, – произнесла та, – со всем почтением, напоминая вам, что Архив – место созерцания знаний. Вашему юному другу следует практиковаться в акробатике в другом месте.

– Наши извинения, мастер Кьюина, – прошептал Фарфелла. – Но это вопрос большой важности. Мы ищем пропавшего человека.

– Легко потеряться в знаниях Архива, – ответила Кьюина. – Я и сама порой пропадаю здесь днями.

В ответ на шутку, Фарфелла вежливо улыбнулся.

– Наш случай несколько иного рода.

К джедай подковылял дроид-аналитик, сумевший, наконец, их нагнать. Джоан покосился на дроида и вновь перевел взгляд на мастера Кьюину.

– Мы ищем молодого человека, – сказал он ей. – У него нет правой руки.

Кьюина вздернула брови.

– Я видела его не больше получаса назад. Он был с девушкой.

– Девушкой? – удивленно переспросил Фарфелла.

– Молодые люди, кажется, были знакомы, – сказала джедай. – Они обращались друг к другу по глупым прозвищам. «Томкет» и «Рейн», если не ошибаюсь.

Джоан сдал руку Фарфеллы.

– Рейн – его кузина! Ее он встретил в той пещере. Она здесь!

– Вы не знаете, куда они направились, мастер Кьюина? – спросил Фарфелла.

Женщина покачала головой.

– Они смотрели что-то вон на том терминале. Потом они ушли.

Фарфелла повернулся к дроиду.

– Есть ли возможность узнать, какие записи они просматривали?

– Прошу прощения, мастер-джедай, – ответил дроид. – Но терминалы не хранят записей о том, к каким данным производился доступ, дабы не нарушать приватности наших посетителей и во избежание компрометирующих их поисковых результатов.

– Ваши друзья, кажется, сильно спешили, – вставила Кьюина. – Сомневаюсь, что они успели вернуть диск на стеллаж. Он еще может быть здесь.

Джоан метнулся к терминалу. Вход был произведен под учетной записью некоей Налии Адоллу. Как и предположила Кьюина, в слоте оказалась инфокарта. Джоан вывел на экран список содержимого диска; Фарфелла встал рядом, глядя ему через плечо.

– Титон, – заметил мастер-джедай, выделив общую тему нескольких тысяч статей и документов, на которые ссылался список. – Колыбель джедаев.

– Должно быть, туда они направились, – вставил Джоан. – Бейн скрывается в Глубоком Ядре!

Он повернулся к Фарфелле и схватил мастера за руку.

– Вы должны убедить Совет отправить нас в погоню.

Фарфелла смерил его ледяным, немигающим взглядом.

– Сомневаюсь, что Совет решит проявить должное участие в данном вопросе, – предупредил он.

– Мастер Валентайн..., – взмолился Джоан, но старший джедай оборвал его резким взмахом руки.

– Совет тебе не поможет, Джоан. Именно поэтому мы полетим на Титон без их согласия.

Джоан удивленно воззрился на мастера.

– Я дал клятву генералу Хоту, – пояснил Фарфелла ледяным командным тоном, каким он не пользовался со дня роспуска Армии Света. – Я обещал, что не найду покоя, пока ситы не исчезнут с лица Галактики. Я не намерен нарушать клятву.

– Отыщи мастера Раскту и мастера Воррора, – добавил он. – Они служили с Хотом на Руусане. Пусть присоединятся к нам. Скажи им, что мы вылетаем через час.

* * *

Первое, что сделала Занна, когда «Лоранда» покинула орбиту Корусанта и совершила прыжок в гиперпространство – это смыла с волос черную краску.

Прежде чем уйти в отдельную каюту на корме, она включила и заблокировала автопилот, предоставив Томкету полную свободу перемещения по кораблю. Когда Занна вернулась, вытирая посветлевшие локоны полотенцем, кузен уже ждал ее.

Даровит, вытянув ноги и уткнувшись спиной в подлокотник, с комфортом обосновался на одном из длинных пухлых диванов в пассажирском салоне «Лоранды». Судя по спиртному в руке кузена, он таки обнаружил коллекцию эля, который Хеттон хранил на борту. В своих драных обносках отшельника впечатление он производил весьма комичное.

– Хоть ты и сменила цвет волос, но выглядишь совсем не так, как я себе представлял, – сообщил братец.

Сменила Занна не только цвет волос; она также поменяла скучные джедайские одежды на куда более привычный и комфортный черный костюм. Будучи левшой, она повесила светомеч на левый бок; ценная инфокарта со статьей об орбалисках была надежно укрыта в кармане на правом бедре.

– Это я, настоящая, – заверила она Даровита.

Выполняя задания, что давал ей Дарт Бейн, она часто примеряла на себя чьи-то роли и маски, обычно наслаждаясь самим фактом обмана. Но роль Налии, по непонятной причине, она находила весьма отталкивающей, и очень хотела – просто невероятно – сбросить с себя всю падаванскую шелуху.

– Так, стало быть, я твой пленник? – спросил кузен, когда Занна присела на диван напротив.

– Не думаю, что пленникам позволяют пить тарул и валяться на диване, – заметила она, бросив полотенце на подушку.

– Тогда зачем ты взяла меня с собой? – спросил Томкет, сев прямо и наклонившись вперед, вмиг обретя серьезность.

– Нельзя было тебя оставлять. Ты мог выдать меня и учителя Совету джедаев. Ты угроза для ситов.

– Ты правда думаешь, что ты сит, Рейн?

– Не называй меня так, – разозлилась она. – Рейн мертва. Она умерла на Руусане. Теперь мое имя Занна.

– Тогда на Руусане умер и Томкет, – угрюмо согласился кузен, медленно покручивая в руке стакан с элем. – Думаю, теперь ты должна звать меня Даровитом. Но ты так и не ответила. Ты правда думаешь, что ты сит?

– Я – Дарт Занна, ученица Дарта Бейна, темного повелителя ситов, – сказала девушка, ничуть не скрывая прилив гордости за прозвучавшие титулы. – И однажды я убью учителя и возьму себе ученика, продолжая наследие темной стороны.

– Не верю, – бросил Даровит, не впечатлившись проникновенной речью. – Я ведь тебя знаю, Занна. Ты не злая.

– Слово «зло» в ходу у невежд и слабаков, – сплюнула она. – Темная сторона позволяет выжить. Она помогает раскрыть всю глубину внутренней силы. Ставит на первый план твои способности.

– Ты не такая, что ни говори, – парировал Даровит. – Слуги темной стороны жестоки и беспощадны. Тебе не безразлична чужая участь, Занна.

– Ты меня даже не знаешь, – прошипела девушка. – Я убила больше людей, чем ты можешь себе представить.

– Я тоже убивал. Баг погиб из-за меня, – еле слышно сказал Даровит; он говорил об их кузене, умершем на Руусане. – Но убийство не превращает человека в сита, – добавил он

чуть громче.

– Не учи меня законам моего ордена, – предупредила Занна, поднявшись и схватив полотенце. – Что ты вообще можешь знать, чего я еще не узнала?

– Может, я и не знаком с темной стороной, – признал Даровит, взглянув на кузину. – Но я знаю тебя. И знаю, на что ты способна.

Занна в ярости запустила полотенцем в открытую дверь своей каюты. Она подошла к Даровиту и схватила его за предплечье правой руки, расплескав содержимое бокала. Вывернула ему руку, приставив обрубок кисти прямо к его лицу.

– Может ты забыл, кто сделал с тобой это, – напомнила она ему.

Даровит даже не сделал попытки вырваться, хотя Занна сдавила его руку с такой силой, что ногти впились в кожу.

– Я ведь не дурак, Занна, – сказал он спокойно. – Твой учитель едва не убил меня в той пещере. Я знаю, ты сделала это, чтобы спасти мне жизнь.

Девушка с отвращением разжала хватку, позволив руке Даровита упасть к нему на колени. Она повернулась к нему спиной и ровной походкой пошла в кокпит. Юноша бросил опустевший бокал на кушетку и вскочил на ноги.

– Ты рисковала собой, чтобы меня спасти, Занна, – бросил он, когда она подошла к порогу кокпита. – Я тебе не безразличен.

Резко развернувшись, Занна Силой прижала Даровита к полу. Судорожно вздохнув, тот упал лицом вниз к ее ногам.

– Теперь все иначе, – сказала девушка; она отвернулась и гневно опустила на пилотское сиденье.

Даровит медленно поднялся и подошел ближе, встав за ее правым плечом.

– Если я для тебя больше не важен, тогда зачем взяла меня с собой? – спросил он.

– Я тебе сказала уже, – процедила Занна, смотря прямо перед собой. – Ты мог нас выдать. Я не могла тебя бросить.

– Ты могла меня убить.

– Ха! – усмехнулась Занна; она выгнула шею, презрительно посмотрев на кузена. – Вот так взять, и прикончить тебя посреди Храма джедаев? Ты что думаешь, что все ситы поголовно идиоты?

– Мы больше не в Храме джедаев, – спокойно сказал Даровит. – Почему не убьешь меня теперь?

Занна резко отдернула голову, чтобы не пришлось смотреть ему в глаза.

– Ты целитель. Можешь нам пригодиться.

– В Галактике полным-полно целителей, – продолжал давить кузен. – И они не выдадут тебя джедаям.

– У меня не было времени искать кого-то другого. Ты был в нужном месте и в нужное время, – возразила она. – Тебе просто повезло.

– Это ложь, Занна. Как, по-твоему, я узнал тебя после всех этих лет? Мы же связаны. Всегда были. С самого рождения.

Занна ничего не сказала, только поежилась.

– Помнишь наше детство? Все думали, что я обладаю большой Силой, и никто не верил, что в тебе есть хотя бы кроха.

Занна не ответила; она помнила. В детстве Даровит мог поднимать силой мысли предметы и с повязкой на глазах палкой отбивать подброшенные в воздух фрукты. Ее таланты не проявили себя до тех пор, пока она не потерялась на Руусане.

– Тогда я еще не понимал, Занна, но все мои способности, все фокусы, что я показывал – это делал не я, это ты делала! Даже в таком возрасте ты знала, как сильно я хочу стать джедаем, и хотела мне помочь. И ты направляла свою силу в меня, позволяя вытворять те вещи.

– Все было совсем не так, – холодно ответила Занна.

– Ты делала это неосознанно, – объяснил Даровит. – Наша связь была так сильна, и ты

так сильно меня любила, что твое подсознание брало над тобою верх.

– Это самая тупая теория, какую я слышала, – отрезала Занна, не сводя глаз с контрольной панели.

– Уверена? А ты подумай, Занна. Когда мы расстались на Руусане, все мои силы пропали. И я не смог стать ни джедаем, ни ситом.

Мои способности малы. Поэтому я выжил при взрыве ментальной бомбы, а все ситы и джедаи на планете погибли. Бомба погубила только тех, кто был тесно связан с Силой.

– А ты? У тебя огромные способности. Почему, как ты думаешь, они так долго не проявлялись? Ты всегда отдавала их мне. – Он помолчал. – Ты не станешь темным повелителем ситов, Занна, – добавил он. – Ты другая. Рано или поздно, ты поймешь.

– Заткнись, – сказала она ровным и сухим голосом, смотря на приборы. – Скажешь еще хоть слово, и я тебе вторую руку оторву.

Даровит промолчал, но пальцами левой руки непроизвольно сдвинул культю.

– Я взяла тебя на корабль по одной причине, слышишь, одной, – сухо продолжала Занна. – Мой учитель заражен паразитами, которых называют орбалисками. И ты его вылечишь.

– Но... Я же не знаю, как, – возразил Даровит, забыв о просьбе не открывать рта.

Занна протянула холодное щупальце Силы за спину и схватила Даровита за горло. И медленно начала давить. Даровит упал на колени, его руки метнулись к горлу, глаза покраснели от нехватки воздуха.

– На корме терминал, – сказала Занна, не обращая внимания на сдавленный хрип кузена. – Воспользуйся им, и изучи все, что написано в статье из Архива.

Она вытащила инфокарту из кармана на бедре и бросила ее к ногам задыхающегося Даровита. Тот катался по полу, цепляясь рукой за горло. Лицо покраснело, а глаза почти выкатились из глазниц.

– Если не найдешь способ помочь учителю до прибытия на Титон, – предупредила она, – он сотрет тебя в порошок.

Она освободила Даровита, и тот распластался по полу, с трудом ловя воздух прерывистыми глотками. Занна повернулась, посмотрев на брата. Она растянула губы в жестокой усмешке, словно давала понять: его страдания доставляют только удовольствие. В конце концов, Даровит смог собраться, поднялся на ноги, взял инфокарту и побрел к терминалу.

Когда он ушел, Занна встала и принялась шагами мерить пространство между сиденьями первого и второго пилотов. Даровит не прав, она знала это. Он ошибается. Она уверена в своих обязательствах перед темной стороной, не смотря на все, что сказал кузен. Но некоторые его аргументы достаточно весомы, чтобы задуматься о том, что скажет в ответ на них Бейн.

Если учитель – как и Даровит – решит, что ее действия оспаривают методы ситов, ей может очень и очень не поздоровиться, когда они прилетят на Титон.

* * *

Белия Дарзу жила века назад и принадлежала к ши'идо, расе оборотней, представители которой способны были изменять свою внешность. И потому не удивительно, что проекция, служившая хранителем ее голокрона, время от времени меняла форму. Хранитель представлял то тви'леком, то иридонанином, то цереанином, то человеком, а иной раз даже менял пол.

– При создании голокрона нельзя торопить события, – объяснял хранитель. – Изменения в матрицу следует вносить с особой точностью и осторожностью.

Сейчас хранитель выбрал себе облик, наиболее часто демонстрируемый Бейну: образ высокой женщины-человека с короткими каштановыми волосами. На вид ей было под тридцать, и черты ее лица выдавали хитрость, коварство. Это обличье Белии обычно носило

черный, обтягивающий летный комбинезон, черные сапоги, и бледно-желтый короткий жилет. На руках были желтые перчатки и короткие черные налокотники, а на голове красовалась кепка того же багрового цвета, что и пояс на талии.

Активировав голокрон, Бейн вынес его из подвала и перешел в большую залу на главном уровне, некогда служившую столовой для живых сторонников Белии. Здесь Бейн изучал содержимое артефакта уже несколько дней. Он продвигался медленными, осторожными шагами, по-прежнему восстанавливая силы после битвы с технотварями. Неспешный темп позволял ему собирать внутреннюю энергию и возвращать былую форму по мере погружения в глубины кристаллического архива.

Большая часть обнаруженных сведений сводилась к ритуалам и опытам ситской алхимии – эту часть Бейн решил изучить подробнее, как только появится время. Другие данные представляли собой философские постулаты Белии касательно природы Силы, хотя, сказать по правде, в выводах ее было мало того, что Бейн не узнал самостоятельно. И только теперь он наткнулся на то, что искал.

– Могут пройти недели, даже месяцы, – рассказывала Белия, – прежде чем появится возможность завершить финальные стадии сборки.

Образ хранителя мигнул и сменился чертежом голокрона в разрезе. Волокна и завитки кристаллической матрицы на чертеже двигались и смещались, иллюстрируя необходимые изменения. Бейн лишь мельком взглянул на проекцию; он уже знал, как идеально точно настроить внутреннюю структуру матрицы.

– Ты сказала, что на подгонку может уйти не один месяц. Разве это возможно? – спросил Бейн, покачав головой. – Когнитивная сеть разрушается слишком быстро.

Образ Белии сменил собой голокрон.

– Прежде чем начать настройку, ты должен запереть когнитивную сеть в замковом камне, – объяснила она.

– Замковом камне? – переспросил Бейн, еле сдерживая возбуждение. За все время поисков, он ни разу не наткнулся на упоминание «замкового камня».

Белию снова заменил голокрон, теперь уже не в разрезе. Маленький черный кристалл, инкрустированный в вершину пирамидки, подмигнул Бейну бликом.

– Замковый камень – ключ ко всему процессу, – донес голос Белии. – Без него когнитивная сеть разрушится задолго до того, как будут внесены все поправки, и ты будешь терпеть неудачу за неудачей.

Бейн в изумлении изучал изображение. Он давно знал, что черный кристалл был неотъемлемой частью конструкции голокрона. Но полагал, что единственное его назначение – направлять в матрицу энергию символов, вырезанных на боках пирамиды. Он даже не догадывался, что кристалл может служить иной функции.

– Как мне удержать когнитивную сеть в замковом камне? – спросил Бейн, сгорая от желания раскрыть секрет.

– Ты должен выполнить Обряд Активации, – сказала Белия.

Картинка снова сменилось, показав невероятно скрупулезный и сложный ситский ритуал, не шедший ни в какое сравнение с тем, что прежде делал Бейн. Легкими касаниями Силы перелистывая страницы проецируемого изображения, он начал понимать, что на тщательное изучение ритуала уйдет далеко не один месяц. Но все же... секрет создания голокрона теперь у него в руках!

С большим удовлетворением он отключил голокрон. Настало время покинуть Титон и вернуться на Амбрию. Если все удачно, ученица будет ждать его в лагере.

Бейн вышел на воздух, направляясь к «Незримому». Едва собравшись зайти на борт, он увидел в отдалении другое судно, идущее на посадку. Он протянул к кораблю ниточку Силу и ощутил внутри Занну... вместе с кем-то еще.

«Лоранда» села в пятидесяти метрах от «Незримого». Бейн невозмутимо ждал появления Занны. Ученица показалась из корабля, вслед за ней вышел молодой человек. Темный повелитель ощутил в юнце Силу, но та была слишком мала. Когда он увидел культю

вместо его правой руки, все сразу встало на место.

– Мы должны были встретиться на Амбрии, – ощерился Бейн. – Зачем ты прилетела? И зачем привела его?

– Я здесь, чтобы предупредить вас, – быстро ответила девчонка. – Джедаи знают, что вы выжили при взрыве ментальной бомбы.

– Он сказал, – заметил Бейн, кивнув в сторону юноши.

– Он собирался говорить с Советом джедаев, – объяснила Занна. – В случае его пропажи, они могли проигнорировать слухи.

– Почему ты просто его не убила? – грозно спросил Бейн.

– Он целитель, – пришел быстрый ответ. – Он знает, как снять с вас орбалисков.

Занна отвечала слишком быстро, и Бейну это не нравилось. Как видно, она заранее заготовила слова, по несколько раз их отрепетировав.

– Это правда? – потребовал он у юнца.

– Я не могу сделать это здесь, – ответил Даровит. – Нужны медикаменты. Специальное оборудование. Это опасно, но, я думаю, что выполнимо.

Бейн задумался. Ему не было дела до возможной опасности; он сам знал, что любая процедура, призванная освободить его от инвазии, будет сопряжена с риском. Теперь его сдерживало лишь одно: он понял, что все его неудачи с голокроном никак не связаны с орбалисками, тянущими из него силу, и хотел вновь взвесить все за и против этого решения.

За плечом ученицы проступили неясные очертания другого корабля, летевшего слишком далеко, чтобы можно было различить его модель и принадлежность, и ход мыслей Бейна оборвался. Через мгновение он ощутил на борту корабля безошибочное присутствие светлой стороны.

Занна, похоже, почувствовала то же; она обернулась, посмотрев в направлении корабля, затем перевела на Бейна тревожный взгляд.

– Что-то не так? – спросил целитель, заметив, как учитель и ученица обменялись взглядами. – В чем дело?

– За нами следили, – буркнула Занна.

Корабль заходил на посадку. Он летел слишком быстро, чтобы можно было зайти на борт и взлететь. А если попытаться, вражеское судно польет их огнем из орудий прежде, чем они оторвутся от земли.

– В крепость, – приказал Бейн. – Джедаи нашли нас.

Глава 21

«Несущий справедливость», звездолет мастера Раскты, был, вероятно, самым быстрым кораблем из тех, на каких Джоану доводилось летать. Малогабаритный персональный крейсер вмещал экипаж из четырех человек. К немалому облегчению Джоана, рядом с ним сидели еще трое джедаев.

За приборной панелью находилась мастер Раскта, эчани. Ее кожа отливала серым, волосы снежно-белые, а в серебристых глазах отражались звезды. По росту она догоняла Джоана и обладала прекрасным сложением и куда лучшей физической подготовкой, свойственным представителям культуры, превозносящей бой как наивысшую форму искусства и самовыражения. Мастер Раскта, названная в честь легендарного воина-эчани Раскты Фени, величайшего фехтовальщика своего времени, всю жизнь посвятила боевым искусствам, чтобы однажды сойтись на равных, и даже превзойти бучшего своего противника.

За свои заслуги мастер Раскта получила редкий и престижный ранг мастера оружия. Она отгородилась от всех областей знаний, отказалась от развития иных способностей обращения с Силой, целиком и полностью посвятив себя техникам сражения на светомечах и рукопашному бою. Превратила себя в средство для убийств.

Теперь Раскта обучала послушников фехтованию на светомечах, но когда-то

принимала активное участие в руусанской кампании. Не признавая другого оружия, кроме голубого клинка в каждой руке, на поле брани она заставляла противников проникнуться страхом и ужасом. Джоан отчетливо помнил, как мастер-джедай выкашивала неприятелей в глубоком тылу, оставляя после себя след из тел. Поговаривали, что по окончании войны от ее мечей полегло столько же повелителей ситов, сколько погибло при взрыве ментальной бомбы.

На месте стрелка, напротив пилота, сидел Сарро Саж, падаван Раскты во времена войны. Этот темнокожий великан с пучком черных волос на лысой голове был лишь годом старше Джоана. Двухметрового Сарро с весом в полторы сотни килограмм, основная часть которого приходится на мускулы, было проще спутать с безволосым вуки, чем принять за человека. Но, не смотря на габариты, он был достаточно быстр и проворен, чтобы поймать на лету муху-зисс. Этот гигант, семь лет назад ставший рыцарем, пытался во всем походить на учителя. Он направил усилия на освоение массивного, длиной почти в 3 метра, двухклинкового меча. Джоан не мог и представить, что в Галактике найдется кто-то, кто сможет выстоять под яростным напором его голубых клинков.

В кресле навигатора на корме восседал мастер Воррор, иторианин. Длинная, плоская шея джедая выгибалась вперед и вверх к Т-образной голове, на концах которой с обеих сторон выдавались огромные, выпуклые глаза. Невежды так и называют «молотоголовыми» представителей этой расы за столь необычную внешность.

Фамилию мастера Воррора могли произнести лишь счастливые обладатели двух ртов и четырех гортаней, присущих всем представителям этой расы. Джоан как-то слышал, что один джедай-иторианин так направлял Силу, что преобразовывал свои многочисленные голоса в грозное звуковое оружие.

Мастер Воррор, однако, являлся целителем, и сила его заключалась в другом.

На Руусане он входил в число советников генерала Хота, и принес победу во многих сражениях, даже не прикасаясь к светомечу. В бою иторианин не нападал на врага, а поддерживал союзников навыками целителя и редким искусством боевой медитации. И хотя его талант не позволял в одиночку решить исход крупномасштабного сражения, в близком бою джедай, с помощью Силы, насыщал энергией тело, разум и дух каждого, кто сражался на его стороне, расширяя круг возможностей своих союзников.

Сбоку от навигатора сидел четвертый член экипажа – мастер Фарфелла, в задачи которого входила помощь пилоту, стрелку и навигатору. Он следил за астронавигационными картами, показаниями двигателей, статусом оружейных систем, отчетами сканеров и всем, что требовалось другим для работы.

Джоан находился в кокпите вместе с Расктой и Сарро, занимая пассажирское сиденье позади пилота. Пока они не достигли Титона, все, что требовалось от него – не мешаться.

Следуя по давно заброшенному гипермаршруту, найденному на инфокарте в Архиве, экипаж «Несущего справедливость» проникал в Глубокое Ядро. Мастер Раскта выразила опасения еще в начале пути: согласно последним записям, данные гиперпространственные пути имеют дурное свойство неожиданно разрушаться. Звездолет, следующий по любой точке этого коридора за наносекунду до его искажения, сгинет навеки. Неустойчивость маршрута, вкупе с другими опасностями Глубокого Ядра – такими, как блуждающие черные дыры, способные растерзать корабль даже в гиперпространстве – привела к тому, что он был покинут и, в конечном счете, забыт почти на тысячу лет.

Воррор просчитал риск коллапса в ходе путешествия, и вычислил, что тот составляет не больше двух процентов – и все же Джоан с облегчением вздохнул, когда они вышли целыми и невредимыми в нескольких тысячах километров от цели.

– Орудия заряжены и готовы к бою, – сказал интерком голосом Сарро. – Нас не встречают?

– На орбите ни души, – доложил Фарфелла. – Похоже, все чисто.

– Иду на посадку, – сообщила Раскта. – Держите уши на макушке.

– Вижу ионный след, – сказал Фарфелла, когда корабль коснулся границ атмосферы. –

Похоже, они только прилетели.

– Фиксирую след... есть.

Даже за треском интеркома глубокий бас Воррора эхом рикошетил от стен корабля.

– Запускаю автопилот, – сказала Раскта. – Поглядим, куда он нас приведет. Сарро, держи палец на гашетке.

Автопилот повел корабль сквозь атмосферу Титона, и несколько долгих секунд за иллюминатором перед Джоаном висела плотная завеса серых облаков. Миновав верхние слои атмосферы, джедаи поняли, куда летят.

– Кажется, я знаю, где они, – пробормотал Сарро.

Под кораблем стелились плоские, лишенные жизни поля. На линии горизонта высилась темная крепость, единственное сооружение на много километров вокруг.

– Принимаю сигналы от двух кораблей на поверхности, – сообщил Фарфелла. – Снаружи никого.

Сейчас они были так близко, что Джоан разглядел две оплавленные башни, поднимавшиеся с обеих сторон от фасада цитадели.

– Вижу жизненные формы внутри сооружения, – заметил Фарфелла. – Судя по всему, их... трое.

– Только трое? – разочарованно буркнул Сарро. – Слишком легко.

– Я бы на это не рассчитывал, – предостерег Фарфелла, когда Раскта повела корабль на посадку.

* * *

Занна пыталась сосредоточиться, собраться с силами для грядущей битвы. И действия учителя немало ее отвлекали.

Дарт Бейн, с мечом наизготовку, вышагивал взад и вперед, словно обозленный ранкор. Занна чувствовала собирающуюся в нем силу темной стороны, которая, по большей части, питалась от злости. Злости на джедаев; злости на Даровита, что раскрыл их; злости на Занну, что привела джедаев на Титон. Она почти не сомневалась, что в любой момент Бейн мог сорваться и выпустить на волю ярость, усиленную орбалисками, но учитель пока держал свой гнев под контролем, сберегая его для скорой битвы.

Бейн привел их в крепость, в большой, просторный зал, двери с обоих концов которого вели наружу. Держать оборону у единственного выхода было бы проще, но Бейн не хотел угодить в западню. Если джедаи загонят их в угол, то устроят длительную осаду в ожидании подкрепления. А Занна и ее учитель, последние из ситов, не могли себе такого позволить. Потому важно иметь наготове альтернативные пути к отступлению.

Зал был пуст и начисто лишен предметов интерьера. Осмотревшись, Занна предположила, что почти квадратное огромное помещение служило когда-то для тренировок или учебы. Помимо двух выходов, в боковой стене нашлась крохотная дверца, ведущая в маленькую каморку. Вероятно, давным-давно там размещался склад оружия, мишеней и других принадлежностей, используемых на занятиях.

Согласно указаниям Бейна, она спрятала инфокарту из Архива в каморке, а учитель пристроил туда голокрон Белии Дарзу. Там же, по совету сестры, укрылся и Даровит. Оружия при нем нет, и для обеих сторон он бесполезен.

– Не высовывайся, пока мы не закончим, – предупредила его Занна, поймав сердитый, неодобрительный взгляд учителя. – Он бы только мешал, – объяснила она, когда Даровит закрыл дверцу.

Теперь оставалось только дожидаться врага. И это ожидание долго не продлилось.

Двери с обоих концов зала одновременно распахнулись: джедаи разделились на группы, чтобы успешнее согласовать атаку. Женщина-эчани с голубыми клинками и мастер-джедаи в пестрых одеждах и с золотистым мечом шли прямо на Бейна. А тощий, подвижный

джедай, вооруженный зеленым клинком, и груды мышц, в какой-то степени напоминавшая человека, с длинным, двухклиновым голубым мечом – заходили на нее.

Занна зажгла сдвоенный светомеч и встала в защиту, быстро вращая оружие, которое казалось маленьким и жалким в сравнении с голубым чудовищем противника-великана. Прежде чем джедаи атаковали, Занна отступила в угол, оставив позади место для маневров. Это позволит не только защитить фланги, но и оставит достаточно пространства, чтобы можно было пригнуться, увернуться и избежать оружия противника.

Краем глаза она заметила, что Бейн предпринял совсем другую тактику. Полагаясь на броню из орбалисков, он лоб в лоб попер на мастеров-джедаев.

И в этот момент на Занну набросились оба врага. Всего за несколько секунд она поняла, что рослый джедай куда опаснее, чем показалось вначале. За время, что потребовалось другому джедаю для двух ударов зеленым клинком, она отклонила не меньше полудюжины атак его напарника. Заметная разница ощущалась и в стиле и эффективности нападений. Взмахи зеленого меча были грубыми и предельно простыми. Атакуя, джедай полагался либо на силу, либо на скорость, но никогда не использовал их одновременно. Клинком он заходил либо сверху, либо снизу, не меняя в процессе угол атаки. Здоровяк же, напротив, атаковал под неожиданными и своеобразными углами, на середине удара меняя положение массивных голубых клинков. Каждый выпад джедая легко мог войти в пособие по смертоносной эффективности – все они состояли преимущественно из быстрых и мощных ударов и контрударов, о направлении которых противник мог только догадываться.

Пока Занна вращала клинками, сохраняя скорость и инерцию, она могла с легкостью парировать атаки обоих оппонентов, во многом благодаря тому, что джедай с зеленым мечом, сам того не замечая, работал против напарника. Он пытался чередовать атаки с атаками здоровяка, вероятно рассчитывая, что они смогут поочередно атаковать и отклоняться, не позволяя Занне нанести удар. Но огромный размах оружия гиганта не позволял тому развернуться в полную силу; джедай боялся ранить или убить товарища всякий раз, когда молодой дурень сломя голову кидался в бой. В результате, великан постоянно ретировался и не мог провести полноценную атаку. Наступая и отходя, он вынужден был подстраиваться под неуклюжесть своего товарища, нежели противника.

Все это Занна видела через неприступный барьер своих клинков, довольствуясь ролью пассивного участника сражения. Если бы не превосходное фехтование рослого джедая, она могла бы с ходу переключиться на агрессивную манеру ведения боя и быстро обезоружить мальчика. С другой стороны, если бы младший джедай не был так бездарен, его более умелый товарищ заставил бы Занну показать все, на что та была способна, лишь бы устоять на ногах. Пока что расстановка сил подходила Занне как нельзя лучше, ведь оба противника играли друг против друга. Ей даже не нужно их убивать, только отвлекать, пока Бейн, в своей неуязвимой орбалисковой броней, не покончит со своими противниками и придет на подмогу.

Она выждала момент очередной атаки молодого джедая и просчитала его до смешного предсказуемый выпад. Точно зная, куда придет клинок по траектории его замаха, она смогла на миг отвлечься от боя и бросить взгляд на учителя.

К немалому ее удивлению, оба джедая все еще стояли на ногах. Да, они были достойными противниками. От ее внимания не ускользнул и пятый джедай: иторианин, державшийся поодаль от сражения. Его глаза закрыты, точно в медитации. Занна как раз вовремя вернулась к своим противникам, дабы избежать верной смерти.

Короткий взгляд на учителя, но этого оказалось достаточно, чтобы великан бросился вперед, пытаясь клинком выжечь ей глаз. В последнюю секунду Занна увернулась, услышав шипение лезвия, отсекавшего ей локон. Незапланированный маневр лишил ее равновесия, спутал координацию, а меч, отбив удар зеленого клинка молодого джедая, утратил крутящий момент и остановился.

И в эту секунду, которая потребовалась ей на возвращение подвижности запястьям и сплетение новых замысловатых узоров двойных клинков, она была как никогда уязвима.

Верзила высоко поднял меч, замахиваясь в голову и заставляя пригнуться, а обратным ударом в ноги вынудил Занну подпрыгнуть, прежде чем та приняла более устойчивое положение. Девушка избежала удара, но приземление было весьма неуклюжим. И на нее обрушился новый удар. Неправильная позиция вынудила ее лишь заблокировать клинок, вместо того, чтобы его отклонить. Удар противника был столь мощным, что Занна пошатнулась и упала на пол.

Ее спас джедай с зеленым мечом. Он подобрался ближе, стремясь прикончить ее, и помешал товарищу, мечтающему о том же. Не без помощи унылой атаки мальчика, Занна быстро поднялась и мгновенно перешла к последовательности движений, составлявших основу ее почти неуязвимого стиля.

На краткий миг она заметила брешь в обороне противника, но позволила джедаю жить, понимая, что тот помеха скорее для своих товарищей, чем для нее.

С другого конца зала последовал крик:

– Джоан! Сарро! Нам нужно подкрепление!

– Иди, – рявкнул здоровяк. – Я справлюсь.

Джедай с зеленым мечом исчез.

Смуглый гигант выпрямился в полный рост, и Занна осознала, что тот выше и сильнее даже Бейна. Воздух зашипел; длинным мечом верзила описал узор вокруг тела. Взглянув на Занну сверху вниз, он улыбнулся.

И великан пошел в атаку.

* * *

Минуло много лет с той поры, как Фарфелла сражался с помощью боевой медитации Воррора. Он почти забыл, сколько скорости и сил приносил ему поразительный талант иторианина. Сила текла в нем с удвоенной энергией, переполняла его. Но даже с теми возможностями, что давал Воррор, Валентайн не знал, как долго продлится это противостояние.

Когда они ворвались в зал, человек, без сомнения, сам Дарт Бейн, безрассудно кинулся им навстречу. Раскта обогнала Фарфеллу в попытке покрошить сита на аккуратные маленькие кусочки. В любых других обстоятельствах, это сулило бы нападавшему верную смерть.

Невидимыми для глаз клинками Раскта нейтрализовала исступленную атаку противника и нанесла полдюжины смертельных ударов в грудь и живот. Но вместо того, чтобы упасть замертво, здоровяк продолжал наступать. Он едва не сбил Раскту с ног, грозя затоптать ее тяжелыми сапогами, но в последнюю секунду мастеру удалось увернуться и броситься на пол.

Бейн, не сбавляя темпа, по инерции неся на Фарфеллу. Необычный защитный покров из плотных, блестящих раковин под одеждами сита на мгновение отвлек внимание мастера-джедая. Но его боевые рефлексy, улучшенные силой Воррора, позволили вовремя отскочить от живого тарана.

Раскта снова была на ногах и бросилась в сторону сита. Бейн развернулся на каблуках и ударил невидимой волной темной стороны. Мастер оружия была не сильна в защите от подобных атак. Сила удара чуть не размазала Раскту о ближайшую стену, но Фарфелла поднял щит, сберегая эчани. И даже не смотря на это, ее мускулистое тело оторвало от пола и отбросило назад, но Раскта успела кувырнуться в воздухе, приземлившись на ноги.

Ощувив вмешательство, спасшее Раскте жизнь, повелитель ситов развернулся к Фарфелле. Бейн вытянул руку и послал мощный разряд ситских молний, в мановение ока, собрав всю силу. Джедай успел поднять силовой барьер, но разряды электричества прошли насквозь и понеслись к нему. Раскта пришла ему на помощь, заслонив своим телом, выплачивая долг длиною в несколько секунд. Благодаря боевой медитации Воррора она

мгновенно переходила из стиля в стиль, ее руки и клинки слились в размытые пятна, выписывая в воздухе восьмерки, подхватывая и поглощая разряды темной энергии.

Их противник с большей агрессией ударил разрядами молний. Раката вновь пришла на защиту Фарфелле. Она припала к земле, яростно атакуя бедра и голени сита, пытаясь лишить того ног и заставить корчиться в агонии. Ее клинки вспороли сапоги и прорезали широкие дыры в штанах, но обнаружили под ними только новые хитиновые раковины.

Бейн опустил светомеч на эчани, и та, скрестив свои клинки, попыталась заблокировать и захватить оружие противника в точке пересечения. Но атака оказалась отвлекающим маневром, и в последнее мгновение сит выдернул оружие и локтем ударил ее под ребра. Удар сбил джедая с ног и опрокинул на землю. Бейн прошел мимо, направляясь напрямик к Фарфелле.

Мастер-джедай встал в элегантную защитную стойку, готовясь принять вызов.

– Рукоять! – задыхаясь, крикнула Раскта, пытаясь подняться.

Предупреждение заставило Фарфеллу обратить внимание на крючковатый светомеч врага, и непривычную хватку, которой тот требовал. Оружие изменяет характер его атак, заставляет наносить их под особенными и непривычными углами. В условиях строгой дисциплины, единообразия и предельной точности дуэлей на световых мечах между джедаями и ситами, необычное оружие мгновенно превращало технику Бейна в нечто уникальное и неожиданное.

За долю секунды рассчитав свои действия, Валентайн изменил угол атаки оружия ровно настолько, чтобы заблокировать удар, который иначе скользнул бы по кромке его клинка и отсек руку у локтя. Но сила атаки все же вырвала золотистый клинок Фарфеллы из руки, отшвырнув светомеч на пол. Безоружного, беззащитного перед лицом врага, его вновь спасла Раскта.

Понимая, что клинкам броню сита не пробить, она сзади сделала подсечку. Бейн, опрокинувшись назад, превратил падение в перекат и вскочил на ноги. Задержка позволила Фарфелле оглянуться и, с помощью Силы призвать оружие к себе в руку.

Он снова вступил в схватку, видя, как мастер оружия перешла в наступление, быстрыми и резкими ударами клинков метя в незащищенное лицо Бейна – как видно, единственную часть его тела, не прикрытую неуязвимыми раковинами. И, что удивительно, Бейн начинал отступать.

– Не вмешивайся! – крикнула эчани Фарфелле. – Будешь только мешать.

Валентайн послушал совета, и вновь призвал силы светлой стороны для создания защитного барьера, на случай если сит применит против джедая темные силы.

Раскта, казалось, была везде и всюду – перед Бейном, возле него, кружила рядом, и низко припав к земле, высоко выпрыгивала, отражая его клинок одним из своих и нанося три быстрых укола подряд в направлении его глаз. Здоровяк пригибался и уходил, крутился и уворачивался, избегая ударов и попутно пытаясь организовать контрнаступление.

Мастерство Раскты в обращении со светомечами почти не имело равных, но даже с ее талантом, в немалой степени усиленным боевой медитацией Воррора, она не могла нанести предельно точный удар и обойти защиту Бейна. Свирепость новой тактики играла ей на руку... или Фарфелле так казалось.

Бейн отступал, уворачиваясь от клинков Раскты, но внезапно развернулся и рванул прямо на безоружного иторианина, неподвижно стоявшего в дверном проеме.

Боевая медитация требовала от мастера Воррора предельной концентрации и полной самоотдачи; у него не было ни единого шанса. Если Бейн убьет иторианина, джедаи утратят единственное преимущество, которое позволит им выжить в схватке.

Фарфелла выпустил на волю собранную энергию в одном направленном ударе. Бейн замер на месте, облачившись в мерцающее стазисное поле, сотканное из частичек света. Но оно лишь краткий миг продержалось под напором темной стороны. Мерцающее поле рассыпалось, и темный повелитель вырвался на волю. Секундная задержка дала эчани шанс встать между иторианином и ситом.

Клинки зажглись вновь, зайдясь гудением и свистом: Раскта не собиралась подпускать Бейна к Воррору. Любой ценой.

И Фарфелла вдруг осознал, что даже двоим здесь не справиться. Сит обладал не только физическими данными, но и виртуозным владением темной стороны. Все равно, что бороться со стихией.

– Джоан! Сарро! Нам нужно подкрепление!

* * *

Джоан повернул голову на голос Фарфеллы.

– Иди, – крикнул Сарро. – Я справлюсь.

Джедай бросил взгляд в другой конец зала и мигом сообразил, что происходит. Мастер Воррор в опасности; его нужно защитить, иначе боевая медитация – и любая надежда на победу – будет утрачена.

Он прыгнул через зал, подхваченный невидимой рукой Силы, и приземлился недалеко от Раскты, сошедшейся в схватке с Дартом Бейном; мастер-джедай отчаянно пыталась оттеснить сита от мастера Воррора, стоявшего в паре метров за ее спиной. Джоан атаковал не сразу, заметив на теле повелителя ситов необычные наросты.

– Целься в лицо! – крикнул Фарфелла, вместе с Джоаном ринувшись в гущу сражения.

Втроем они смогли удержать сита на расстоянии: Фарфелла с левого фланга, Джоан с правого, а Раскта – по центру. В перерывах между блоками и защитой они пытались нанести удар Бейну в лицо, и их объединенные усилия, наконец, заставили противника уйти в оборону.

Молодой джедай мог лишь восхищаться скорости и свирепости клинков Раскты. Если неуклюжие усилия Джоана и мешали Сарро в битве с ученицей, то Раскте, похоже, его присутствие играло на руку. Когда он шел сверху, она заходила снизу. Стоило ему ударить слева, она била справа. Частично, это была заслуга ее оружия: по отдельности, каждый из ее мечей был более точен и меток, чем безразмерные клинки Сарро. Но дело не столько в оружии. Рефлексы Раскты были так быстры, боевые инстинкты настолько отточены, что она ощущала и предчувствовала то, что должен был сделать Джоан, и, в конечном счете, использовала его атаки себе на пользу.

С противоположной от Раскты стороны Фарфелла наносил аккуратные, элегантные удары, беспокоя правый фланг Бейна. Им удавалось держать позиции, но шанса оттеснить и уничтожить сита не существовало в принципе.

Они зашли в тупик, ни одна из атак не обнаруживала уязвимых мест на теле Бейна. И вдруг Джоан уловил полоску белой кожи, приоткрывшуюся между бронированной перчаткой сита и раковинами на его предплечье. Прореха была узкой, но вполне достаточной, чтобы смог пройти хорошо нацеленный клинок.

Джедай ударил в новую цель. Сила, переполненная энергией Воррора, прошла сквозь него и направила меч. Удар был лишен безупречности; клинок скользнул по грани бронированных раковин и лишь поверхностно соприкоснулся с плотью. Вместо того чтобы отнять руку, меч лишь резанул нервные окончания и сухожилия.

Бейн издал яростный вопль и выронил оружие, пальцы раненой руки обмякли и лишились подвижности. Но прежде чем Джоан или кто-то еще смог раз и навсегда покончить с безоружным противником, джедаев отшвырнуло назад мощным взрывом энергии темной стороны – острая боль лишь придала сил их врагу.

Придя в себя на полу в метрах десяти от сита, Джоан в ужасе наблюдал, как светомеч темного повелителя подскочил с пола и влетел обратно тому в ладонь. Удивительно, но пальцы обхватили рукоять и зажгли багряное лезвие; его раны каким-то образом почти мгновенно зажили.

Теперь между Бейном и иторианином никто не стоял; как и Джоана, Фарфеллу и Раскту

отбросило на пол. Повелитель ситов поднял клинок, намереваясь оборвать жизнь Воррора, и Джоан воззвал к Силе.

Он знал, что ему не преодолеть защиту Бейна, поэтому не здоровяк был его целью. Толчок огромной силы отбросил Воррора в угол, в тот самый миг, когда красная дуга светомеча намеревалась разделить мастера надвое.

Джоан ощутил, как силы и энергия покидают его. Стоило Воррору потерять концентрацию, как тут же нахлынула волна изнеможения и усталости. Но мастер-джедай был еще жив, а Фарфелла с Раской уже поднялись на ноги. Если они задержат Бейна на несколько секунд, иторианин с помощью боевой медитации сможет вернуть утраченное преимущество.

* * *

Занна скользнула в сторону, непрерывно вращаемым оружием изменив направление вражеского клинка, убрав его от своего горла и без вреда пропустив над плечом. Противоположный конец меча верзилы опасно приблизился к ее бедру, и она ушла от лезвия в перевороте назад, сохранив устойчивость. Девушка кисло подумала, что до сих пор не понимала истинного значения термина «боевые искусства».

Атаковавший ее воин возвел единоборство в высшую степень искусства. Он передвигался с грацией танцора, его исполинский клинок запевал смертоносную песнь войны. Движения отличались абсолютным изяществом, почти одержимостью. Занна понимала, что к другим формам он слишком уязвим, но тот теснил ее так напористо, что у нее не оставалось шанса собраться с силами.

Если бы джедай обладал тем же преимуществом, что давала орбалисковая броня Бейна, их схватка давно бы подошла к концу. Бейн, для преодоления ее защиты, мог не обращать внимания на смертельные для других удары, поступаясь чувством собственной безопасности при дерзком наступлении. В противоположность учителю, ее огромный и сильный противник не был застрахован от смертельного выпада светомеча. Ему приходилось держать оборону, но стиль его был менее агрессивен, поэтому не оставлял бреши в защите. Хотя техника джедая была гораздо изящнее техники учителя, ей удавалось сдерживать натиск... до этих пор.

Здоровяк в очередной раз перешел в наступление, с огромной скоростью меняя положение клинка на середине удара, от чего казалось, что тот гнется и извивается. Тяжело дыша, Занна ответила на серию ударов яростным защитным шквалом. Ее стиль ставил цель затянуть бой, изнурить противника, пока тот пытается прорвать ее оборону. Но всякий раз, как она скрещивала мечи со смуглым гигантом, то безумно и отчаянно растрачивать энергию приходилось вовсе не ему. Мало-помалу он вытягивал из нее остатки сил.

И дело тут было не в таланте и тренировке джедая. Занна чувствовала вмешательство чего-то иного: текущую в нем Силу, казалось, направлял кто-то другой.

Обмен ударами понемногу теснил ее назад; противник отрезал пути к отступлению, загоняя девушку в угол и ограничивая движения. В более узком пространстве не было возможности противостоять его силе. И она ничего не могла поделать. Отступив еще на шаг, она уперлась ногой в стену. Отступать дальше некуда; конец близок.

С другого конца комнаты раздался яростный крик Бейна, и Занна приготовилась к последней битве, из которой уже не выбраться живой. Противник провел длинный двухклинковый светомеч вокруг себя, раскручивая его для новой атаки. И вдруг, совершенно внезапно, пропала вся Сила, которую в него направляли. Девушка почувствовала, как та потухла, словно свеча на ветру.

Великан замешкался, бросив быстрый взгляд на товарищей, чтобы узнать что случилось. Пользуясь моментом, Занна сплела пальцами сложный узор, опустив на врага ситские чары.

Джедай широко распахнул глаза, отошел от нее на подкашивающихся ногах, рассекая светомечом воздух в попытке одолеть воображаемых демонов. В безрассудном ужасе круша невидимых чудовищ, он даже не заметил Занну, которая оборвала его жизнь единственным длинным, диагональным росчерком по мускулистой груди.

Когда великан упал, девушка обратила внимание на Бейна. Тот спокойно продолжал сражение с джедаями, медленно тесня их к иторианину, помятой кучей лежащего в углу.

Собрав энергию темной стороны, Занна навела маскировку, чтобы скрыть свою силу, как делала в Храме джедаев. Прodelывая трюк, она заметила, что иторианин медленно встает и, закрывая глаза, пытается сосредоточиться. Она почувствовала, как по залу растекается волна энергии Света. Это заметили и Бейн и его противники. Внезапно обретя второе дыхание, они надели на учителя, направляя все свои удары ему в лицо и на запястья, где орбалиски оставили крохотные бреши в броне.

Занна бросилась на подмогу, тихо подкравшись к джедаям со спины. Маскирующее заклинание помогло ей подойти незаметно. Первой ударом клинка она убила эчани, прошив ту насквозь. Джедай вскрикнула, как подкошенная упав к ногам Занны. Один из нападавших слегка обернулся, на мгновение забыв о противнике. Бейн воспользовался ситуацией и отсек руку джедая, сжимающую зеленый клинок. Тот вскрикнул и упал на колени, зажав здоровой рукой прижатый обрубок. В мыслях Занны мгновенно всплыл образ руусанской пещеры, где она так же поступила со своим кузеном.

Она быстро отбросила воспоминание. Ее замешательство позволило молодому джедаю откатиться в сторону, подальше от боя. Занна колебалась, решая, убить ли его сразу, или помочь учителю одолеть мужчину, с которым тот еще сражался. Ответ пришел сам собой, когда мгновением спустя Бейн оттолкнул золотистый светомеч джедая закованным в орбалиски левым предплечьем и клинком снес противнику голову.

Иторианин прервал медитативный транс, почувствовав поражение товарищей. Но прежде чем он смог что-либо предпринять, Бейн подпрыгнул высоко в воздух и приземлился прямо перед ним, одним махом разрубив все четыре его гортани. Иторианин рухнул на пол, и темный повелитель развернулся, чтобы покончить с одноруким джедаем.

Занна ощутила, как учитель собирает силу темной стороны, но за мгновение до того, как тот дал волю пурпурным молниям, лежащий на полу иторианин вытянул руку и схватил его за щиколотку. Смертельно раненый джедай в финальном аккорде освободил собственную силу, и их обоих накрыла мерцающая голубая сфера.

Молнии, слетевшие с пальцев Бейна, не добрались до однорукого джедая, а отразились от внутренней поверхности закрывшей их оболочки. Разряды яростно заматались внутри, образовав такой плотный ураган энергии, что Занне пришлось прикрыть глаза и отвернуться. За пронзительным треском электричества она разобрала усиливавшийся вопль Бейна, и когда вновь посмотрела в его сторону, сфера уже исчезла, а учитель повалился на пол грудой обожженной и дымящейся плоти.

Она побежала к нему, но остановилась, увидев, что единственный выживший джедай медленно ползет к откатившемуся светомечу, не желая прекращать сражение несмотря на потерю руки.

Нацепив на лицо гневную маску, она шагнула к нему, воздев клинок над своей головой. Джедай умоляюще взглянул на нее, но Занна ответила одним коротким ударом, навсегда оборвав нити его жизни.

Глава 22

Добравшись до Бейна, Занна была в полной уверенности, что учитель мертв. Молнии обратили в прах его одежду, расплавили перчатки и сапоги. Плоть на лице и руках сита обуглилась, обгорела и покрылась волдырями, из которых сочился склизкий оранжевый гной. Несколько паразитов на груди и животе погибли, их коричневые раковины почернели и растрескались под воздействием электрического разряда. Из-под скорлупок ползли едва

заметные струйки черного дыма, неся с собой такую тошнотворную вонь, что у Занны скрутило желудок.

Но грудь Бейна едва заметно, но все же вздымалась; дыхание было слабым, почти неразличимым. Похоже, учитель лишился сознания от шока нестерпимой боли. Занна подождала, надеясь, что опаленные ткани начнут процесс регенерации, но раны Бейна не могли исцелить даже способности орбалисков, и результата не последовало.

Звук открывшейся двери заставил Занну повернуться: Даровит высунулся из своего укрытия. Он окинул взглядом устилавшие зал тела, увидел Занну, склонившуюся над учителем.

– Он...? – Даровит оставил вопрос недосказанным.

– Он жив, – со злостью бросила девушка, поднявшись на ноги.

Даровит не спеша выбрался из каморки, здоровой рукой прижимая к груди голокрон Белии и инфокарту. Когда кузен подошел ближе, Занна протянула руку и выхватила ношу. Даровит, похоже, даже не заметил; он не мог оторвать взгляда от человека у ног сестры, – обожженной, полуживой оболочки, – каким-то непостижимым образом до сих пор цеплявшегося за жизнь.

– Собери мечи, – приказала Занна. – Мы уходим.

Даровит, сочтя за лучшее не обсуждать приказ, принялся подбирать оружие павших джедаев: трофеи триумфа ситов на Титоне.

Занна убрала инфокарту и голокрон в карманы на поясе, глубоко вздохнула и сосредоточилась. Призвав Силу, девушка подняла тело Бейна, и удержала над полом на весу.

Так она пронесла учителя всю дорогу до выхода из крепости. Даровит, не отставая, плелся позади. Задумавшись, на каком из двух кораблей лучше лететь с Титона, Занна все же остановила выбор на «Лоранде». Он был гораздо больше, и, к тому же, имел полностью укомплектованный медицинский отсек.

– Открой трюм, – приказала девушка, кивнув на корабль.

Даровит помчался выполнять приказ, а Занна осторожно приподняла учителя и направила его внутрь «Лоранды».

На борту они подключили Бейна к насосу, подающему бакту. Было очевидно, что травмы темного повелителя требовали полного его погружения в бакта-камеру как минимум на несколько дней, но такими излишествами Занна похвастаться не могла. Бакта-насос был лучшим из того, что имелось в наличии; он впрыскивал большую дозу целительной жидкости прямо в вены, прокачивал ее по телу, затем отфильтровывал и повторял процесс.

– Состояние стабильное, – сообщил Даровит. – Но долго он не протянет. Погибая, орбалиски отравляют носителя.

– Ты читал инструкции на диске, – сказала Занна. – Сними их с него.

– Даже если я смогу, это не поможет, – сказал Даровит, вспоминая сухие строки текста. – Уже слишком поздно. В момент смерти орбалиски пустили токсины в ткани носителя. Они разрушают живые клетки на микроскопическом уровне. Он умрет через пару дней.

– Ты же драный целитель! – взорвалась девушка. – Так помоги ему!

– Я не могу, Занна, – сказал Даровит еле слышно. – Не здесь. У нас нет оборудования и медикаментов. А если бы и были, я бессилен. Когда токсины орбалисков проникают в тело носителя, обратить процесс уже невозможно.

Ты не можешь умереть, – с горечью думала Занна, кусая губу. – *Ты столько еще должен мне рассказать!*

Способности учителя лежат далеко за границей ее достижений. Она могла бы превзойти Бейна – он сам говорил ей об этом – но пока о его силе можно только мечтать. Слишком много тайн осталось ею непознаны. Тайн, позволявших обрести могущество – гораздо большее, чем то, что принадлежало ей сейчас. Если Бейн умрет, знание будет утрачено. Быть может, однажды она обретет его самостоятельно; уроки темного повелителя гарантировали успех.

Но все минувшие десять лет она лишь только училась контролировать силу. Тогда как

учитель начал складывать кусочки мозаики, которые однажды позволят ситам подняться с колен и взять в свои руки бразды правления Галактикой.

Бейн организовал обширную сеть шпионов и информаторов, но Занна не имела представления ни об истинном количестве вовлеченных в нее людей, ни о том, как с ними связаться. Он привел в движение сотни далеко идущих планов, служивших цели укрепления силы и, тем самым, ослабления Республики. Только теперь Занна начала понимать весь масштаб и сложность политических махинаций учителя.

Бейн был провидцем, смотрел далеко в будущее. Он четко понимал, как в собственных интересах использовать слабости и уязвимости Республики. Знал, как не дать джедаям увидеть темную сторону, и как заставить их сделать первые шаги на долгом пути, который приведет их к полному и бесповоротному вымиранию. Он умело манипулировал людьми, организациями и правительствами, высаживая семена, которые пролежат в земле много лет, прежде чем дать ростки.

Если Бейн умрет сейчас, все, в чем ему удалось преуспеть за минувшее десятилетие, сойдет вместе с ним в могилу. Занне придется начинать с самого начала. Придется найти и обучить ученика, хотя сама она еще не до конца познала собственную силу. Она будет слепо идти вперед, всегда в окружении врагов. И рано или поздно сделает роковую ошибку, которая ее погубит... а вместе с ней и ситов.

Этого нельзя допустить. Во имя Ордена, она должна сохранить Бейну жизнь. И пусть Даровит не обладает знаниями и силой, чтобы вылечить учителя, она знает того, кто на это способен. Того, кто однажды уже спас ему жизнь.

– Не позволяй ему умереть, – пригрозила она Даровиту.

Занна вышла из медотсека, зашла в кокпит и села за приборную панель. Она задала курс на Амбрию, но полетят они не в лагерь. Они полетят к человеку по имени Калев.

* * *

Хотя жилище Калеба стояло почти в сотне километров от их лагеря на Амбрии, Занна никогда не встречалась со знахарем. Она знала о нем только из рассказов учителя. Бейн говорил, что Калев знает толк в Силе, но контактирует с ней совсем иначе, нежели джедаи и ситы. Светлая сторона, темная сторона – для него все едино; он черпает силы самой природы.

Тогда слова учителя показались бессмысленными, но, заходя на посадку у крохотной, ветхой лачуги, что Калев звал своим домом, Занна начала понимать. В этом месте обретала энергия; она взывала на необычном и чужом языке.

Она почувствовала ее в воздухе, едва отворились створки трюма, ощутила ступнями, прыгнув на землю. Казалось, с каждым шагом земля под ногами дрожит, фонит звуком, слишком высоким для человеческого уха, но достаточно низким, чтобы приплясывать на кончиках зубов.

Даровит шел следом, орудуя рукоятками, направлявшими медицинские носилки «Лоранды». Они плыли в метре над землей, неся тело Бейна. Учителя вновь бесцеремонно перемещали, как обыкновенный груз. На сей раз, однако, его поддерживали репульсоры, а не Сила.

– Потрясающее место, – выдохнул Даровит. – Я такого никогда не чувствовал. Сила тут такая... грубая.

Занна запоздало вспомнила, что хотя кузен не обладает способностями джедаев или ситов, он может чувствовать Силу. А что если Даровит может то же, что и Калев? Правда, теперь это уже не важно, решила Занна. С момента отлета с Титона прошло четыре дня, и Бейну становилось все хуже. Если не найти помощи здесь – учитель непременно умрет.

Беглый взгляд на лагерь не прибавил надежды. Как и всюду на Амбрии, со всех сторон к нему подступали глухие, бесплодные пустоши, тянувшиеся вдаль, насколько хватало

взгляда. За исключением пары-тройки каменных глыб единственным, что выделялось на горизонте, была лачуга Калеба и костровая яма. Как видно, лагерь был безлюден.

Размеры лачуги не превышали несколько метров в диаметре. Стены жилища под острым углом сходились к вершине, отчего сооружение напоминало грубую версию пирамиды. Сложно сказать, где и как Калев раздобыл древесину для постройки домишки, но он, очевидно, давно не делал ремонт. Древесная обшивка почернела и выгорела за годы, проведенные под лучами местного солнца, и хотя не гнила в засушливом климате Амбрии, на ее поверхности при испарении влаги появились сотни длинных вертикальных трещин. В стене, смотревшей на костровую яму, чернел провал невысокого входа. Поверх свисало драное покрывало, легко покачивающееся на пустынном ветру.

Яму для костра окаймляли кругляши камней, почерневшие и опаленные многолетним дымом и пламенем. По центру давно остывших углей висел огромный железный и пустой котел, поддерживаемый металлической стойкой.

Занна вспомнила слова Бейна о том, как Калев опустил руку в кипящую похлебку. Он обварил себе кисть, доказывая учителю, что не боится боли, равно как и чужих угроз.

Десять лет назад знахарь отказал в лечении наставнику, но Бейн смог убедить его, пригрозив смертью дочурки. Занне почему-то казалось, что если они и найдут старика, то тот снова откажется тянуть Бейна с того света.

– Есть кто? – позвал Даровит, его голос показался тоненьким в окружающей пустоте. – Эй?

Занна медленно подошла к обветшалой лачуге, приоткрыла покрывало над дверью. Внутри была лишь маленькая лежанка, пристроенная в углу. Занна отошла от двери и окинула взглядом пустошь, окружавшую лагерь, проверяя, не мог ли Калев укрыться где-то еще. Даровит осмотрелся на ее манер, после чего озвучил единственно логичное заключение: – Тут никого.

А ведь пропал не только Калев, неожиданно поняла Занна. Куда-то подевались и все лекарства, которыми знахарь врачевал больных. И где продукты первой необходимости – еда, вода, топливо для костра – необходимые для выживания?

Занна вспомнила, что Калев прилетел на Амбрию, спасаясь от войны джедаев и ситов. Ему крупно не повезло: война, в конечном счете, увязалась за ним даже на захолустную планету. И все же знахарь хранил твердый нейтралитет на протяжении конфликта, наотрез отказываясь помогать представителям обоих воюющих лагерей; один лишь Бейн вынудил его сделать исключение из правил. Быть может, по окончании войны, Калев решил прервать добровольную изоляцию и вернулся на родину, в лоно галактического общества? Это лишь одно из многих возможных объяснений его исчезновения.

Он мог умереть. Прошло десять лет с тех пор, как Бейн навещался в лагерь Калеба, и хотя тот был далеко не древним стариком, нельзя было спускать со счетов возможность несчастного случая. Амбрия была опасным и суровым миром; на знахаря могли напасть хссиссы – жуткие плотоядные ящеры, временами выползавшие из глубин озера Натт, чтобы всласть наестся.

На планете хватало и вполне гуманоидных хищников. Горстка людей, что еще жила на планете, выживала лишь за счет ковыряния в отбросах, оставшихся после сражения на поверхности и в небесах; из мусорных куч они извлекали поврежденные предметы и устаревшую технику, которые еще можно было починить и продать заезжему гостю. Большинство «старьевщиков», как они сами себя называли, были простыми людьми, с трудом сводившими концы с концами. Но часть населения пошла по иному пути, избрав преступную стезю и убивая даже за полкредита, – что и говорить о пропавших лекарствах и припасах Калеба.

А еще знахарь мог помереть от болезни или недуга, против которых даже он оказался бессилен. Умри Калев по естественным причинам, не прошло бы и часа, как останки его, не оставив после себя никаких следов, растащил бы пестрый балаган пустынных стервятников.

Понятно, что здесь они помощи не найдут, но идти куда-то еще просто бессмысленно.

Бейн протянет, самое большее, день, прежде чем токсины орбалисков в тканях его тела достигнут смертельной концентрации. Занна застыла на месте, не в силах даже думать о том, что делать дальше. И вспомнила еще одну деталь из рассказа учителя.

Калеб пытался скрыть от Бейна дочь. Учитель без труда нашел ее в лачуге; больше в крохотном лагере спрятаться негде. По крайней мере, так было десять лет назад.

– Жди здесь, – приказала Занна Даровиту, оставив его приглядывать за Бейном.

Она вернулась к лачуге, зашла внутрь, и ногой отбросила лежанку, явив взору потайную дверцу в полу. Применит Силу, она распахнула ее и получила награду: из тесного подвала на нее глядел человек.

На лице мужчины не читалось ни страха, ни гнева. Скорее уж, что-то другое. Он имел утомленный вид; словно знал, что все это ведет его к долгой и нудной перепалке.

– На выход, – приказала Занна, отойдя на шаг от дверцы и положив ладонь на рукоять светомеча.

Не говоря ни слова, мужчина поднялся по хлипкой лестнице и вытянулся в лачуге в полный рост. Худощавый, среднего роста пятидесятилетний человек. Прямые черные волосы спадали до плеч, за прошедшие десять лет кожа потемнела и обветрилась под жгучим солнцем Амбрии. Внешность мужчины не давала повода предположить, что тот обладает какими-то особыми способностями или хоть чуточку необходим, но Занна нутром чуяла его огромную внутреннюю силу.

– Ты знаешь, кто я? – спросила она.

– Знал еще тогда, когда ты и твой учитель стали лагерем неподалеку, – чуть слышно ответил мужчина.

– И знаешь, зачем я пришла?

– Я почувствовал, что ты идешь. Я затаился.

Занна, заглянув в подвал, заметила полки, битком набитые бутылочками, мешочками, сосудами, сумками с лекарствами и целебными снадобьями, которыми пользовался знахарь. В углу обнаружилась горка пищевых пайков, рядом с которыми лежали маленькие квадратные контейнеры для припасов.

– Когда ты это построил? – с любопытством спросила девушка.

– Вскоре после моей встречи с твоим учителем, – ответил мужчина. – Я боялся, что однажды он вернется, а моей дочери нужно было надежное укрытие.

Он вдруг расплылся в улыбке, но движении губ не наблюдалось ни удовольствия, ни веселья.

– Теперь моя дочь стала взрослой, – сказал он. – Она покинула этот мир, уже не вернется. У тебя нет власти надо мной.

– То есть, ты не поможешь учителю? – спросила Занна, забыв вложить в голос угрозу.

– Теперь меня не заставить, – ответил знахарь, и Занна уловила в голосе мужчины чувство глубокого удовлетворения.

Она поняла, что Калеб готовился к этому все десять лет.

– Война между джедаями и ситами окончена, – сообщила Занна. – Учитель больше не солдат. Он обычный человек, который нуждается в твоей помощи.

Мужчина улыбнулся вновь, хищно сверкнув зубами.

– Твой учитель никогда не станет обычным. И умрет он совсем скоро.

Одного взгляда на руку знахаря, изувеченную ожогами после «свидания» с кипящей похлебкой, было для Занны достаточно, чтобы оставить всякую мысль касательно воздействия пыток на мнение старика. А подчинить его разум с помощью Силы тоже вряд ли удастся; воля Калеба слишком крепка, и его не сломить.

– Я дам тебе денег. Ты будешь купаться в богатстве.

Мужчина обвел руками простое убранство крохотной лачуги.

– Какова нужда в кредитах у человека, как я?

– А как же твоя дочь? – настаивала Занна. – Только подумай, насколько проще ей стало

бы жить.

– Даже если бы я хотел для моей дочери твою кровавую плату, я не нашел бы способа ее передать. Для полной безопасности я настоял, чтобы она сменила имя при первой возможности. Мне не известно ее новое имя; я не знаю, куда она ушла.

Закусив губу, Занна решилась на отчаянный шаг.

– Если ты не поможешь учителю, я отыщу твою дочь. Я найду ее, буду пытаться, а потом убью, – пообещала она, для выразительности делая ударение на каждом слове. – Но сначала заставлю смотреть, как я пытаю и убиваю всех, кто ей дорог.

Калев усмехнулся, позабавившись пустой угрозой.

– Что ж, вперед. Иди и ищи ее, а меня оставь в покое. Мы оба знаем, тебе никогда ее не найти.

И снова он взял кон. Не зная ни имени, ни примет, будет почти невозможно разыскать девушку, которая может быть на любом из миллиона республиканских миров.

Нахмурившись, Занна вновь опустила взгляд на изувеченную руку мужчины. Шрамы служили немым свидетельством того, что ей не сломить знахаря одной грубой силой, не важно, насколько ему будет больно. Но так как иные пути себя исчерпали, она все же решила попробовать.

Протянув перед собой незримую руку Силы, она подняла Калеба в воздух. Ноги знахаря оторвались от пола лишь на несколько сантиметров, но голова прижалась к низкому, наклонному потолку. Занна начала сжимать «кулак», сдавливая внутренние органы мужчины, медленно разрывая их и причиняя Калебу такие мучения, какие лишь немногим довелось испытать. Не тронутыми оставались только легкие – девушка постаралась дать ему достаточно воздуха, чтобы дышать и говорить.

– Ты знаешь, как это прекратить, – сказала она холодно. – Скажи, что вылечишь учителя.

Знахарь стонал и корчился от боли, но продолжал упорствовать.

– Занна! Ты что творишь?

Даровит заглянул в лачугу, озадаченный, вероятно, ее долгим отсутствием. Он стоял в дверях, в ужасе взирая на сцену пытки.

– Прекрати! – крикнул он. – Ты же его убьешь! Опустить его!

Тяжело и раздраженно вздохнув, Занна разжала хватку, позволив Калебу рухнуть на пол. Даровит кинулся к знахарю, но старик покачал головой и взмахом руки отогнал юнца. Он приподнялся на четвереньки, затем встал в полный рост, опершись руками в бока, и несколько раз медленно и глубоко вдохнул.

Даровит повернулся к Занне.

– Ты зачем это сделала? – разозлился он.

– Он отказывался нам помогать, – сказала девушка, обнаружив в своем голосе больше оправдания, чем ей хотелось.

– Я не спущу это чудовище на Галактику во второй раз, – заявил Калев сквозь плотно стиснутые зубы; он все еще мирился с последствиями пытки. – Ты не убедишь меня спасти его.

Занна опустилась на колени перед знахарем.

– Я могу пробудить твои худшие кошмары и оживить их перед твоими глазами, – прошептала она. – Я могу страхом свести тебя с ума, порвать в клочки твоё сознание, и на всю оставшуюся жизнь сделать из тебя полоумного идиота.

Даровит глядел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Калев же сверкал выводящей из себя улыбкой.

– Сделаешь это, – спокойно ответил знахарь, – и твой учитель умрет все равно.

Занна посмотрела на знахаря и закусил губу. Одним движением она встала на ноги и вылетела из лачуги, оставив Даровита с Калевым наедине.

Глава 23

В крайнем раздражении, Занна одним порывом пересекла местность от лачуги Калеба до парящих носилок, где лежал учитель.

Она проверила датчик с боку носилок, контролировавший жизненные показатели Бейна. Пока жив, но протянет недолго. Совсем скоро учитель умрет, забрав с собой все знания и секреты.

Занна стояла, склонившись над носилками, когда через несколько минут из лачуги показался Даровит. Он пересек лагерь и встал рядом, опустив взгляд на Бейна.

– По крайней мере, – сказал он, утешая кузину, – он умрет в покое.

– Покой – это ложь! – осклабилась Занна. – Не важно, умрешь ты во сне или в бою, смерть – она и есть смерть.

– Он хотя бы не чувствует боли, – ответил Даровит. Еще одна тупая банальность.

– Если чувствуешь боль, – ответила Занна, – это значит, что ты все еще жив. Каждый день жила бы с болью, только покоя не надо.

– Никогда бы не подумал, что услышу такое от тебя, Занна, – скорбно протянул Даровит, качая головой, – Разве не видишь, что он с тобой сделал?

Он сделал из меня сита, – подумала девушка. Но вслух сказала:

– Он сделал меня сильной. Дал мне власть.

– И это все, что тебе нужно, Занна? Власть?

– Через власть я познаю победу, через победу мои оковы рвутся.

– Власть не всегда приносит победу, – возразил Даровит. – Даже со всей властью, тебе не заставить Калеба помочь.

Бейн смог бы, – с горечью подумала она, но не сказала ни слова.

– Я знаю, что с тобой стало, – сказал кузен, в знак утешения положив руку ей на плечо, – Ты была ребенком. Была напугана. Одинока. Бейн нашел тебя и взял под свое крыло. Я понимаю, почему ты так ему верна. Понимаю, почему ты о нем заботишься.

Занна стряхнула руку Даровита и развернулась к нему, взглянув на брата широко распахнутыми глазами, полными недоверия.

– Я – сит. Я забочусь только о себе, и больше ни о ком.

– Ты заботишься обо мне.

Занна не ответила; ей не хотелось снова возвращаться к разговору, имевшему место по пути на Титон.

– Ты отказываешься это признать, – настаивал Даровит, – но я знаю, что я тебе не безразличен. И учитель тоже. Ты доказала это своими поступками, что ни говори. Но Калев прав, сама знаешь. Бейн – чудовище; нельзя его отпускать.

– Но ему совсем не обязательно умирать, – добавил он.

– О чем ты? – Занна вся обратилась во внимание.

– Я говорил с Калевом. Он и тебя считает чудовищем. Но он не знает тебя так, как знаю я. Ты не чудовище, Занна... но станешь им, если позволишь гневу и ненависти управлять твоей жизнью.

– Ты заговорил как джедай, – сказала девушка осторожно. Она не могла понять, к чему клонит кузен.

– Мне начинает казаться, что убеждения джедаев не так уж плохи, – признал тот. – Я же знаю, как все будет, Занна. Если Бейн умрет, ты убьешь Калеба.

Занна помедлила с ответом, но все же кивнула.

– Вероятно.

Врать смысла не было.

– Ты стоишь на краю обрыва, – предостерег Даровит. Его голос напрягся и приобрел суровые нотки. – Ты еще можешь измениться, Занна. Но я знаю, что если Бейн умрет, жажда мести заставит тебя убить Калеба. Я боюсь, что смерть учителя поможет тебе переступить черту. Ты превратишься в него.

– Не хочу, чтобы ты стала такой же, как он, – добавил он чуть мягче, кивнув на Бейна,

неподвижно лежащего на носилках. – Я должен был спасти тебя от тебя самой. Я не должен был допустить смерти Калеба. И поэтому я убедил его вылечить Бейна. Это единственный способ заставить тебя отвернуться от ситов.

– Но это же... это бессмысленно, – Занна, что есть сил, пыталась вникнуть в путаную логику. – Если Бейн выживет, он не позволит мне бросить учебу.

Да как будто я сама захочу? – добавила она про себя.

– Чтобы Калек помог, – пояснил кузен, – тебе придется отправить посыльный дрон «Лоранды». Ты сообщишь джедаям, где мы находимся, чтобы они прилетели и арестовали Бейна.

– Что? – выкрикнула Занна, отшатнувшись. – Да это безумие!

– Нет, не безумие! – ответил Даровит, схватив ее за локоть здоровой рукой, и развернув к себе лицом. – Прошу тебя, Занна, просто выслушай меня. Если ты отправишь сообщение джедаям и сдашь им Бейна, это докажет, что ты уже не сит. Что ты готова искупить всю боль и все страдания, что причинила.

– И только на этих условиях Калек согласен вылечить Бейна, – добавил он через секунду, отпустив ее руку.

– Ты сам видел, что может Бейн, – сказала Занна. – Что ему помешает убить джедаев, когда те прилетят?

– Токсины орбалисков растворяют тело Бейна изнутри. Если Калебу удастся помочь, пройдут недели, даже месяцы, прежде чем он сможет подняться с постели.

– А я не могу просто забрать Бейна и увезти его, когда он поправится?

– Ваше оружие – скрытность. Джедаи думают, что вашего ордена больше нет. Они не будут гоняться за тенью каждый раз, как кто-то произносит слово «сит». Только поэтому вы двое еще живы.

Но когда ты пошлешь дрона, все изменится. Они узнают о ситах. Получат доказательство, которое заставит их действовать. Каждый рыцарь-джедай и каждый мастер на миллионе миров будет вас искать. Ситы не смогут и дальше скрываться.

Занна знала, что Даровит прав. По этой же причине Бейну пришлось здорово потрудиться, чтобы об их существовании просочилась лишь пара-тройка бездоказательных слухов.

– К тому же, – добавил кузен, – Калек не сделает ничего, пока мы не обездвижим корабль. Если сбежишь, тебе придется тащить Бейна на себе по пустыне. Даже если он переживет дорогу, тебе не уйти далеко до прибытия джедаев.

– Кажется, знахарь не очень-то мне доверяет, – буркнула Занна.

– Ты его едва не убила, – напомнил кузен.

– Но если я сдам джедаям учителя, – размышляла Занна вслух, – что тогда будет со мной?

– Не знаю, – сознался Даровит. – Джедаи могут арестовать тебя. А могут принять твой поступок за переломный момент в твоей жизни. Попытку загладить вину.

– Может, они даже возьмут тебя к себе, – предположил он. – Я слышал, джедаи верят в искупление. И это лучшее, из чего можно выбрать.

– А ты? – спросила девушка. – Какова твоя роль?

– Я умываю руки, если ты решишь убить Калеба и бросить Бейна, – сказал он. – Но сомневаюсь, что ты это сделаешь.

– Ты так уверен?

– Я же говорил тебе, Занна – между нами связь. Я точно могу сказать, о чем ты думаешь, что чувствуешь. Ты боишься одиночества... но ты не одна. Уже не одна.

Ты все сделаешь правильно. И когда примешь решение, я буду рядом.

Занна пыталась взвесить все «за» и «против»; на крепко закушенной губе выступила кровь. Если она откажется, Бейн умрет, и ей придется продолжать династию ситов своими усилиями. Убить Калеба, найти ученика... вероятно, убить и Даровита. Если она согласится, то продаст учителя джедаям; и это ознаменует собой конец ситов и ее первый шаг на долгом

пути к раскаянию и искуплению.

– У Бейна мало времени, – торопил кузен. – Решай.

Перед мысленным взором в пугающих деталях раскинулись два пути: один вел к одиночеству, во тьму, другой к свету и Даровиту. Занна обдумывала все снова и снова, пока, наконец, не обрела ответ.

– Скажи Калебу, что я согласна.

* * *

Бейн медленно открыл глаза; веки казались тяжелыми, набитыми металлической стружкой. Он чувствовал, как те скребут о глазные яблоки, словно терка, всякий раз, как он моргал при виде льющегося сверху болезненно-яркого света. Этот свет заставил зажмуриться, когда Бейн попытался привстать.

Тело отказывалось повиноваться. Ноги, руки и туловище игнорировали приказы мозга подняться. Он не мог шевельнуть головой. Чувствительность, однако, не пропала: он точно знал, что лежит на спине, и ощущал под собой покрывало с грубым переплетением, впивавшимся в кожу. Он был парализован, не мог пошевелиться.

Бейн снова заморгал, не в силах полностью открыть глаза; вновь попытались привыкнуть к темноте. Взгляду предстал низкий, наклонный потолок из деревянных досок. Луч солнечного света бил прямо в лицо из узкой трещины в доске.

Простонав от боли, Бейн сумел склонить голову на бок, подальше от света. Смена положения позволила ему лучше разглядеть помещение, в котором он находился: маленькое, скромно обставленное и странно знакомое. Прежде чем он сопоставил место со своими старыми воспоминаниями, в поле зрения появилась чья-то фигура.

Исходя из факта, что смотреть пришлось на пару стоптанных кожаных ботинок, Бейн постановил, что лежит на полу. Неизвестный постоял над ним пару секунд, потом нагнулся, взглянув Бейну в глаза.

Лицо человека – постаревшее, но почти не изменившееся – волной всколыхнуло память темного повелителя. На этом самом полу он лежал десять лет назад, находясь на грани жизни и смерти, совсем как сейчас.

«Калеб», – попытался сказать он, но из него вырвался лишь сдавленный стон. Как и все тело, губы, язык и челюсть не могли шевелиться. Бейн попытался призвать темную сторону, чтобы восстановить пропавшие силы, но воля его была так же слаба, как он сам.

– Он очнулся, – громко сказал Калеб, не сводя глаз с пациента.

Откуда-то из-за спины Бейн услышал звуки шагов. Он снова попробовал заговорить, вложив все силы в одно-единственное слово.

– Калеб.

Голос был не громче шепота, но имя удалось произнести четко. Знахарь не потрудился ответить. Он выпрямился, снова заставив Бейна смотреть ему в ноги. Сит услышал глухие удары бегущих по песку ног сменившиеся резким стуком каблучков по деревянному полу.

– Дай взглянуть на него!

Он узнал голос своей ученицы, и начал медленно собирать воедино кусочки произошедшего. Он вспомнил бой с джедаями на Титоне; вспомнил, как пустил молнии Силы, направив их во врагов. Вспомнил проклятый щит, которым накрыл его иторианский мастер. Сразу после этого, все воспоминания были связаны только с нестерпимой болью.

Барьер джедая поймал Бейна в ловушку в эпицентре урагана темной стороны. Разряды электричества обволокли его с ног до головы, миллионы вольт прошли сквозь его тело, изнутри сжигая плоть, заставляя мышцы бешено сокращаться, грозя разорвать тело на части.

Энергия, проходя через орбалисков, проникала под кожу. Существа жадно поглощали электричество, пока не насытились настолько, что мягкая, податливая плоть их брюшек не начала распухать. Еще плотнее вжавшись в прочный хитин своих раковин, они начали

глубже вгрызаться в Бейна. Он помнил, как вскрикнул от боли, когда тысячи крошечных зубов вонзились в подкожную ткань, прокусывая мышцы, сухожилия и даже кость.

Но и войдя глубоко в его плоть, паразиты продолжали пировать электричеством, бегущим по горящему телу Бейна. Они продолжали разбухать, пока не стали лопаться на части под твердыми панцирями, точно надутые шарики, проткнутые иголкой.

И все время, пока продолжалась пытка, Бейн оставался в сознании, чувствуя сжигавшее его заживо электричество и агонию от терзающих плоть орбалисков. Но неописуемая боль от токсинов, выпущенных мертвыми орбалисками и поглощенных его телом на клеточном уровне, наконец, окунула его во тьму... только чтобы заставить очнуться в тишине лачуги.

Рядом с Калемом показалась пара новых ног: миниатюрных, женских; очевидно, Занны.
– Он пытается говорить, – сказал Калев с высоты своего роста.

Бейн снова попытался склонить голову, теперь попробовав взглянуть вверх, на стоящих над ним людей. Занна заметила движение и наклонилась, чтобы приподнять учителю голову. Она подложила ему под шею импровизированную подушку из своей накидки. Бейн спиной ощутил длинные, тонкие пальцы.

Краткое прикосновение немало потрясло Бейна: орбалиски пропали! Поэтому он чувствовал грубую ткань простыни. Поэтому ощутил пальцы Занны на своей коже.

– Орбалиски? – с трудом выдавил он.

– Их пришлось удалить, – сообщила ученица. – Они вас убивали.

Бейн ощутил, как окружающий мир вновь ускользает из его объятий; тело лишилось всех сил лишь от пары сказанных слов. Теряя сознание, Бейн остро сожалел о том, чего лишился.

* * *

На взгляд Занны, учитель выглядел гораздо лучше, когда открыл глаза двумя днями позже. Он медленно повел головой, присматриваясь к жилищу Калеба и разыскивая глазами ученицу.

– Что произошло? – спросил он.

Слова были едва слышны; голос Бейна казался грубым и неокрепшим.

– Калев вас вылечил, – сказала Занна, взбив подушку, прихваченную с «Лоранды», и подоткнув ее под голову и плечи учителя. – Он спас вам жизнь.

Четыре дня назад такое сложно было представить. Калев проследил за тем, как Занна программирует и отправляет к джедаям посыльного дрона, и только потом предупредил ее, что Бейн с большой вероятностью не переживет лечение.

Сперва она решила, что это уловка, оправдание, которым прикроется Калев, если даст учителю умереть... или просто убьет его. Она пристально наблюдала за знахарем все время, пока тот сновал вокруг Бейна. И хотя на вооружении Калеба была сотня разных способов лишить сита жизни, не дав и шанса понять суть своих действий, Занна очень надеялась, что ее присутствие не позволит тому прибегнуть к интригам.

Только теперь она поняла, насколько беспочвенны были все подозрения. Калев держал слово; глупые понятия о чести и достоинстве связали его по рукам и ногам. Он обещал помочь Бейну, и честно выполнил свою часть сделки, тогда как Занна выполнила свою.

Девушка предложила перенести Бейна в медотсек «Лоранды», но Калев отказал. Он заявил, что силы земли, на которой стоит лагерь, дают наилучший эффект его снадобьям. Даровит согласился, и Занне, которая сама понимала эту правоту, пришлось уступить.

Начал знахарь с того, что влил Бейну в горло сваренную на огне скверно пахнущую жидкость, чтобы приостановить действие токсинов. Даровит предупредил Занну, что яд убивает Бейна, медленно пожирая плоть. Но как только они приступили к удалению орбалисков, начав с обгоревших раковин мертвых паразитов, Занна поняла весь ужас состояния Бейна.

То, что находилось под орбалисками, уже не могло называться кожей; это нельзя было назвать даже плотью. Масса зеленовато-черного гноя паразитов смешивалась с ярко красными тканями тела Бейна, сочащимися белым гноем. При одном взгляде на учителя Занне стало понятно и без познаний в медицине и врачевании, что жизнь в нем теплится только благодаря Силе. Раны источали тошнотворный запах протухшего мяса, и девушка, как могла, сдерживала рвотный позыв.

Следующий шаг включал в себя удаление живых орбалисков. Ключом к этому, как подозревала Занна, служило электричество. Кaleb сварил клейкий, высоко проводящий гель, и покрыл им спинку каждого орбалиска. Следом, он взял длинную, тонкую иглу, подсоединенную к энергоячейке с «Лоранды», и вставил ее в крохотное отверстие на самом конце панциря орбалиска. Игла проткнула мягкую плоть и подала мощный электрический разряд, оглушивший создание.

В ответ орбалиск выпустил малую дозу «растворителя», ослабившего прочную субстанцию, используемую паразитом для крепления на теле носителя. Когда сцепка теряла силу, существо можно было поддеть и снять с кожи. Оглушенные паразиты опускались в большой резервуар с водой, подсоединенный к еще одной энергоячейке «Лоранды», и умертвлялись повторным разрядом электричества. Процесс тщательно повторялся с каждым из колонии, разросшейся по телу Бейна, и хотя Кaleb трудился сообщая с Даровитом, процедура заняла несколько часов.

Плоть под живыми орбалисками была бледной и разодранной, с глубокими, влажными ранами в тех местах, где подвергалась воздействию мелких зубов. Эти раны казались сущим пустяком в сравнении с жутким месивом под мертвыми раковинами.

Когда Бейна избавили от инвазии, Кaleb втер в его тело специальную мазь и с головы до пят обмотал повязками.

Их меняли каждые четыре часа на протяжении первых двух дней, всякий раз заново втирая мазь.

Занна могла лишь подивиться таланту Калеба. Когда знахарь взялся за дело, Бейн был едва живой массой пораженной плоти. К тому моменту, как сняли повязки, израненное тело темного повелителя словно переродилось. Кожа приобрела ярко-розовый оттенок, стала эластичной и очень чувствительной, хотя знахарь упомянул, что в ближайшие недели она вернет прежний цвет и фактуру.

– Кaleb спас меня? – пробормотал Бейн. – Как ты его убедила?

Занна помедлила с ответом, не зная, что сказать. Даровит с Калемом стояли за дверью; они могли войти в любой момент. Хотя, какая теперь разница? Пусть слушают, как она рассказывает Бейну о посыльном дроне. Дело сделано. Учитель еще слишком слаб, чтобы стоять на ногах, а джедаи, вероятно, лишь в дне пути до Амбрии.

– Джедаи знают, что вы здесь. Пришлось сообщить им, что повелитель ситов убил пятерых джедаев на Титоне. Что вы с Калемом на Амбрии, раненый. Они уже летят.

Бейн гневно сверкнул глазами и попытался сесть, но смог лишь на несколько сантиметров оторвать голову от подушки. Осознав свою беспомощность, учитель впери в Занну укоризненный взгляд.

– Ты раскрыла меня, – сказал он. – Предала.

– Пришлось сохранить вам жизнь, – объяснила девушка. – Вы многому меня не научили.

– Думаешь, теперь это возможно? – со злостью справился сит. – Джедаи не позволят.

Занна не нашлась, что ответить. Бейн прикрыл глаза, но задумался он или сдался, сложно было понять. Единственное, что оставалось Занне – это прислушаться к тихим голосам Калеба и Даровита, сидящих у костра.

Через несколько секунд Бейн открыл глаза. Они пылали жаром.

– Дарт Занна, ты моя ученица. Продолжатель моего наследия. Ты можешь получить то, что твое по праву. Стань мастером.

Голос учителя крепчал, к нему возвращались силы. Занна не знала, слышат ли его

снаружи.

– Возьми меч и убей меня! Присвой мой титул. Убей остальных и уходи, пока не пришли джедаи. Найди ученика. Не дай погибнуть нашему Ордену.

Занна покачала головой. Калев уже учел такой вариант и эффективно его устранил.

– Наш корабль сломан, а джедаи будут здесь через пару часов. Если скрыться в пустыне, они найдут меня прежде, чем я покину планету.

– Не думал, что ты меня так подведешь, – процедил Бейн, с отвращением отвернувшись от Занны. – Что погубишь ситов.

Занна промолчала, не сказав ни слова в свою защиту, и через несколько секунд Бейн снова взглянул на девушку, опустив взгляд на ее светомеч.

– Я не хочу гнить в застенках джедаев, – сказал он тихо, будто только теперь понял, что его могут услышать. – Не дай этому случиться.

Занна снова покачала головой. Не для того она с таким трудом спасала жизнь учителя, чтобы теперь его убить.

– Пока ты жив, Бейн, надежда остается, – сказала она шепотом, чтобы не услышали Даровит с Калевом. – Ситы еще могут взять свое.

Бейн покачал головой, что потребовало от него определенных усилий.

– Джедаи не дадут мне сбежать. Они увидят, на что я способен, и продержат под охраной из дюжины рыцарей, пока Сенат не казнит меня за мои преступления. Убей меня. Не дай им подписать мне приговор.

Последние два дня Занна провела рядом с Бейном, ожидая, когда тот очнется. Уже не оставалось сомнений, что учитель останется в живых, но девушка хотела убедиться, что его разум в полном порядке. Она хотела знать, что все его способности – равно как интеллект и коварство – выжили в суровом испытании. Доказательство, при всей иронии, выражалось в желании Бейна умереть.

– Ситы никогда не сдаются, учитель, – сказала она.

– И только дурак вступает в битву, победить в которой нельзя, – огрызнулся сит. – Джедаи близко. Не глупи. Убей меня!

Занна покачала головой. Учитель попробовал подняться, гнев почти позволил ему сесть. И он тут же упал на подушку, растеряв остатки сил.

Когда учитель потерял сознание, Занна поняла, что он может быть прав. Джедаи близко, нужно что-то предпринять. Девушка встала и взяла светомеч, зная, что гул клинка услышат снаружи. Ну и пусть. К тому моменту, как ее намерения станут ясны, будет уже слишком поздно.

Глава 24

«Свет Истинный», один из крейсеров джедаев, включенных в состав республиканского флота после «Руусанской реформации», с глухим ударом коснулся поверхности Амбрии.

– Будьте готовы к любой неожиданности, – предостерег экипаж мастер То'нату, готовясь сойти с корабля.

Задолго до того, как получить статус мастера, тви'лек служил в Армии Света на Руусане. Тогда То'нату назначили на корабль Фарфеллы, что, по счастливой случайности, уберегло его от последствий взрыва ментальной бомбы. Но прежде, ему все же удалось своими глазами увидеть ту степень жестокости, на какую способны ситы. Сейчас он тем более не хотел рисковать.

Джедаев прислали сюда в ответ на сообщение посыльного дрона, прибывшего на Корусант несколько дней назад. Анонимное послание внутри дрона было загадочно кратким, и в его лаконичности виделось нечто тревожное. Сообщение содержало лишь набор посадочных координат и четыре предложения:

«Повелитель ситов жив. Он убил пятерых джедаев на Титоне. Он на Амбрии у знахаря по имени Калев. Он тяжело ранен и беззащитен».

Меньше двух недель назад, мастер Фарфелла и четыре его товарища поспешно отбыли с Корусанта, обмолвившись о том, что отправляются на Титон в погоню за темным повелителем ситов. С тех пор никто о них не слышал. Посыльный дрон, похоже, пролил печальный свет на судьбу пяти джедаев, и тем самым добился немедленной реакции со стороны Совета.

Совет в кратчайшие сроки собрал команду из четырнадцати джедаев, – шести мастеров и восьми рыцарей, – и отослал их на Амбрию во главе с То'нату, чтобы найти человека, ответственного за расправу над Фарфеллой и его товарищами. Хотя сюда они явились со всей возможной спешкой, по прибытии на место требовалось проявить осторожность, дабы ненароком не угодить в ловушку.

Посадочные координаты привели их корабль на расстояние в несколько сотен метров от маленькой деревянной лачуги и крохотного костра. Неподалеку от хижины стоял звездный крейсер с выведенным на борту названием «Лоранда».

Створки внешнего шлюза распахнулись, и То'нату с джедаями прыгнули на землю, готовясь обнажить мечи при первом сигнале опасности. Воздух вокруг пульсировал необычной и чуждой энергией, за которой безошибочно угадывалась темная сторона.

– Первый и второй отряды – проверить корабль, – командовал То'нату. – Третий отряд идет со мной и обследует лагерь.

Девять джедаев спешно устремились к «Лоранде», То'нату с остальными пошли в сторону лагеря. То, что они увидели, подойдя ближе, едва не заставило их зажмуриться от отвращения: кого-то здесь в прямом смысле изрубили на куски.

Расчлененные останки человеческого тела усеивали землю вокруг лагеря. Руки были срублены с плеч, а после разрезаны еще раз – по линии локтей и запястий. То же было сделано и с ногами, которые разделили на стопы, голени и бедра. Даже туловище разрубили на четыре части. Раны на местах разрезов были ровными и прижженными – без сомнения, оружием мяснику послужил светомеч.

Не тронутой осталась одна голова, подобно трофею лежавшая наверху опрокинутого на землю котла. Голова принадлежала человеку: мужчине с длинными, черными волосами, судя по внешности, разменявшему четвертый или пятый десяток. Черты его лица искажала жуткая гримаса боли и ужаса; То'нату не мог даже представить, сколько ран тот стерпел, будучи еще живым.

– Что за безумец мог сотворить такое? – спросил один из джедаев, но мастер То'нату не нашел ответа.

По молчаливому кивку командира, джедаи зажгли оружие. Во главе с тви'леком, они подкрались к маленькой лачуге. Все, как один, остановились, когда То'нату уловил тихий звук изнутри: тяжелые, прерывистые вздохи, перемежаемые дрожащим всхлипыванием.

Драная простыня, занавешивающая открытый дверной проем, не давала заглянуть внутрь лачуги. Тви'лек прибег к Силе, чтобы попытаться понять, кто прячется внутри, но что-то – вероятно, необычная энергия самого лагеря – затуманивало его восприятие.

– Я – мастер То'нату, джедай, – прокричал он, погасив клинок меча. – Мы здесь, чтобы помочь.

Тишину хижины взорвал яростный крик. Из дверей вырвался юноша, размахивая над головой золотистым клинком, зажатым в левой руке. Его правая рука представляла собой обрубок, а в глаза горел сумасшедший огонь.

– Нет! – возопил он, бросившись на джедаев и неистово махая оружием. – Вам никогда меня не взять! Нет! Нет! Нет!

Крики его превратились в безумный вой, и мастер То'нату зажег свой клинок, когда юноша со звериной яростью накинулся на него. Остальные джедаи повиновались инстинкту, встав на защиту тви'лека. Менее чем за три секунды сумасшедшего юношу сразил рой светомечей.

Когда все закончилось, джедаи приняли защитные позиции лицом к лачуге, держа оружие наготовку и готовясь к новой атаке. Несколько секунд ничего не происходило, а

изнутри не раздалось и единого звука. Жестом приказав остальным оставаться на месте, То'нату подкрался вперед и отдернул простынь, закрывавшую вход.

Внутри лачуги было пусто, если не считать лежавших у самой двери пяти рукоятей светомечей. Мастер-джедай переступил через порог, быстро сложив воедино кусочки мозаики.

Он вспомнил, что Фарфелла пользовался таким же золотым клинком, каким атаковал их юноша. Светомечи, лежащие здесь, были трофеями, забранными убийцей с тел мертвецов, павших на Титоне. Погибший человек был юн, но джедаи знали, что темная сторона дает быструю и легкую силу – силу, достаточную для того, чтобы убить Фарфеллу и его спутников, особенно, если те угодили в ловушку. Сит сразил джедаев и завладел их оружием, но в ходе схватки понес ужасное ранение: потерял кисть правой руки.

Вероятно, он пробовал воззвать к силе темной стороны, чтобы исцелить себя. Но мастер-джедай знал – темная сторона не лечит, она лишь причиняет вред. Похоже, неудачная попытка залечить ранение повредила разум мальчика. Серьезно покалеченный и поврежденный умом, он прилетел на Амбрию в надежде получить помощь у знахаря. Ко времени прибытия он мог быть при смерти, и совершенно беззащитен.

Должно быть, тогда Калев отослал посыльного дрона, чтобы предостеречь джедаев.

«Повелитель ситов жив. Он убил пятерых джедаев на Титоне. Он на Амбрии у знахаря по имени Калев. Он тяжело ранен и беззащитен».

Вероятно, знахарь понял, кто такой юноша, когда залечивал его ужасные раны. Но Калев недооценил силу повелителя ситов – и его крепнущее состояние безумия. Еще до прибытия джедаев, сит встал на ноги. Он пытал и, в конце концов, лишил Калева жизни за то, что тот разоблачил его. Длительная пытка и кровожадное убийство знахаря, вероятно, еще сильнее травмировали психику юнца, сотворив из него то бесноватое создание, что бросилось на них из лачуги.

Все встало на свои места. Все сходится.

– Мастер, – позвал один из джедаев, заглянув внутрь. – Лагерь пуст.

– А корабль? «Лоранда»?

– На борту ни души, – доложил джедай. – Похоже, кто-то вывел его из строя еще до нашего прилета.

Вероятно, Калев, – понял То'нату. Хотел убедиться, что сит не уйдет. Если юноша обнаружил диверсию, то это объясняло зверство, с каким погиб Калев.

– На починку уйдет два-три дня, – сообщил джедай.

– Оставьте корабль мусорщикам, – сказал тви'лек, покачав головой. Было лишь две вещи, которые он хотел забрать из злополучного места. – Соберите останки знахаря. Устроим ему достойные похороны на Корусанте.

Джедай кивнул и поспешил выполнять приказы.

Мастер То'нату наклонился и собрал светомечи товарищей, павших на Титоне, чтобы в дальнейшем выставить их в зале славы Храма. Потеря Фарфеллы и его соратников была ужасной трагедией, равно как и то, что случилось в здешнем лагере. Утешало только одно: теперь можно вернуться на Корусант и с абсолютной уверенностью сообщить Совету, что последний из повелителей ситов погиб на Амбрии.

Он вышел из хижины и побрел к кораблю. Тви'лек знал, что память о жестокой резне на Амбрии будет преследовать его до конца дней. Ему не пришло даже в голову проверить спальную подстилку в углу лачуги. Он не увидел скрытой двери в полу. И не ощутил ученицу и ее лишившегося чувств учителя, под прикрытием ситской магии затаившихся в подвале прямо у него под ногами.

Эпилог

Восстановление «Лоранды» отняло у Занны три дня. Она разместила Бейна в корабле, подключила его к насосу, подающему бакту, чтобы во время починки корабля он мог

восстановить силы, и усыпила, чтобы ускорить процесс выздоровления. Теперь, когда их звездолет готов был покинуть Амбрию, она в последний раз зашла проведать учителя.

Тот лежал на спине на носилках, там, где она его оставила, и по-прежнему без сознания. Занна подошла ближе, чтобы проверить жизненные показатели учителя, и веки его распахнулись, обнажив полыхавшие животной яростью глаза. Бейн схватил Занну за запястье, сдавив с силой железной клешни.

– Где джедаи? – свирепо прошептал он, приподнявшись на локтях и вперив в нее полный ненависти взгляд. Хватка на запястье стала сильнее, и Занна поморщилась.

– Их нет, – сказала она, стараясь не выходить из себя. – Улетели на Корусант.

Она ощущала, как энергия Бейна – вновь вернувшая былую силу – струится по его венам. Ощущала жар его гнева: одно неверное слово – и он свернет ей шею Силой.

– Почему? – прорычал он.

– Решили, что убили темного повелителя Амбрии, – ответила девушка. – Подумали, что с ситами покончено.

Бейн в любопытстве склонил набок голову.

– Калев?

– Я убила его.

– Твой кузен?

– Мертв. Убит джедаями.

На ум пришел нежеланный образ того жалкого создания, в которое она превратила Даровита. Занна вспомнила его, скорченного в углу, трепещущего от ужаса. Он прижимал к груди рукоятку светомеча – единственную защиту от ужасов и кошмаров, что тянули к нему свои щупальца. Занна отогнала воспоминание, резко тряхнув головой.

Бейн выпустил ее запястье и опустился на кровать, расставшись с остатками гнева.

– Ты хорошо потрудилась, Занна, – произнес он.

Хитросплетения его разума обрели былую форму, и Бейн, наконец, понял, что сделала девушка. В ответ на комплимент, Занна улыбнулась.

– Я тебя недооценивал, – продолжал Бейн. – Знай я о твоих планах, ни за что не попросил бы меня убивать.

– Вы еще многое должны мне преподавать, – напомнила Занна. – Я все также буду учиться под вашим началом, мастер. Буду внимать вашей мудрости. Буду искать ваши тайны, раскрывая их, одну за одной, пока все, что вам известно – все ваши знания и все способности – не станут моими. И когда вы станете для меня бесполезны – я вас уничтожу.

В ответ на ее слова, Бейн вздернул бровь: кажется, он их одобрил. Амбиции шли Занне к лицу, давали ей силу. Ее таланты, ее способности и дальше будут расти. Когда-нибудь, она вызовет учителя на поединок за право первенства, и выживет только сильнейший. Это неизбежно. Таков путь ситов.

– Однажды, я стану сильнее, – предупредила Занна. – И в тот же день я убью тебя, повелитель Бейн. Но этот день еще не настал.